

Друзья МОИХ

И. ЮХНОВ

ВОЕННЫХ ЛЕТ

Москва

Колтуга

Сред

Брянск

Дзержинск

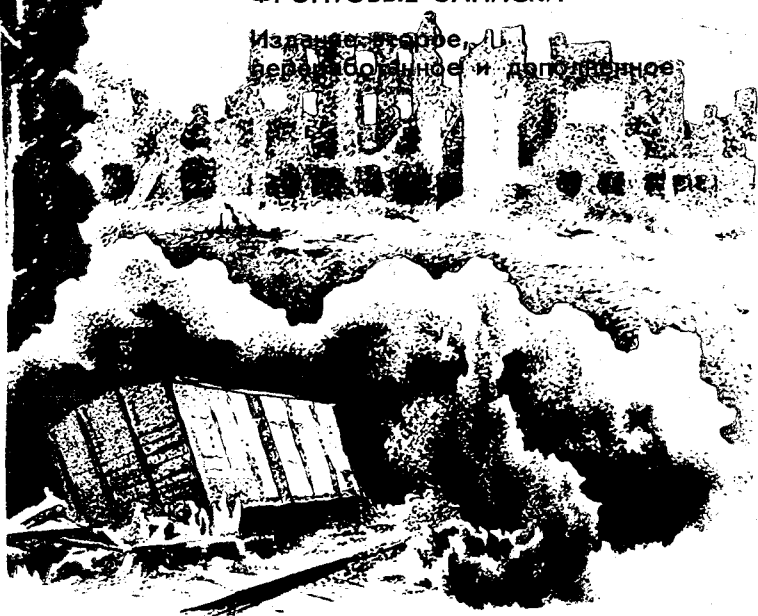

И. ЮХНОВ ДРУЗЬЯ МОИХ ВОЕННЫХ ЛЕТ

ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСКИ

Издание второе, исправленное и дополненное

Пермское книжное издательство
1988

ББК 63.3(2)722.78

Ю 94

*Автор этой книги — журналист
Иван Иванович Юхнов.*

В сентябре 1941 года он был призван в армию и прошел всю войну. Служил заместителем начальника штаба полка ночных бомбардировщиков, сформированного на Урале, офицером штаба 185-й истребительной авиадивизии.

Участвовал в разгроме фашистов под Москвой, в освобождении Калуги, Курска, Орла, Брянска, Риги, Лиепая. Награжден орденами и многими медалями.

Воспоминания военных лет легли в основу книги.

© Пермское книжное издательство,
1988

Ю $\frac{0505030202-35}{M152(03)-88}$ Без объявл.

ISBN 5—7625—0128—0

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ, ОБ ОГНЯХ-ПОЖАРИЩАХ

*...Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.*

Э. Багрицкий

Недавно, разбирая свои бумаги, я нашел старую фронтовую тетрадь. Страницы ее пожелтели, чернила поблекли, карандашные записи поистерлись. Но все же разобрать можно. Перелистываю, перечитываю, вспоминаю.

Осенью 1941 года я, как и многие мои товарищи — пермские журналисты, надел военную форму. Сначала предполагалось, что я буду служить во фронтовой печати, но на войне не выбирают. Меня определили в авиационный полк на штабную работу.

Я представлял себе, что буду воевать в скоростной современной авиации. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что наш 701-й полк оснащен самолетами У-2, собранными по уральским аэроклубам. К ним лишь приспособили самодельные бомбодержатели и назвали громко «ночными бомбардировщиками».

Наш состав формировался в запасном полку из летчиков и техников уральских аэроклубов и военных училищ. Начальником штаба, в помощники к которому я поступил, был кадровый офицер — старший лейтенант Вавилов. Штабной штат был укомплектован не полностью, и мне пришлось выполнять всяческие обязанности — вести оперативные и кадровые дела, заниматься связью.

Учить технике пилотирования, самолетовождению наших летчиков не приходилось. Другое дело — полеты ночью. Им уделялось особое внимание. К тому же стрелки-бомбардиры все были новички и нуждались в основательной тренировке.

Собственно, на У-2 никаких приспособлений для бомбометания не было. Мы шутили, что бомбить приходится на глазок по «сапогу».

Однако фронт торопил. Немцы приближались к Москве. Погрузив свои «бомбардировщики» на платформы, мы в теплушках тронулись на запад. По дороге от нас «сбежал» в истребительную авиацию командир полка капитан Воронин. Он сказал нам: «Я боевой летчик, и не хочу летать на «гробах». И правда, мы не знали толком, как будем воевать на этих тихоходах.

Все понимали, что не от хорошей жизни вручили нам латаные осовахиновские самолеты. В первые дни войны фашисты нанесли большой урон нашей авиации, и обстоятельства заставляли использовать У-2 как боевые машины.

Вскоре прибыли в маленький подмосковный городок. Здесь все дышало фронтом. По улицам ходили ополченцы с винтовками. Ночью город погружался во мрак. Действовал комендантский час.

На должность командира полка назначили кадрового летчика капитана Изосимова. Он внушал всем, что и на наших машинах можно хорошо воевать, дело лишь за людьми. Он поставил задачу как можно скорее собрать и опробовать самолеты.

Трещали крутые морозы, но весь состав полка — техники, оружейники, летчики, стрелки — дружно работал на сборке машин. Не раз и не два на дню объявлялась воздушная тревога, и все прятались по укрытиям. Высоко в небе появлялись фашистские самолеты, но, опасаясь зениток, пролетали стороной.

В один из таких дней мне довелось с летчиком Владимиром Слукком слетать для ознакомления с местностью. Поднялись на высоту восемьсот метров. Внизу грустно стоят покрытые снегом леса. Хорошо просматриваются полоски железных дорог. Множество населенных пунктов.

Ориентироваться трудно. Приходится строго руководствоваться компасом и картой. Линия фронта совсем рядом. Нам видно, как люди старательно роют противотанковые рвы. Холодно. Ветер сечет лицо. Мороз дает о себе знать.

От монотонной работы мотора клонит ко сну. Однако настойчивость берет верх. А что будет, если встретимся с немецкой «птахой»? Удастся ли увильнуть от нее? Наша машина совсем безоружна. На ней нет даже пулемета. Но никаких происшествий. Первый мой полет прошел благополучно.

Наши техники подготовили материальную часть к работе при низкой температуре воздуха. Вовсю идут тренировочные полеты. Я дежурю у телефона. Звонок из Москвы. Приказано перелететь в Тулу.

...Декабрь. Мы в Туле. Город перепоян баррикадами. Окна магазинов забиты досками. Всюду следы вражеских бомбардировок. Пепелища, разрушения. На площадях и во дворах домов, подняв к небу стволы, стоят зенитные пушки и пулеметы.

На аэродроме Мясново ангары сожжены. Тяжелые бомбардировщики, истребители и наши У-2 расположились в открытом поле. Машины все время прогреваются, непрерывно стоит глухой гул моторов.

Мы выполняем задания по разведке и доставке частям боевых приказов. Фашисты часто обстреливают наши самолеты. Несмотря на это, все экипажи рвутся в бой.

Первыми принимают боевое крещение Евгений Кузнецов, Федор Шитиков, Владимир Слук, Иван Макаренко.

В журнале боевых действий писарь скупно записывает: такой-то летал туда-то, налет столько-то. И лишь в особенных случаях подробнее. Так, например: «1 января 1942 года летчик Кузнецов летал на связь. Был атакован «мессером», ушел от него. Самолет противника врезался в утес, загорелся, вражеский летчик погиб, а Кузнецов задание генерала Худякова выполнил, секретный пакет вручил командиру 25-й сд».

Еще запись: «Летчик Федор Шитиков полетел на разведку. Осмотрел участок железной дороги Тула — Козельск — Белев. В районе Белева был атакован двумя «мессерами». Он умело посадил самолет в лес, и враги потеряли его из виду. После ухода противника Шитиков взлетел и привез ценные сведения».

«Летчик Василий Хомяков ушел на задание во время сильного бурана, при отсутствии минимальной видимости, вовремя доставил боевой приказ в корпус генерала Белова».

«Летчик Макаренко вез генерала Суркова. На них набросилась стая «мессеров». Он сумел приземлиться и спрятаться в кустах, а затем привез генерала по назначению».

«Летчик Василий Коробейников был атакован девятью «мессершмиттами». Его ранили, но он все же сумел посадить самолет и скрылся в лесу. Самолет был расстрелян и сгорел».

Лаконичные записи, сухие факты. А на самом же деле сколько мужества и отваги проявляют наши ребята!

...В Туле мы долго не задерживаемся. Наши войска гонят фашистов. 50-я армия, которой мы приданы, овладела Калугой. Мы перелетели на аэродром, находящийся около города. Противник совсем близко. До нас доносится артиллерийская канонада. Разместились поблизости от аэродрома, в одноэтажном кирпичном доме. Рядом, в уцелевшей части двухэтажного здания, — наша столовая. Вокруг парк, запорошенный снегом.

Машины расставили как на параде — в ряды, близко одна от другой. Это было ошибкой. На другой же день к вечеру наш аэродром подвергся ожесточенной бомбардировке. Было выведено из строя два самолета и легко ранен летчик Слук. Мы еще отделались довольно дешево. Ведь фашисты сбросили более сотни крупных бомб.

Из этого мы сделали кое-какие выводы. Самолеты рассредоточили и замаскировали. Назавтра враги снова бомбили аэродром. К счастью, причинить существенного вреда не сумели.

Частое появление фашистских стервятников нас не устраивало. Мы покинули грабцевский аэродром, перелетев в близлежащую деревушку. Самолеты спрятали по сараям, ригам и просто в вырытых в снегу капонирах, прикрыв их маскировочными сетками.

Машины-то убрали, а вот сами не захотели уходить из удобного общежития. Это было второй грубой ошибкой. В конце января готовилась крупная десантная операция, и на аэродроме было сосредоточено много тяжелых транспортных самолетов. И вот вечером, когда началась посадка десантников, появились громады вражеских бомбардировщиков и началась жуткая бомбежка и штурмовка, натворившие много бед. Нам повезло. В полку никто не пострадал.

Мы перебрались в село Вознесенское, поближе к своим самолетам. Так началось наше кочевье по маленьким деревушкам в глухих местечках, в сторонке от большаков.

В условиях зимы и бездорожья наши машины были бесценны. Они своевременно доставляли частям 50-й армии боевые приказы, перевозили командный состав, забрасывали легкое вооружение и боеприпасы. Группа наших летчиков все время дежурила при командном пункте штаба армии, выполняя самые срочные задания.

Время было тяжелое. Истребители врага непрерывно патрулировали в районе передовой, куда нам часто приходилось

летать. Чтобы не быть мишенью, летчики научились ходить бредущим, приспособившись к рельефу местности.

Держать связь с десантным корпусом полковника Казанкина и конниками генерала Белова также пришлось нашему полку. Мы доставляли им боеприпасы, продовольствие, медикаменты, газеты, литературу.

К десантникам и партизанам летали только наши лучшие экипажи. Ведь нелегко было найти в тылу врага небольшие посадочные площадки. Это умело делали летчики Пережогин, Кузнецов, Карпов, Сибиряк, Шитиков, Цибулевский.

Порой эти ребята совершали просто чудеса. Как-то лейтенанту Пережогину поручили срочно доставить десантникам взрывчатку. Намечалась большая диверсия. На дворе крутила жуткая метель. Однако летчик не сплывал, вовремя доставил груз десантникам. За это Пережогин был награжден орденом Красного Знамени.

Полк ночами постоянно летал на бомбежку важных узлов и объектов противника. Наносились бомбовые удары по врагу на участках Варшавского шоссе, по городам Киров, Юхнов, станции Занозная, по пунктам Зайцевая Гора, Фомино-первое, Фомино-второе.

Опять отличился летчик коммунист Владимир Пережогин. Он первым в полку применил бомбежку противника с крутого пикирования, стал снайперски поражать цели.

Его примеру последовали многие летчики и стрелки-бомбардиры. Метко, с пикирования поражали врага Карпов, Слук, Сазонов, Тюшкевич, Шитиков, Цибулевский.

Патриотизм был исключительный. Громить врага рвались все. Так, летчику Макаренко надо было уходить на бомбежку. Внезапно его стрелок заболел. Не раздумывая, на задание полетел техник башкир Сагит Вахитов. За ночь он сделал два боевых вылета. Он же вскоре сумел в трудных полевых условиях, при сильном морозе быстро отремонтировать поврежденный самолет.

Полк, несмотря на большие потери материальной части, работал напряженно. За зиму было сделано более 1200 боевых вылетов и примерно столько же по связи.

В боевых операциях штаб полка играл важную роль. Здесь решалось, как лучше выполнить то или иное боевое задание, какими силами, кому из летчиков поручить его. От нас требовалось умение оценить обстановку. Надо предусмотреть и большое

и малое, чтобы обеспечить успех боевых операций. Все было важно: и дисциплина, и моральный дух, и содержание самолетов в боевой готовности, своевременное обеспечение горючим и боеприпасами, состояние аэродромов и точек «подскока», нормальное питание людей.

Наш начальник штаба Вавилов был прекрасным организатором, требовательным командиром, заставлял всех работать с полной отдачей сил. Совершенно непонятно, когда он спал. Его можно было видеть и днем и ночью не только за столом в штабе, но и в подразделениях полка, на аэродроме, в общежитиях, в землянках.

Упаси бог, если я вовремя в вышестоящий штаб не представил положенных донесений, сводок, не обеспечил в срок проверки приказов командира. Он бывал крайне недоволен и тактично снимал стружку. Вавилов умел потребовать с командного состава оперативности и аккуратности в делах. Это ему было делать легко. Сам он являлся образцом боевого офицера.

Война есть война. Многие не считали нужным заботиться о внешнем виде. Николай Дмитриевич же всегда опрятен, чисто выбрит, сапоги блестят.

Как-то на его замечание о том, что я не побрит, ответил, что у меня нет бритвы. Он тотчас подарил свою и сказал: «Надеюсь, с сего дня мой помощник будет выглядеть как подобает».

Наш первый штурман полка капитан Борисенко был отличным специалистом. Он, не жалея времени, терпеливо обучал молодежь точному самолетовождению, придирчиво принимал зачеты по знанию района боевых действий. Охотно он делился своими знаниями и со мной.

Я рвался летать на бомбежку. Командир полка Изосимов давал свое согласие, а Вавилов смотрел на это косо и говорил, что я ему нужен в любое время и всячески препятствовал моим полетам за линию фронта.

По правде сказать, все штабники просились на боевые задания. Мы считали, что летный состав живет райской жизнью, вдоволь отсыпается после ночных полетов, а нам приходится спать урывками.

Правда, летал я немало. В 1942 году у нас не было нормальной связи с вышестоящими штабами. Мы с летчиком Володей Слуком седлали свою «лошадку» и отправлялись в штаб ВВС за получением боевой задачи, секретных оперативных данных.

Посмотришь с земли кругом: небо — ширь необъятная, а поле-тишь — маленьким кажется. Уж больно много было в нем вражеских «птиц». Вот и летишь бреющим, прижимаясь к земле. Иной раз заметишь — высоко над тобой ходят фашисты, ищут добычу. Однако всегда наши полеты обходились благополучно.

Фашисты господствовали в воздухе. Но мы умело маскировали самолеты, устраивались на жилье в глухих местах, в стороне от крупных дорог. В марте 1942 года нас приютила маленькая деревушка Синий Колодезь. Мы ее звали ласково Синий Платочек.

Самолеты укрыли на задах деревушки, в лесу. Аэродромом было просторное поле.

Маломощный БАО (батальон аэродромного обслуживания) не мог обеспечить нам охрану, мне приходилось выставлять караулы и дозоры из своих ребят. Раздобыли ручные пулеметы, немецкие винтовки (своих не хватало). Ночами я ходил проверять, как несется караульная служба.

Потеплело. Фронтовые дороги и аэродромы раскисли. Кажется, все, точка, сели на прикол. Ан, нет. Наш полк и в этих трудных условиях летал. Мы строили взлетные полосы, из леса таскали на них снег, укатывали его и по ночам уходили на боевые задания.

Интересный случай произошел однажды. Мы с летчиком Владимиром Слуком прилетели в штаб армии. Сели на размокший аэродром. Здесь стояли зачехленные «яки». Летчики со скучающими лицами слонялись без дела. Увидев нас, оживились. Мы услышали их разговор: вот — генерал прилетел, ему можно, а нас держат на земле. Мы с Володей от души посмеялись. «Генерал» этот был в петлицах всего с одним кубиком!

На Западном фронте наши У-2 с честью выдержали боевой экзамен. Были воздушными извозчиками, снабженцами, санитарами, а главное, ночными бомбардировщиками.

К весне 1942 года мы остались почти без самолетов и вынуждены были поехать в тыл на переформирование.

После двухмесячного пребывания в тылу наш полк прилетел на полевую аэродром под Воронеж. Самолеты же те — У-2, но

уже модернизированные, скорость побольше, в кабине штурмана установлен пулемет.

Летный состав заметно обновился. К нам пришли молодые летчики и штурманы, еще не бывавшие на фронте, почти не летавшие ночью. Значительно пополнился состав штаба.

Настроение у всех боевое. Молодежь рвется в полет, хочет скорей бить ненавистного врага.

Стоят темные августовские ночи. Командование армии дало полку трое суток на изучение района боевых действий и ознакомительные полеты. Летчики и штурманы прилежно изучают карту, запоминают характерные ориентиры.

Вот и первая фронтовая ночь. У командного пункта собрались пилоты, штурманы, механики. Все в летных комбинезонах, у каждого в кобуре пистолет. Курят, шутят, смеются. Теплый ветерок обдувает возбужденные лица.

Командир полка Изосимов оживленно разговаривает с людьми. Наконец, бросив взгляд на часы, обращается к командиру эскадрильи Артюхову и штурману полка Борисенко:

— Что ж, начнем с вас.

Капитан Артюхов — человек атлетического телосложения, кадровый военный, прекрасный летчик. С ним я летел на фронт. Капитан Борисенко показал себя отличным штурманом, хорошим наставником молодежи.

Оба четким строевым шагом направились к самолету. Через некоторое время раздалось стрекотание мотора, самолет разогнался по полю и легко взлетел. Он хорошо заметен в черном небе. Светятся бортовые огни. Летчик зачем-то включил их. Может, произвольная ошибка?

Но что это? К характерному стрекотанию нашего самолета примешивается чужой звук. Уже ясно слышно, как тяжело и грозно гудит какой-то самолет. На лицах людей появилась тревога. Кто-то крикнул: «Это же фриц!»

Наш У-2 как ни в чем не бывало сделал первый разворот и пошел на второй. Огоньки АНО (сигнальное освещение самолета) предательски светятся. Большая темная громада фашистского стервятника мелькнула над аэродромом. Он следовал за нашим самолетом.

— «Юнкерс!» — крикнул кто-то.

На аэродроме ярко горит электрическое «Т». Того и жди,

что на наши головы посыплются бомбы. Однако фашист увлекся охотой за движущейся мишенью.

— Выключить «Т», — спохватившись, командует Изосимов.

Все погружается во мрак. Но вот от «юнкера» сверкнули одна, другая огненные трассы в направлении нашего У-2. Он вспыхнул, как большой факел, и, бороздя черное небо, пошел к земле. Пронеслись какие-то мгновения, горящая машина вонзилась в землю на краю аэродрома. Взрыв, пламя. Мы кинулись туда. Но чем теперь мы могли помочь? Тлеющие обломки, груды искореженной проволоки, два обгорелых тела. Рядом с почерневшей рукой Артюхова белели часы со светящимся циферблатом. Секундная стрелка продолжала свой бег, а человеческое сердце остановилось.

Командир полка нагнулся и поднял часы. Они были еще горячи.

— Гады! — произнес он.

— Как быть с полетами? Отменить? — обратился к нему начальник штаба.

— Полеты продолжать. Летать без навигационных огней, «Т» включать лишь для посадки, — каким-то сухим, металлическим голосом сказал Изосимов.

...Начались боевые ночи. Как только темнело, с летного поля убирались копны сена, поставленные для маскировки. Из своих убежищ с тарыхтением выруливали самолеты и один за другим уходили в небо.

Война требовала наивысшего напряжения. Все работали с полной отдачей сил. Вооруженцы торопливо подвешивали бомбы. Без перекура и отдыха летали экипажи, бомбили передовую, леса за Доном, где было густое скопление войск противника.

— Не поспят они спокойно. Отомстим за Артюхова и Борисенко! — заявляли ребята.

...По долгу службы мне приходилось почти постоянно бывать на КП. Я невольно видел, кто шел к самолетам твердой походкой, с задором в глазах, а кто робко, нерешительно. Иной по малой опытности, а иной по малодушию. Откровенных трусов все же у нас не было.

Всегда уверенно отправлялись на задания наши опытные летчики Борис Цибулевский, Николай Сибиряк, Владимир Слук, Андрей Занин, Андрей Виниченко, Михаил Харчевников, штур-

маны Юрий Сазонов, Степан Кадесников, Василий Черномырдин. Хорошо показала себя молодежь. Пилоты Николай Попов, Василий Прогасов, Михаил Лебедев воевали храбро, заслужили боевой авторитет.

— Ну, железные нервы у Николы. Зенитки по нам лупят вовсю, а он с боевого курса не свернет, пока я прицельно не сброшу бомбы, — одобрительно говорил штурман Сазонов о своем летчике Попове.

Были у нас и такие, которых на первых порах брала оторопь, мутил страх. Молодой летчик Алексей Романов, как только узнавал, что ему предстоит лететь на задание, бледнел, волновался, а в полете старался забраться как можно выше. После разговоров с командиром эскадрильи и комиссаром полка он постепенно преодолел свою робость.

Жарко было в августе под Воронежем. Еще месяц не кончился, а на счету полка уже числилось свыше 600 боевых вылетов. Бомбили мы не только передовую, но и летали во вражеский тыл. К самолетам приделали дополнительные баки для горючего.

Важной для нас целью был железнодорожный узел и аэродром Старого Оскола. Бомбили их многократно. 26 августа на бомбежку улетело десять экипажей. Все они прорвались сквозь сильный зенитный заслон и успешно отбомбились. К сожалению, обратно возвратилось только девять. Не пришли с задания боевые сержанты Василий Сосулин и Петр Вдовин.

С каждым днем нам поручаются все более сложные задания. Мы начинаем бомбить аэродромы и военные объекты Орла. Здесь захватчики сосредоточили огромное количество зениток и до двадцати прожекторов. По их убеждению, они создали зону сплошной непроходимости. Однако наши самолеты с большой высоты, бесшумно, на планировании проникают в логово врага и обрушивают на него свои бомбы.

Летчики большой авиации с недоверием слушают нас, когда мы рассказываем, что нам приходится бомбить Орел.

После ночной работы подводим итоги. С докладом и за получением новой задачи в штаб армии обычно улетаю я. Здесь, как и на Западном фронте, «мессеры» охотятся за нашими самолетиками. Но и на сей раз я без особых приключений возвращаюсь домой. А вот моему дружку начхиму полка Феде Грязнову не повезло. Он увидел в небе фашиста, крикнул летчику:

«Мессер!», а летчик Сосновский с перепугу врезался в бугор и разбил самолет. Обоим пришлось за это держать серьезный ответ.

Днем после работы полк отсыпался. Спали в дощаном сарае, на матрацах, набитых соломой. Спали мертвецким сном, отрешившись от всех волнений войны. Рядом с моим матрацем постели летчиков Ивана Дудрова и Николая Попова. Вполне понятно, что мы нередко заводили задушевные разговоры.

Лейтенант Дудров первым в полку сделал сто боевых вылетов, хорошо освоил противозенитный маневр и охотно рассказывал о своем боевом опыте.

— Не люблю я торчать на аэродроме. По мне, скорей в воздух. Огни у вас тут, шум, гомон. Того и гляди, ганс нагрянет, — говорил он.

Николай Попов, хоть и моложе Дудрова, но быстро освоился в деле. Техника пилотирования у него была отличная, в ночном небе он ориентировался хорошо.

Не могу не рассказать об одной его причуде. Он возил в своем вещевом мешке толстую книгу В. Гюго «Отверженные». Ее прочитала вся третья эскадрилья. Давал он эту книгу и мне, просил с ней обращаться поосторожней, не мять. «Это отцовский подарок», — как бы извиняясь, говорил он. Сказывали, что в полетах Николай подбадривал себя возгласами: «Не унывай, Гаврош, не вешай носа, братишка!» Это говорилось про Николая с доброй улыбкой, без подковырки. В эскадрилье никого не удивляло, когда Николай после возвращения с задания, сидя с дружками за обеденным столом, поднимал фронтную чарку «за милого друга Гавроша!». Тост охотно подхватывали: парижский мальчишка, забияка и неугомон, нравился многим.

В начале сентября мы перелетели на аэродром Студенец. Самолеты попрятали в дубовой роще. Сами устроились жить тут же в землянках. Этот аэродром был удобен для нанесения ударов по коммуникациям противника на Орловско-Курской дуге.

На другой же день было получено задание совершить массированный налет на станцию Ворошилово. Сразу же, как только стемнело, наши самолеты поднялись в воздух. Цель близко. Через тридцать пять минут наши экипажи уже бомбят ее.

С аэродрома видно, как вспыхнули прожектора, как стреляют зенитки, выпуская в черное небо золотые трассы. Но про-

ходит всего несколько минут, и вся эта иллюминация гаснет. Зато в небо поднимается огромное злое пламя. Меток наш бомбовый удар.

Возвращаются обратно экипажи, возбужденно и радостно докладывают, что станция выведена из строя. Лейтенант Андрей Занин рапортует командиру полка о том, что он первым вышел на цель, сбросил ампулы с зажигательной смесью, разжег пожар. Остальные экипажи пришли на этот костер.

Летчики сообщают, что станция в огне, вокзал разрушен, горят склады и железнодорожные составы.

Командир полка Изосимов — бывалый летчик, любит летать на боевые задания. Он без колебаний решает побывать лично над целью, проверить, что сделали его орлики. С ним в полет отправляется летчик Владимир Слук. Берут с собой пару фугасных бомб.

И вот они над станцией. По ним никто не стреляет. Противовоздушная оборона подавлена. Изосимов насчитал пятнадцать огромных пожаров. Вокзал дымится в развалинах. Грохочут взрывы в объятых огнем складах. Вероятно, рвутся боеприпасы.

В сторонке от станции высится многоэтажный каменный дом.

— Наверняка там фашисты. Давай туда, — приказывает командир полка.

На высоте восемьсот метров они повисают над домом. Изосимов не торопясь прицеливается и нажимает на бомбосбрасыватели. Внизу огненные вспышки. Здание разваливается, как маленький карточный домик.

На своем аэродроме Изосимов выбирается из самолета, довольно потирает руки и удовлетворенно говорит:

— Молодцы, орлики, поработали на славу.

...Мы — кочующий народ. Часто меняем точки базирования: Студенец, Русский Брод, Троицкое, Дутое, Ветчинкино, Измалково, Прохладное и снова Студенец.

Вокруг орловские и курские просторы, знаменитые тургеневские места. Но не поют нам курские соловьи. Не слышим мы звонкого смеха и говора орловских девчат.

При перелете в Студенец произошла крупная неприятность. Летели четверкой. Ведущим был замкомандира третьей эскадрильи капитан Целаев с опытным штурманом Анатолием Нестягиным. С интервалом в тридцать-сорок метров шел лейтенант Голубцов.

День был зимний, ясный. Мы летели с молодым летчиком Николаем Крицким довольно беспечно, доверившись старшим. Вдруг под нами стало совершенно пустынно. Не видно ни движущихся автомашин, ни отдельных солдат. Это насторожило. Николай изменил направление. А через несколько минут вправо от нас засверкали молнии, рассыпались огненные шарики. Это немецкие зенитки открыли огонь по заблудившимся самолетам. Два самолета перелетели нейтралку и были сбиты. Летчики отстреливались. Наши артиллеристы пришли на помощь. В этой схватке погибли наши ребята.

Из Студенца мы бомбили вдоль линии Брянского фронта железнодорожные станции, аэродромы противника. От наших бомб гибнут фашисты, горят танки, самолеты, автомашины, выходит из строя другая боевая техника врага.

По агентурным данным стало известно, что в Понырях наш полк разбомбил здание, в котором погибло 150 гитлеровцев. На станции Глазуновка фугасные бомбы разрушили двухэтажный дом, в котором жили немецкие офицеры. На станции Думчино было взорвано три состава с боеприпасами. Применяя ампулы с горючей смесью, наш полк буквально сжигал населенные пункты, в которых располагались фашисты.

Большим испытанием для наших летчиков стал полет на бомбардировку переднего края обороны противника днем. Надо было помочь нашей пехоте прорвать его укрепленные линии. Облачность в тот день была низкая, предполагалось, что самолеты, вынырнув из облаков, обрушат на врага свой бомбовый удар и снова уйдут в облака. Но погода быстро изменилась.

Самолеты появились над передовой, а там чистое синее небо. Что делать? Командир эскадрильи Константин Котов принял решение идти вперед. Было бы трусостью не выполнить задание и на глазах у своих войск повернуть назад.

Появление самолетов У-2 явилось для противника неожиданностью. Немцы страшно удивились, увидев фанерные машины. Звено Котова, появившееся первым над врагом, не было даже обстреляно и прицельно отбомбилось, вызвав у фашистов панику и растерянность. Этим моментом воспользовались остальные экипажи. Зенитки открыли беспорядочный огонь, не причинивший большого вреда.

Пехотинцы, вдохновленные поддержкой авиации, перешли в

атаку и вскоре уже распоряжались в первых линиях немецких траншей.

Завидное хладнокровие и мастерство на передовой проявил сержант Михаил Лебедев. На него ринулся «Фокке-Вульф-189». Лебедев, умело маневрируя, вышел из боя, а наши зенитчики отогнали фашистского стервятника.

На бомбежку передовой мы летаем часто. Наши бомбы наносят врагу существенный урон. Кроме того, важен и моральный фактор. Не даем фашистам спать спокойно, играем на психике. Видимо, поэтому они обозвали нас «ночными дьяволами».

Как известно, любой вылет на фронте таит в себе тайну. Как-то на передовой неудача постигла младшего лейтенанта Николая Попова, нашего «Гавроша». Отбомбившись, штурман Топоров прицельно расстреливал фашистов из пулемета с высоты в четыреста метров. Гитлеровцы открыли сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Разбит мотор. Планируя, экипаж посадил самолет на нейтральной полосе. По ним стреляли из минометов. Летчики укрылись в снарядных воронках. Самолет подожгли. Ползком, преодолевая проволочные заграждения, минуя минные поля, добрались до своих. На другую же ночь наш «Гаврош» снова полетел на задание.

Немало приходилось нам летать на разведку и к партизанам в Брянские леса. Это были трудные и сложные задания. Естественно, они поручались лишь лучшим летчикам — таким, как Борис Цибулевский, Андрей Занин, Николай Сибиряк, Василий Протасов, Андрей Виниченко, Николай Попов, Борис Амстибовский.

Наши ребята скрупулезно выясняли, что делается в тылу противника, какая ведется переброска войск, боевой техники. Партизанам мы доставляли боеприпасы, продукты. Вывозили от них раненых, немецких «языков», забрасывали к фашистам своих разведчиков.

Несколько штрихов о работе штаба. Он под руководством капитана Вавилова действовал дружно, творчески. Мы собирали летный состав для обмена опытом боевых действий. Подробно изучали методы противозенитного маневра, опыт бомбардировки аэродромов противника, метод «свободной охоты», «полеты в паре».

Все ценное, что возникало в процессе работы, становилось общим достоянием. К примеру, отдельные летчики находили

безопасные «ворота» на передовой. Об этом тотчас же сообщалось всем экипажам. Становились известными трассы, по которым ходили вражеские истребители, — мы быстро изменяли свои маршруты. Заходы на цель делались с разных сторон в зависимости от расположения огневых точек. Мы стали обрабатывать за ночь не одну, а две-три цели, что увеличило эффект внезапности. Для того чтобы больше делать вылетов, пользовались аэродромами подскока, которые были в близости к тому или иному объекту бомбежки. Для обмана противника частенько устраивали ложные аэродромы. Немецкие летчики многократно попадались на эту удочку и бомбили пустые места.

В очень плохую погоду штаб организовывал с летным составом теоретические занятия. Мы постоянно держали связь с наземными войсками, неоднократно выезжали на передовую и согласовывали объекты бомбежки, уточняли огневые точки противника.

Инженер полка Валуйкин наладил ремонт самолетов в полевых условиях. Наши техники и механики возвращали их в строй за два-три часа. Мастерами своего дела по справедливости считались Иван Кузнецов, Калистрат Михайлов, Павел Великоднов, Сагит Вахитов.

Нелегкой для нас была зима 1942/43 года. Летать приходилось в сложных условиях.

Как-то выпустили на «свободную охоту» экипажи отличных летчиков Кружнова, Лебедева, Цибулевского. Была отвратительная погода. Самолеты можно вести только по приборам. Экипажам пришлось очень тяжело. Около Курска они попали под влияние магнитной аномалии. Компас — основной прибор на самолете — отказал. Летчики Лебедев и Цибулевский около двух часов кружились над территорией противника, пока не нашли дороги домой, а вот самолет комэска Кружнова не вернулся с задания.

Большая неприятность случилась с экипажем Бориса Амстибовского. Его самолет летел на бомбежку орловского аэродрома. Здесь, как всегда, сильный зенитный огонь. Казалось, невозможно прорваться к цели. Однако Амстибовский сумел это сделать, а штурман Федор Савицкий сбросил бомбы на капониры, в которых укрывались фашистские стервятники.

И в это же время самолет резко качнуло. Вражеский снаряд

попал в него. Мотор зачихал, забарахлил. В кабине летчика запахло маслом. Падала высота.

С большим трудом летчик вывел машину из зоны огня. Было ясно, что до дому не дотянуть. Зловеще чернела земля. Вот внизу промелькнула змейка дороги. Виднелось поле. К нему и направил Борис свой самолет, удачно посадил его. Выскочили из кабин. Летчик с переносной лампой стал осматривать самолет. Нашел пробойну на маслопроводе. Замотал ее тряпкой. Савицкий установил пулемет на высоком пне и наблюдал за местностью.

Самолет заметили немцы, ехавшие обозом по санному пути. Они кинулись к летчикам и закричали: «Рус, сдавайсь!» В ответ Федор полоснул из пулемета, и враги быстро скрылись во тьме. Надо было немедленно улетать. Мотор еще не остыл. Амстиковский попробовал его запустить, и, к счастью, он заработал. Вскоре ребята были уже на своем аэродроме.

Совершив за зиму около двух тысяч боевых вылетов, наш полк внес свой вклад в освобождение от фашистов Воронежа и Курска.

...Наступала весна. Самолеты летали на разведку и усиленную бомбежку аэродромов противника, на которых сосредотачивались крупные силы вражеской авиации. Мы систематически бомбили аэродромы Орла, Солнцева, Слободы, Мезенки. Несмотря на сильный зенитный заслон, наши летчики делали свое дело: уничтожали фашистские самолеты, зенитные орудия, прожекторы, приводили в негодность летные поля.

Так, 7 и 8 мая на аэродром Орла было сделано 26 вылетов. Отмечено шесть крупных очагов пожаров, сопровождавшихся сильными взрывами. Пулеметным огнем выведено из строя два прожектора.

12 мая на аэродроме Солнцево экипаж Журавлева — Савицкого, снизившись до четырехсот метров, сбросил серию бомб вдоль самолетных стоянок и уничтожил пять «юнкерсов».

14 мая на аэродроме Мезенка летчики Дудров — Черномырдин сожгли один самолет. Успешно вели бомбежку аэродромов с небольшой высоты летчики Занин, Лебедев, Банных, Атипалихин, Цибулевский и другие.

Нередко наши самолеты возвращались с большими повреждениями, вмятинами и пробойнами. Доставалось и экипажам.

В июне при налете на орловский аэродром основательно

пострадал экипаж младшего лейтенанта Харчевникова и капитана Рулева. Оба были ранены, но все же сумели привести машину домой. Попали на несколько месяцев в госпиталь. За мужество они были награждены орденами Красного Знамени.

Пришел июль 1943 года. Развернулась историческая, беспримерная по своему размаху Орловско-Курская битва. На земле противоборствовали пехота, артиллерия, танки, в небе сражались самолеты.

По маленькой быстрой Зуше проходил боевой рубеж. В дни наступления пехотинцы обратились к нам за помощью. Надо было разбить мощные долговременные укрепления врага на крутом берегу реки.

И вот наступила теплая звездная ночь. Загудело небо от самолетов. Наш полк в полном составе летел на бомбежку населенного пункта Вяжи. Немцы огрызались. Била зенитная артиллерия. Стреляли из всех видов оружия.

За ночь мы совершили более ста вылетов. Утром пехота овладела деревней Вяжи, путь на Мценск и Орел был открыт.

В июльские дни экипажи полка совершали по шестьдесят-восемьдесят вылетов за ночь. Бомбили отступающие войска противника, взрывали переправы и мосты, уничтожали склады боеприпасов.

Всем памятно стремительное наступление советских войск. Мы шагнули через Зушу. 20 июля был освобожден от фашистов город Мценск. 5 августа поднято красное знамя над Орлом. 15 августа освобожден Карачев. 17 сентября наши войска взяли город Брянск.

С большой радостью встречали нас жители освобожденных городов и сел. Обнимали, целовали. «Родные, наконец-то вернулись!» — говорили они со слезами на глазах. Около двух лет пришлось им быть под фашистским ярмом.

Орловско-Курская дуга! Здесь погиб мой хороший друг летчик Тимофей Журавлев. Он был убит под Орлом. Самолет привел на свою территорию раненный в ногу штурман Василий Малеваный. В боях потеряли мы командира эскадрильи Константин Котова, летчиков Василия Сосулина, Петра Медведева, штурманов Менжура Гарипова, Ивана Князева, Александра Васильченко.

На Курской же дуге сильно пострадал мой друг начхим полка Федор Грязнов. Он со своим отделением химиков готовил

ампулы с горючей смесью. Спрос на ампулы был большой. От них горели танки, автомашины, железнодорожные составы. Федор сам, засучив рукава, наполнял чугунные шарики горючей жидкостью. Случайно жидкость воспламенилась, и его опалило. Несколько месяцев пролежал он в госпитале и к всеобщей нашей радости вернулся в полк.

После взятия Брянска полк перебазировался в Калининскую область. Этот перелет чуть не стоил нам с летчиком Мишей Поляковым жизни. Мы пролетали над Орджоникидзеградом. Под нами — целый лес труб огромного завода.

Внезапно мотор зачихал и начал давать перебои. Винт остановился. Мы планировали, опускались все ниже и ниже. На нас угрожающе смотрели трубы. Оба подумали одно и то же: засорился бензопровод. Начали действовать шприцами. О, чудо! Когда мы уже были в нескольких метрах от труб, мотор заговорил, винт завертелся. Мы стали подниматься.

В начале 1944 года нам пришлось идти на выручку пехоте, которая в районе Невеля попала в «мешок». Горловина его — проход, составлявший всего восемь километров, — простреливалась. Создалась опасность окружения войск. В «мешок» перелетели и другие полки дивизии.

Линия фронта совсем рядом. Набирать высоту приходилось над самым аэродромом. Самолеты с приглушенными двигателями направлялись на цель и бомбили вражескую пехоту, железнодорожные эшелоны, автотранспорт, вели ночную разведку.

В ликвидации невеличского «котла» ночная авиация оказала неоценимую помощь пехоте.

Следующим нашим объектом была Идрица — сильный оборонительный рубеж фашистов. Мы перелетели на аэродром Ольховка, откуда было рукой подать до переднего края. Нанесли бомбовые удары по гитлеровцам, засевшим в Идрице, Новосокольниках, Пустошке. Летали на разведку и к партизанам.

Фашистские летчики неоднократно бомбили наш аэродром. 23 февраля «юнкерс» обрушил на наши головы лавину бомб. В это время мы грузили на самолеты листовки. Летчик Виниченко и я упали на землю. Комсорг Лукьянов замешкался и был ранен. Легко ранило двух оружейников. Повредило десять самолетов, но их быстро отремонтировали.

С Ольховки, по приказу штадива, наши летчики частенько

уходят на разведку в дневное время. Безусловно, летать днем — огромный риск. Но такие приказы без крайней нужды не даются.

Интересный случай произошел с Андреем Виниченко. Хмурым январским утром он получил приказ уточнить линию фронта, определить, как продвигаются наши войска, перешедшие в наступление.

— Ну что ж, мой «штурмовик» всегда готов к бою, — усмехнулся Андрей.

Его самолет поднялся в воздух и пошел у самой кромки облаков. Высота всего триста метров. Выше — сплошная, густая облачность.

Но что это? Там, где еще ночью гремела передовая, царил тишина. Вся округа была изрыта окопами, траншеями. Стояли разбитые танки со свастикой, изуродованные бронетранспортеры, орудия.

Вот Виниченко заметил: по большаку в беспорядке отступают фашисты. Теперь предстояло заглянуть в город Новосокольники.

Самолет шел, задевая обрывки облаков. Показались дома. Сизый дым стлался над городом. Виниченко в свой полевой бинокль увидел на улицах советских солдат, идущих походным маршем...

— Василь, город наш! — радостно крикнул он штурману и повел самолет на снижение.

Сомнений больше не было — город взят, внизу наши. Он прошелся над колонной пехотинцев и помахал им рукой. Ему ответили.

— Новосокольники наши! — вернувшись на аэродром, улыбаясь, доложил Виниченко.

Через несколько дней нашей 284-й авиадивизии было присвоено звание Новосокольнической.

...Вскоре нас перебросили на Ленинградский фронт.

Здесь много поработать не довелось. Стояли белые ночи, началась весенняя распутица, развезло дороги и взлетные площадки.

Сейчас я должен сделать маленькое отступление. Было бы неверно утверждать, что во время войны мы жили только боями, только военными делами. Жизнь есть жизнь. Человек и на войне человек. Чуть передышка — и оказывается, что у каждо-

го есть свои личные дела, свои заботы. Мы отмечали советские праздники, по возможности, дни рождений товарищей, вручение боевых наград. Проводили партийные и комсомольские собрания. Выпускали стенгазету и боевые листки. Время от времени к нам приезжали артисты с концертами. Мы и сами устраивали вечера самодеятельности с песнями, танцами. У нас выявилось немало талантливых певцов, актеров...

Вот, к примеру, лейтенант Владимир Дивинец. Как-то он дал нам концерт — более двух часов на память читал за всех персонажей — даже женщин — гоголевского «Ревизора». А после Дивинец взялся поставить «Ревизора» на сцене, слетал в Ленинград, раздобыл необходимую бутафорию, костюмы и музыкальные инструменты. «Ревизор» был подготовлен. Володя играл Хлестакова, летчик Николай Толпыго — городничего, штурман Рафик Сушкин — Добчинского, штурман Лева Циркин — Бобчинского, машинистка Люба Цибулевская — Анну Андреевну, оружейница Лиза Киселева — Марию Антоновну. «Оркестром» дирижировал Сурен Меликов.

Спектакль удался на славу, заслужил самую высокую оценку. После этого наши артисты выступали с «Ревизором» во многих воинских частях фронта.

Весной 1944 года мы перелетели к границам Латвии. Начались бои за освобождение Прибалтики. Я помню, как наш эшелон проезжал через разбитый и пустынный город Резекне. Жителей почти не видно. Немцы запугали их, уверяя, что советские солдаты будут грабить и убивать. Те, кого мы встречаем, поглядывают на нас с опаской, подобострастно кланяются и скорей скрываются из виду.

Мы обосновались в русской деревне Ломы. Жители к нам относятся радушно, угощают всем, чем богаты.

Днем мы ходим в леса ловить застрявших там фрицев, шпионов. Ночами бомбим удирающего врага. Отставшие от своих войск немцы выходят на шоссе и сдаются в плен нашим регулировщикам.

В середине августа перелетаем на маленький, очень ограниченный аэродром Камтаускаса. Слышно, как где-то близко гремит артиллерия. Отсюда летаем бомбить станции Тауриж, Огре.

Потом, чтобы успеть за отступающим врагом, перелетаем в поселок Дерти. Размещаемся в прекрасной помещицкой усадь-

бе. Красивый двухэтажный дом. Большие постройки. Аэродром, к сожалению, совсем маленький и неудобный, с узенькой взлетной полоской. Но наши ребята уже опытные летчики. Они умело взлетают и садятся на любом пятачке.

Стоят солнечная погода, темные ночи, и полк работает с полным напряжением. Летчики делают по восемь-десять вылетов за ночь. Мы применяем не только осколочные и фугасные бомбы, но фосфорные, зажигательные, Птабы. К отдельным самолетам приделаны балочки, и они стреляют реактивными снарядами.

Сменяются аэродромы. Приходит осенняя прибалтийская погода: сырые дни и мокрые туманные ночи. Однако наши ребята не признают капризов погоды, летают при любых метеоусловиях. Бомбим немецкие войска, обороняющие Ригу. «Даешь столицу Латвии! Рига будет свободной!» — заявляют летчики, уходя на задание.

Наконец, 13 октября у нас большой праздник. Освобождена Рига. За активное участие в боях полку присвоено почетное звание «Рижский».

Следующий этап — борьба за Курляндию. Предстояло добить фашистов, зажатых между Тукумсом и Либавой. Тридцать три отборные гитлеровские дивизии засели на полуострове и на предложение сложить оружие отвечают огнем.

Все ночи наполнены напряженной работой. Сквозь зенитный заслон прорываются летчики к морю и бомбят порт, транспортные суда и Либавский аэродром.

Враг огрызается. Не приходят с задания отличные экипажи. Нет среди нас Николая Попова, Николая Сибириака, летчиков Калашникова и Великжанина...

Курляндский «котел» кипит. Фашисты яростно сопротивляются, ведут по нашим войскам сильный огонь. Наши большая и малая авиация громят врага днем и ночью. В лицо нам уже дует теплый ветер Победы. Совинформбюро сообщает радостные сводки. Второго мая взят Берлин. Всюду наши войска успешно бьют фашистов.

Девятое мая. Два часа ночи. Московское радио передает важное сообщение. Война окончена, враг капитулировал. Одержана полная победа.

Мы выбегаем под звездное небо. Ночь превращается в день. Гремят салюты. Стреляем вверх из всех видов оружия: пистоле-

тов, карабинов, автоматов. Небо рассекают пулеметно-ружейные трассы. Бьют зенитки. Вспыхивают разноцветные ракеты.

Фронт ликует. Люди смеются, целуются, поздравляют друг друга с желанной победой. То и дело гремит зычное, многоголосое «ура!». Уже давно наступил рассвет, а салюты и радостные разговоры не утихают. Да как же не радоваться? То, к чему мы стремились эти долгих четыре военных года, пришло. На устах улыбки, в глазах волнение и необыкновенная легкость на сердце.

Наступил голубой день. Войны больше нет. Ласково греет солнце. Девушка-связистка, сидя на бревнышке, поет задорную, веселую песенку. По пыльным дорогам пошли колонны пленных. На пилотах и фуражках, на рукавах у них белые повязки. Они шагают угрюмые, склонив головы. Немецкий офицер льстиво козыряет нашему бойцу.

...Листаю фронтовую тетрадь. И вновь передо мной проходят страницы героических дней и ночей. Вновь я вижу своих друзей-однополчан, припоминаю боевые эпизоды нашей обычной фронтовой жизни. И я не могу не рассказать о них.

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

Потрепанный томик Горького бережно хранится в моем шкафу. Я пронес его через всю войну. Беру книгу в руки и вспоминаю суровую зиму сорок первого. Наш авиаполк в товарных вагонах едет на фронт. На платформах везем разобранные старенькие аэроклубовские самолеты.

Собралась у нас самая разношерстная братия: есть опытные летчики, а есть и новички. Все пока без чинов и званий. И война, и звания — все впереди. Дорога длинная. Коротаем время у железной печурки. Ее огонек освещает задумчивые, безусые лица. Разговоров, как обычно, хватает. За этой оживленностью, вероятно, кроется внутреннее беспокойство и ожидание чего-то страшного, неведомого и оттого — притягательного.

Но среди нас выделяется человек молчаливый. Со стороны, будто ко всему безучастный. Круглоплечий, мощного сложения, с неестественно белым лицом и едва заметными бровями, волевым взглядом. Это Григорий Петялин. Он по сравнению с нами

старик. Ему за тридцать. На голубых петлицах алеют три кубика — старший лейтенант. Появился он перед отходом эшелона и определен штурманом эскадрильи.

Окольными путями, через штабного писаря, узнали мы, что Петялин — кадровый летчик, уже успел повоевать. Его сбивали. Выбросился с парашютом из горящего самолета. Лицо опалило и потому на нем кожа такая белая. Когда Петялина сбили вторично, то вытащили из-под обломков самолета. Помяло грудь, переломало ребра. Но выжил, и вот прямо из госпиталя — к нам.

Войну он знал. Понятно, мы приставали к нему с расспросами: почему отступаем? Как воевать на беззащитном У-2?

Петялин морщился:

— Я не генштаб. Скажу только, что думаю: за одного битого двух небитых дают. Остановим фашиста, разгромим! Не так страшен черт, как его малюют. Самолеты наши, верно, не ахти какие. Зато вы — бедовые парни!

И он оглядывал нас с любопытством.

На одной из остановок разбитой летчик Леня Иванов разжился котелком спирта и по-дружески пригласил:

— Выпьем, братишки, за жизнь и за нашу Победу!

Мы сгрудились вокруг печки, и пошла жестяная кружка из рук в руки. Выпил и Петялин. Настроение у всех поднялось. Раскраснелись лица. Писарь Петруха растянул баян, и зазвучали песни. Пели про Ермака, про гордый «Варяг», про трех танкистов и летчиков, стремящих все выше и выше полет своих птиц.

Тут внешне равнодушного Григория Петялина, что называется, прорвало. Лишь смолкла гармонь, он потянулся к нарам, достал томик Горького и неожиданно для всех стал читать «Песню о Соколе». Григорий весь преобразился: глаза засверкали, глуховатый голос окреп и зазвенел. С волнением читал он: «Я славно пожил!.. Я храбро бился!.. О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!.. Безумству храбрых поем мы песню!..»

Горьковские строки каждому из нас, конечно же, были знакомы со школьной скамьи. Но как к месту прились они сейчас в этой тарахтящей теплушке, в преддверии смертельных схваток с врагом!

Десять суток тащился наш эшелон до прифронтовой полосы. Мы видели угрюмую, растревоженную страну, шумные станции,

на которых люди пели, кричали, плакали. Нам везло. Небо все время было в серых тучах, и немецкие самолеты не появлялись.

С Петялиным я постепенно сдружился. Он оказался интересным собеседником, книголюбом. Особенно любил Толстого и Горького. Мы восторгались Павлом Власовым, легендарным Данко, который сжег свое сердце для людей. Нас волновали образы Михаила Кутузова, Андрея Болконского, капитана Тушина.

— Ай да Тушин! Его батарея не дрогнула в жутком огне, стояла насмерть! — восхищался Петялин.

— А разве не прекрасен Болконский? — спрашивал я. — Он поднял уроненное убитым солдатом знамя и храбро повел батальон в атаку!

Григорий Иванович доброжелательно слушал меня и посматривал на всех нас как старший, с покровительственной улыбкой.

— Война вроде как лотерея, — говорил он, — выигрышей в ней маловато, не каждый уцелеет и домой вернется. Но фашиста разобьем. И вот, представьте, дослужусь до полковника, выйду в отставку, сколочу большую библиотеку и засяду, братцы, за книжков!

...Мелькали станции. Громко стучали колеса на стыках рельс. Чадила железная печка. Мы играли в карты, рассказывали всяческие истории, смеялись и грустили, с нежностью вспоминали родной Урал, своих друзей и близких.

Утро выдалось погожее. Солнце золотило бревенчатые стены избушки. Петялин брился. Был он в добром настроении. Уже месяц как мы на фронте, а эскадрилья летает без потерь.

Низенькая дверь распахнулась, и в комнату вкатились морозные клубы. Пригибаясь, вошел комэск Курочкин. Бросил шлем на стол, буркнул «здравствуйте» и тяжело опустился на лавку.

— Здравствуй, — пристально взглянув на него, ответил Петялин. — Что с тобой? Какая муха укусила?

— Нечему веселиться. Приказано нам лично лететь в окруженную дивизию, доставить боеприпасы.

— Что ж, честь большая.

— Понимаешь, друг ситный, лететь-то днем! А день сегодня, сам видишь, какой ясный. Небо чистое, как стеклышко.

— Понимаю, друг ситный, понимаю, — в тон ему повторил штурман и, быстро заканчивая бритье, уже просто сказал: — Что ж, мы люди военные. Приказ будем исполнять. Давай думать, соображать, что и как?

Петялин расстелил на столе карту-километровку и стал намечать маршрут.

— Тут пойдем на этот лесок. Здесь ложбинкой. Попробуем проскочить незаметно, — рассуждал он.

Курочкин молчал.

— Приуныл! — усмехнулся штурман. — Что попишешь. Мы не у тещи в гостях.

— Кошки скребут на душе, — скривил губы Курочкин.

— Чепуха. На то они и кошки. Не так-то страшен черт, как его малюют, — повторил свою излюбленную поговорку Петялин. И снова наклонился над картой, изучая местность, готовя расчеты и выкладки.

Курочкин сидел рядом, курил и курил. Наконец штурман оторвался от бумаг, выпрямился, потянулся с хрустом.

— Расчеты готовы. Все ясно-понятно.

Правда, ясно было на карте, а какие сюрпризы их поджидают на самом деле — это еще неизвестно.

Размеренным солдатским шагом шли они на аэродром по зимней деревенской дороге. Ничто не напоминало о войне. Небо было синевато-розовое. Чистый снег сверкал и слепил глаза. Дремали деревья в плотной белой куржевине.

— Красотища какая! — улыбался Петялин. — Живи да радуйся!

Одетый в коричневый меховой комбинезон, казался он неуклюжим. Однако сил в нем, видимо, было много, и он легко и проворно нес свое крупное тело. Не менее рослый Курочкин едва поспевал за ним.

Каждый раз перед полетами Григорий чувствовал радостное возбуждение. Он по всегдашней привычке одевался на задание как на парад — во все лучшее, что у него было. Так и сегодня. Он достал из чемодана новенькую синюю гимнастерку, подшил свежий подворотничок, привинтил орден Красного Знамени.

«Вот человек, как будто идет не в бой, а собирается на праздник или на свидание к девушке. Еще бы духами надушился», — с иронией думал Курочкин.

А утро разгоралось все ярче и ярче. Только бы любоваться

им, радоваться золотому солнцу, синему небу. Но Курочкин был мрачен: «Погодка явно не с руки, увидят, засекут нас».

Федор понимал вредность таких мыслей, но отделаться от них никак не мог.

Маленький самолет, покрашенный в белый цвет, вырулил со стоянки и, разбежавшись, взлетел. Под крылом мелькают засыпанные снегом леса, поля, речушки, закованные в белую броню. Безлюдно. Тихо внизу. Но вот доносится глухой гул канонады. На небе появляются малиновые всполохи. Передовая.

— Правее, правее бери, комэск! — кричит в переговорный аппарат Петялин, чувствуя, как у него срывается голос.

Какие-то секунды, и опасный передний край позади.

— Пронесло! — облегченно вздыхает Петялин. — Дудки, обратно тут нас не ждите. Пойдем в другом месте.

Самолет летит в глущь вражеского расположения. Вот показались чернеющая лесами высота. Там — наши. Но они в плотном окружении. Виднеются блиндажи и окопы, в которых копошатся зеленые фигурки немцев. Как обхитрить фашистов?

Курочкин заметил широкий овраг, идущий к лесу, и направил в него свой самолет. Лететь по нему безопасней.

Минута, еще минута — и они появились над своими.

Самолет делает круг, другой. Курочкин выискивает место посадки. Ничего подходящего нет. На небольшую прогалину высыпали солдаты, одетые кто в серые шинели и ватники, кто в полушубки. Они радостно машут руками, бросают вверх шапки.

— Братки, родные! — улыбается Григорий и, отвечая на их приветствия, машет рукой, потом, поняв, что сесть невозможно, принимает рискованное решение.

— Комэск, пилотирую как можно осторожней. Я займусь разгрузкой.

Петялин выбирается на крыло и, уцепившись одной рукой за край кабины, нагибается и финским ножом разрезает веревки, закрепляющие ящики с патронами. Упирается в них ногой и с большим усилием сталкивает вниз.

Самолет резко качнуло. Григорий свободной рукой успел ухватиться за стойку и еле удержался на плоскости. Невольная дрожь охватила его. Внизу острые пики деревьев. Но переживать некогда. Петялин осторожно перебирается на другое крыло и, балансируя, как цирковой акробат, повторяет опасный номер, освобождая самолет от груза.

— Уф! — отдувается он, уже сидя в кабине и вытирая холодный пот со лба.

Облегченная машина хорошо слушается рулей, идет низко, оставляя за собой снежные вихри. Подлетают к передовой. Снова охватывает тревога. И опять их выручает внезапность. Опасную зону минуют благополучно.

На своем аэродроме, пока загружали машину для нового вылета, летчики вышли размять ноги, погреться. Зашли в домик командного пункта, где весело потрескивала печка.

— Ну, как обстановка, есть ли «огонек»? — поинтересовались друзья.

— «Огонька» хватает. Да только мой комэск летает, как бог, — отшутился Петялин.

Курочкин принял похвалу как должное. Он явно воспрянул духом. Факт фактом — слетали удачно. Выходит, и правда «не так страшен черт...»

...В каждый вылет они переваливали линию фронта в новом месте. Шли на цель с разных направлений. Прятались в лощинах, овражках, притирались к самой земле. И все обходилось без неприятностей.

Но при возвращении с третьего вылета над передовой попали под ураганный огонь. Розовые и оранжевые звездочки разрывов вспыхивали вокруг самолета. Небольшим осколком у Федора разбило очки. В глазах потемнело, холодок пробежал по спине.

— Что случилось? — почувствовав, как вздрогнул самолет, тревожно спросил Петялин.

— Чуть не продырявили, гады, — выругался Курочкин.

— Обошлось — и ладно. Держись. До дому рукой подать, — услышал он как всегда спокойный голос штурмана. Федор обидчиво подумал: «Зачем он меня подбадривает? Что я, трус что ли?»

Полоса обстрела осталась позади. Они летели над своей землей. И тут до Курочкина донесся слабеющий голос товарища:

— Ранен я, Федя...

Летчик обернулся и увидел побелевшее лицо Григория. Он понял, что штурман крепился, молчал, не хотел его волновать, пока они не перелетели передовую.

— Друг ситный, держись! Аэродром близко. Держись! — теперь уже Курочкин подбадривал Петялина. А тот, зажав рану

руками, до крови кусал губы, стараясь превозмочь все нарастающую боль в животе.

Курочкин на предельной скорости гнал машину. Не делая обычного круга, с ходу посадил ее и, выскочив на плоскость, закричал:

— Врача! Санитаров!

Петялин лежал в кабине, откинувшись на сиденье. Он был без сознания. Его осторожно, на руках перенесли на командный пункт. Уложили на большой стол, на котором обычно штурманы расстилают карты, получая задания.

Пожилой врач осмотрел его и печально покачал головой. Разрывная пуля попала Григорию в живот. Сестра сделала ему укол. Он открыл глаза, застонал и, увидев Курочкина, подозвал его к себе. Еле слышно сказал:

— Умираю, Федя. Напиши жене.

Он жадно вздохнул и замолк.

Солнце уходило на покой. Золотистые лучи его осветили комнату и стол, на котором лежал Петялин. Лицо штурмана было спокойно, губы застыли в легкой улыбке.

...На другой день на окраине маленюхой деревушки Подкопаево мы хоронили Григория. Над его могилой давали клятву мести.

Федор Курочкин, вытирая ладонью скупую слезу, произнес:

— Спи спокойно, Григорий. За твою смерть, за все злодеяния враги нам ответят сторицей. Пусть земля тебе будет пухом!

— Прощай, друг, прощай, храбрый воин, — волнуясь, сказал я. — Ты отдал Родине самое дорогое — жизнь. — И совсем неожиданно для себя, дрожащим голосом прочел любимые Григорием горьковские слова о гордом и смелом Соколе.

По русскому обычаю, разминая мерзлые комья земли, мы бросали их в могилу. Прозвучал троекратный ружейный салют. А вечером перед полетами начальник штаба вручил мне тот самый томик Горького на память о земляке.

В ЗИМНЕЕ УТРО

Пилот Евгений Кузнецов, рослый, круглолицый, в шлеме, меховом комбинезоне и мохнатых унтах, улыбаясь, шел на летное

поле, расположенное за деревней. Мороз приятно охлаждал щеки, румянил. Хрустел под ногами снег.

Щурясь от яркого солнца, Евгений любовался погожим утром, вдыхал полной грудью свежий, бодрящий воздух. Радовался боевому заданию.

Кажется, что в нем, Женьке, особенного? Недавно еще — мальчишка со школьной скамьи, затем — курсант аэроклуба. А вот, поди ж ты, «отец», как звали летчики командира полка, именно ему, а не кому-нибудь другому, поручил это серьезное дело.

Конечно, думалось Евгению, командир приметил его умение летать бреющим, чуть не касаясь земли. При этом маленький У-2 почти не виден с воздуха. А это очень и очень важно. В небе постоянно кружат вражеские истребители.

Всегда спокойный майор Изосимов, вручая Евгению пакет, сказал:

— Нелегко к пехотинцам пробраться, лейтенант, а надо. С этой минуты жизнь их в твоих руках. Так что лети аккуратно, не фансонь, берегись фрицев. Кровь из носа, а доставь пакет.

По узенькой тропке Евгений подошел к сараю, где был запряган самолет. Длинный, нескладный техник Юра в черной замасленной куртке, надетой поверх шерстяного свитера, козырнув, бодро доложил, что машина в полном порядке.

Самолет вывели из убежища. Кузнецов легко вскочил в кабину и осмотрелся. Расстилавшееся перед ним белое пространство сверкало от солнца, играло розовыми и голубыми искрами. Даже жаль было, что он сейчас лыжами своей машины взрыхлит эти ровные, прибранные снега, нарушит всю эту необыкновенную красоту.

Евгений надвинул на глаза очки. Юра, навалившись всем своим крупным телом, привычно крутанул винт раз, другой, третий.

— От винта! — крикнул Евгений и включил зажигание. Motor застрекотал. Самолет, сделав небольшую пробежку, плавно поднялся в воздух. С крыши сарая испуганно взметнулись сойки.

Белая камуфлированная машина шла низко. На ярком снегу скользила ее голубая тень. Небо отливало прозрачной синевой. Горизонт на всем его протяжении был чист. Но именно в этом и таилась главная опасность. Можно было запросто нарваться

на воздушных пиратов. Поневоле приходилось прижимать машину к самой земле, оглядываться, остерегаться.

Холодный колючий ветер продувает открытую кабину. Но уральскому парню мороз не страшен. В меховом шлеме ему даже жарко, и он не застегивает ремешки.

Истекает расчетное время. На горизонте обозначилась темная полоска леса. Где-то там наши войска. Чтобы точнее сориентироваться, Евгений набрал высоту. И сразу же в небе появилась и быстро стала увеличиваться черная точка. Так и есть! Встречным курсом летел самолет с обтекаемым носом и тупо обрезанными крыльями.

«Мессер»! — вздрогнул Кузнецов. — Этого только не хватало! Что делать? Повернуть? Догонит. Надо идти вперед.

Только бы не подставиться, не попасть в прицел!

Легко сказать — не подставиться! Кругом голое место. Укрыться негде. Кузнецов летел напрямик на фашиста, слегка виляя самолетом, делая небольшие, почти незаметные крены.

Фашист, должно быть, удивился, что фанерный самолет не бросился наутек, не свернул с курса, а сам стремится навстречу своей гибели. На всякий случай немец выпустил из пулемета несколько отсекающих очередей. Будто огненные шмели пронеслись они мимо.

Минута — и осиное тело «мессера» поравнялось с машиной Кузнецова. Он увидел, скорее вообразил, самоуверенное лицо врага, который рукой в желтой перчатке показывал вниз: мол, вгню тебя в землю. Мелькнул черный крест на вражеском фюзеляже.

Гитлеровец настолько был уверен в своем превосходстве, что не спешил расправиться с Кузнецовым. Видать, он надумал позабавиться со своей жертвой, поиграть с ней в кошки-мышки. Раз, другой крутанулся вокруг У-2, а затем, сбавив скорость, стал заходить с хвоста.

«Попал к черту в зубы. Сейчас врежет из пулемета», — напрягся Евгений. Впервые в жизни у него заныло сердце, холодок пробежал по спине. Но раскисать не время. Он переломил себя. Собрался с мыслями. И разум подсказал ему выход. Спасение было под ним. «Накось, выкуси, бандит!» — вспыхнул летчик, сердито взмахнув кулаком.

Внизу под крыльями меж извилистых крутых берегов свинцовой броней отливала река. На нее резким пике и кинул Евге-

ний свою машину. Она ласточкой понеслась, завилыла вдоль узкого русла, почти касаясь льда. Самолет ловко маневрировал. «Уйду, гад, уйду от тебя!» — твердил Кузнецов.

«Мессер» яростно атаковал. Он сваливался сверху, изрыгая пулеметные очереди. Проскакивал вперед и снова возвращался, чтобы повторить атаку. Немец понял, что допустил ошибку, не сбив русского сразу. Игра не получалась, а отступить от верной добычи разбойник не мог. Он упрямо кружил над рекой, но раз за разом уходил ни с чем.

И тут случилось невероятное. Перед Кузнецовым, как по взмаху волшебника, вырос высокий утес. Промедли секунду, и машина врежется во вздыбленный берег, превратится в груды обломков. Летчик среагировал молниеносно, самолет послушно отвалил в сторону.

Разгоряченный фашистский ас отвернуть не успел.

«Мессер» врезался в громаду утеса. Оглушительный взрыв потряс ущелье, взметнув в небо столб огненного дыма вперемешку с камнями, землей и кусками разорванного металла.

Кузнецов понял, что произошло. Его самолет спокойно взмыл над рекой. Оглянувшись, он увидел багровый костер, в котором коржились фашистская машина.

— Доигрался, гад! — облегченно выдохнул Евгений и вдруг задорно, по-мальчишески закричал во все горло: — Ура! Мы еще поживем!

Страшно хотелось вернуться к утесу и взглянуть на то, что осталось от врага. Но время не ждет. Самолет лег на прежний курс. Мотор работал ровно, бодро. Винт, поблескивая, весело разрезал воздух. Небо синело. Светило янтарное солнце.

Под крыльями скользила безбрежная белая равнина, вспыхивающая тысячами золотистых и голубых искр. И вот за темным гребнем леса Евгений увидел клубящиеся тучи дыма и сплохи частых разрывов. Там, зажатые врагами, вели кровопролитный бой его товарищи. К ним у него был важный секретный пакет.

«ДАРЕНОЕ НЕ ДАРЯТ»

Штурман Вадим Комадовский уезжал на курсы летчиков-истребителей. В штабе его окружили друзья. Кто-то из них не то в шутку, не то всерьез сказал:

— Не поскупись, Вадим, оставь на память свои часы. Вспоминать тебя будем.

— Э, черти, чего захотели, — пробасил он. — Дареное не дарят. Просите что угодно, только не часы.

Действительно, часы для Комадовского были заветной вещью.

А дело было так. Вадим сам нам об этом рассказывал. Зимой наш полк располагался в осажденной немцами Туле. Улицы города были перекрыты баррикадами, противотанковыми рвами, загорожены колючей проволокой, надолбами и стальными «ежами».

На аэродроме всюду виднелись следы фашистских бомбардировок. От ангаров остались одни развалины. Из снега торчали обломки крыльев и фюзеляжей.

Самолеты большие и малые стояли открыто на летном поле. Техники часто прогревали моторы. Густой рев наполнял стылый воздух.

Наши У-2 летали на связь и разведку. Молодые летчики с завистью смотрели на тех, кто получал задания. Каждому не терпелось поскорей побывать в деле.

Летчиков, возвратившихся из полета, окружали, дотошно расспрашивали: как слетали, что видели? Ребятам крепко доставалось от «мессеров», которые рьяно охотились за ними, нещадно поливали пулеметными очередями. Жертв, однако, пока не было. У-2 укрывались в просеках, притирались к земле и, хоть подраненные, все же возвращались на свой аэродром.

Летчик старший сержант Владимир Слук, так же как и все, рвался в полет, хотел проверить себя в бою. Но был он скромный, тихий и терпеливо ждал своего часа. Другое дело — его штурман Комадовский. Этот, не стесняясь, атаковал командира эскадрильи:

— Хватит нам сидеть на теплой печке, задарма есть летный паек. Отправляйте на задание. Хочу фашистов вблизи увидеть.

— Что, руки чешутся? Успеешь, — успокаивал комэск.

И вот их черед пришел. Они получили приказ отправиться днем на разведку. Лететь днем на маленьком самолетике риск

большой. Но хлопцы и бровью не повели. Твердой походкой, оставляя большие следы на снегу от унтов, пошли высоченные парни в черных регланах к самолету. Жадно, с особым вкусом выкурили на дорожку по папиросе.

Забираясь в кабину, Комадовский насмешливо спросил:

— Скажи, командир, нашему кораблю не приделали еще броню, не поставили пушек?

— Не болтай, — обрезал Слук.

Самолет взлетел, коснулся серых облаков, низко нависших над землей. Погода была явно нелетная. Это радовало. «Мессеры» сейчас сидят в своих гнездах. Их можно не опасаться. Правда, лететь приходится бреющим, принаравливаясь к местности, опасаясь столбов, вышек, деревьев. Это не просто. Но Слук десять лет был инструктором в аэроклубе. Машину ведет отменно.

Под крылом бесконечные белые поля и рощи. Вот показалась серая лента шоссе с телеграфными столбами. Одни из них покоились, другие лежат поперек дороги, на третьих толстыми узлами свились оборванные провода. По обочинам — покореженные немецкие автомашины. Головешками чернеют сожженные хаты. Сиротливо вздымаются в небо печи с высокими трубами.

Дальше, по шоссе, с двух сторон полыхает багровое пламя. Еще одну деревню пожирает беспощадный огонь. Рушатся крыши, разваливаются стены. Падают сараи и риги. Нигде не видно людей. Черная собака задрала голову в небо и, вероятно, жутко воеет.

«Мерзавцы, варвары, уходят и оставляют после себя пустыню», — негодует Слук. Взглянул в зеркало, заметил безмятежное лицо Вадима. Штурман поджал плечи, уткнулся носом в козырек кабины и, похоже, дремлет или о чем-то мечтает. Ну, конечно же, у него одна мечта — как бы упорхнуть в солидную авиацию. Об этом он уже всем прожужжал уши. Спит и видит себя на «ястребке».

— Вадим, что с тобой? Дремлешь? — окликнул его Слук в переговорный аппарат. — Нас предупреждали: линия фронта — неустойчивая. Того и гляди наскочим на фрица. Не витай в облаках. Держи ушки на макушке.

— Э, старик, зря несешь. Будь спокоен. Стараюсь, аж шею свихнул. Носок погрел малость. Ветер холоднющий, — бодро бает Комадовский.

— То-то я вижу, присутулился. Смотри, как бы вместе с но-

сом и голову не потерять, — улыбнулся Слук. Он уже успел хорошо узнать своего напарника — удалого, бесшабашного. Совсем недавно они попали под сильную бомбежку. «Юнкерсы» армадой бомбили аэродром. Взрывались и горели самолеты. Гибли люди. Кто-то из парка ракетами указывал направление ударов. Слук с Вадимом бросились туда на розыски диверсантов. Обнаружить никого не удалось. Комадовский, разъяренный, выскочил на аллею, ругался, грозил кулаком в небо. Пулеметные струйки взрывляли снег возле его ног. Он не обращал на стрельбу никакого внимания.

— Какого черта дурака валяешь? Кому нужно такое героичество! — пилил его тогда Слук.

— А что нам, холостым-неженатым. Я детдомовский. Обо мне плакать некому! — как ни в чем не бывало отговаривался Вадим.

...Сквозь монотонное тарахтение мотора доносится глухой рокот. Летчики всматриваются в шоссе. Там, внизу, одна за другой ползут крытые брезентом машины, тягачи с пушками на прицепе. Фигурки в грязно-зеленых шинелях вытаскивают застрявшую в снегу полевую кухню.

— Фрицы, фрицы! — кричит Комадовский.

— Много их? — спокойно спрашивает Слук.

— Сбился со счета, — бормочет Комадовский и торопливо протирает запотевшие очки. И спустя минуту твердо докладывает: — Автомашин полсотни, десяток пушек. Угостить бы гадов бомбочками. Жалко, не прихватили.

Длинная колонна автомашин ползет на запад. Отступают. Похоже, никто из немцев не обращает на них внимания. Вероятно, не допускают мысли, что это вражеский самолет.

На горизонте возникли контуры домов, водокачки, блеснули рельсы.

— Полотнянка, — доложил штурман.

Это конечный пункт разведки. Лететь дальше рискованно.

— Жми вперед! — не раздумывая, взмахнул рукой Комадовский.

— Подожди, торопыга, лезть на рожон, — охлаждает его пыл летчик, — зайдем в облака. Подберемся незаметно.

Самолет врезается в темную пелену облаков и вскоре появляется над станцией. Досадно, она в густой дымке.

— Старик, давай вниз! Лыжами уютжить гадов по черепам! — в азарте горланит штурман.

— Не пори горячку. Наша задача разглядеть все, запомнить и вернуться домой, — хладнокровно говорит Слук. Однако из облаков ничего не видно, приходится снижаться. Перед ними, как на ладони, открылась станция. Площадь и прилегающие к ней улицы забиты вереницами автомашин. Солдаты греются у костров, приплясывая и прихлопывая руками. На путях под парами стоят три эшелона. На платформах незачехленные танки и бронемашины, орудия. На запасных путях вагоны, цистерны.

Полагаясь на непогоду, противник не ждал удара с воздуха. Вражеские солдаты в панике разбежались. Однако испуг длился недолго. Распознав беззащитный У-2, фашисты схватились за винтовки и автоматы. Розовые вспышки огня трепетали внизу. Казалось, что по сильному ветру вьется великое множество красных флажочков, что кто-то вышивает серое небо алыми нитями. Сероватые струйки дыма появились около самолета.

Слуку стало жарко. В руках появилась дрожь. Захотелось спрятаться в облака. Но уходить было рано. Не все еще выяснено. Переборов слабость, летчик прибавил обороты мотора до максимальных, выжимая из своего тихохода предельную скорость.

Свинцовый дождик забарабанил по плоскостям. Вот пуля влетела в кабину Комадовского, чиркнула по самолетным часам, брызнули стеклянные осколки.

— Ах, гады, гады! — завопил Вадим и, под горячую руку выхватив из кобуры пистолет, разрядил его вниз на скопление врагов.

В кабине летчика зашаталась, заходила приборная доска, с громким треском сдвинулась со своего места.

«А ведь был на волосок от смерти», — словно не о себе, а о ком-то постороннем подумал Слук.

Твердый комок застрял в горле и мешал ему говорить. Еще крепче сжал он ручки и продолжал совершать маневры, не позволяющие врагу вести по ним прицельную стрельбу.

— Старик, здесь нам больше нечего делать, — раздался голос Комадовского.

Маленький самолет круто взмыл в серые облака.

По лицу Слук струился пот. Чувство радости наполняло летчика. Живы, невредимы, трудное задание выполнено. Комадовский ликовал:

— Драпают фрицы как миленькие, а давно ли хвастали: «Туте капут». Не вышло!

К счастью экипажа, в штурманской кабине приборы остались исправными, и летчик уверенно вел машину. На своем аэродроме он легко посадил самолет. Медленно выбрались они из кабин и увидели, что плоскости буквально изрешечены пулями. Но предаваться эмоциям и считать пробоины было некогда. Прямо к ним на летное поле подкатила белая «эмка». Их с докладом о разведке дождался генерал.

Ехали, изрядно оробев. Им еще никогда не приходилось встречаться с большим начальством.

Собирались с мыслями. Еще и еще раз прикидывали: сколько на станции вражеских солдат, боевой техники? Комадовский все вздыхал: «Разбили, гады, часы!» Имел он привычку после полетов выкручивать их с приборной доски, брать с собой в общезжитие. Ребята сверяли по ним время.

— Нашел о чем горевать, — удивлялся Слук, — живые вернулись. Радуйся. Может, часы прикрыли тебя от пули.

Летчиков провели в кабинет генерала. Прямо у стены за массивным письменным столом сидел седоватый человек в военном кителе. Он поднял на них глаза и пригласил к столу.

— Чем порадуете, соколики? — хриловатым голосом спросил генерал.

Слук, покраснев, заикаясь, точно школьник, плохо знающий урок, стал говорить односложно. Приготовленные фразы как-то все вылетели из головы. Генерал понял его волнение и подвел летчиков к карте, висевшей на стене. Владимир обрел спокойствие, подробно и толково рассказал о всем увиденном. Комадовский молчал.

— Так, так. Значит, пятятся, отходят. Хорошее известие, — раздумчиво говорил генерал. — А что вы такой сумрачный? — внезапно обратился он к Комадовскому.

— Беда, товарищ генерал. На самолете часы побило, — сокрушенно ответил тот. — Без них какой я штурман!

— Чего не бывает, — улыбнулся генерал. Постоял, будто что-то припоминая, подошел к столу и достал из ящика сверкающие никелем карманные часы. — Берите да не подставляйте под пули.

— Спасибо. Дороже золотых хранить буду, товарищ генерал, — гаркнул Комадовский.

— Спасибо и вам за важные сведения, — пожимая летчикам руки, сказал генерал.

Возвратившись в полк, Комадовский рассказывал всякому желающему о встрече с генералом и потрясал часами:

— Послушай, как тикают. Нет, послушай! Исключительно четкий ход!

Позже Комадовскому немало приходилось летать на боевые задания. Но его никак не покидала дума о скоростной авиации. Он частенько заходил в штаб полка и надоедал просьбами отправить его на курсы летчиков-истребителей.

— Уверен, асом буду, — басил он.

И добился своего: направили его на курсы.

...Прошел год. Как-то на нашем аэродроме сел летчик-истребитель. От него-то мы и узнали о судьбе Комадовского. На счету Вадима было уже три сбитых вражеских самолета. Но однажды в тяжелом воздушном бою он израсходовал все боеприпасы и пошел на таран фашистского бомбардировщика. Оба самолета, пылая, рухнули вниз.

Вадим погиб, а образ горячего, неистового парня, в котором уживались мужество и ребячество, навсегда остался в нашей памяти. До сих пор в ушах звучит его густой бас, последние слова, которые я слышал от него: «Дареное не дарят».

ПОЛЕТ С ГЕНЕРАЛОМ

Самолет летел низко над городом, охваченном пожарами. Черные клубы дыма поднимались вверх. Взрывы крушили стены, бросали в воздух груды мерзлой земли. Сквозь дымку виднелись фигурки солдат, перебегающих горящие улицы, штурмующих дома, в которых засели враги.

Длинная огненная струя мелькнула за фюзеляжем.

— Заметили! — воскликнул летчик и, тронув ручку, направил машину в безопасное место под крутой берег. Самолет плавно сел на припорошенный снегом лед.

Длинный, сутуловатый летчик легко выбрался из кабины. Потоптался, разминая затекшие ноги, поправил съехавший на бок планшет и сказал своему технику, сидевшему во второй кабине:

— Я пошел до начальства, а ты проверь машину. И, смотри, никуда не отлучайся.

— Ясно-понятно. А тебе ни пуха ни пера! Будь осторожней, не напорись на фрицев! — крикнул Великоднов и, не торопясь, спустился из кабины на землю. На всякий случай расстегнул кобуру пистолета и прошел вокруг самолета, внимательно осматривая его. Машина, как всегда, приятно пахла бензином и маслом. Ни в фюзеляже, ни в крыльях пробоин не было. Осмотрел мотор. Он тоже в полном порядке. Удовлетворенно гмыкнул. Зачихлил капот, прикрыл брезентом кабины.

Отошел в сторонку, достал из нагрудного кармана куртки трубку с головой Мефистофеля, набил ее табаком и блаженно закурил.

Павел Великоднов был ангелом-хранителем своей машины. «Королева, небесное создание», — ласково называл он свой У-2. Пять лет он «лечил» эти самолеты в аэроклубе, а теперь вот еще и на войне пришлось.

Летчик Василий Коробейников всегда в полной уверенности, что его техник не подведет, надежно подготовит машину к полету.

Коробейников и Великоднов — дружки уральской закваски, ребята не из трусливых. Характерами они прямо противоположны: Коробейников степенный, уравновешенный, не кичливый.

Павел гордится своим «летуном». Пусть-ка с ним потягуются! Василий на самом малом пяточке мастерски посадит машину, да и в пилотаже многим даст фору. Ходит сейчас Коробейников с левой рукой на перевязи. Пострадал в бою с «мессерами». Шутка ли, девять стервятников набросились на него. А он махнул в кусты, и был таков. Потеряли его. Только вот руку поранили. Больше двухсот пробоин заштопал Павел тогда в самолете.

Сероглазый, толстогубый Великоднов в отличие от Коробейникова всегда чему-то улыбается. Обычно при съемках фотографа упрощают: «Сделайте веселое лицо». К Павлу с такой просьбой обращаться излишне. Он фотогеничен.

— Что тебе весело? — спрашивают ребята.

— На то и рот, чтобы улыбаться, а не ходить как мумия, — парирует он. Когда его обижают, он вспыхивает как порох, и готов лезть в драку. Но вообще-то отходчив и незлопамятен. Его услугами пользуются многие летчики, которым он из любви к «искусству» понаделал из плексигласа зательливые трубочки, мундштуки, ножи с красивыми рукоятками.

Покуривая своего «мефистофеля», Павел прохаживается у самолета, размышляет о жите-быте. Похоже, неудачи наши кончились. Фашисты отброшены от Москвы. Драпают.

Нудно тянется время. Где-то поблизости стреляют. Попахивает пороховым дымком. Видать, в городе большая заваруха. Неизвестность томит. Как-то там Василий? Все ли у него в ажуре? Уж больно много на войне всяческих случайностей.

Павел выкурил трубку. Набил вторую. Курение успокаивало. Досаждают чертов мороз, пробирается даже сквозь меховую одежду. Второй час как ушел Коробейников. Не податься ли в разведку?

Только собрался Павел подняться на горку, как увидел спускающегося к реке Василия. За ним шел какой-то человек в белом полушубке и белых бурках. «Похоже, начальство», — смекнул Великоднов и, взяв под козырек, отчеканил по всей форме:

— Товарищ младший лейтенант, самолет к вылету готов.

— Хорошо, хорошо, — пряча усмешку, кивнул летчик, — тебе придется потесниться. С нами полетит генерал.

Генерал был тучный, седоватый. Глаза усталые, с веером морщинок под ними. Он приказал пролететь над городом. Внизу проплывали дымные улицы в пляшущих языках огня.

— Калуга наша, наша! — вдруг радостно произнес генерал и широко улыбнулся.

Павел стеснялся разговаривать с важным пассажиром, но все же не выдержал:

— К весне бы разделаться с гадами.

— Э, какой быстрый. Далеко залезли. Не скоро сковырнешь. Повоевать придется.

Небо хотя и хмурилось, но серые облака шли высоко. В такую погоду приходилось быть настороже. Вражеские истребители стаями ходили в воздухе. Коробейников вел самолет бреющим у самой земли. «Брил» так, что сзади крутился снег. Однако порой летчику надоедало вертеться внизу, и он поднимал самолет повыше. В один из таких моментов Павел заметил «мессера», тронул летчика за плечо. Василий качнул головой: вижу, мол.

«Заметил он нас или нет?» — тревожно подумал Великоднов. Он, как и летчик, боялся не столько за себя, сколько за генерала, который полностью доверился им.

Самолет внезапно вздрогнул и пошел в крутое пики. Коробейников выровнял его над полем. У-2, покрашенный в белый цвет, с воздуха был почти невидим. Опасность миновала.

— Что за фокусы? — недовольно проворчал генерал, который не понял, почему они метнулись к земле. Он был занят своими думами и не следил за воздухом. Беспокоился он о том, успеет ли своевременно пустить в ход ракетную артиллерию. Только по его приказу ракетчики могли вступить в бой. Проводная связь, как это часто случалось, отсутствовала, и ему пришлось лично лететь в Хомутово.

Полет продолжался. Великоднов снова вертел головой, озираясь и подавал какие-то знаки летчику. Высоко в небе беспорядочно барражировали какие-то самолеты.

— Что вы все время ерзаете как на иголках? — сердито заметил генерал.

Павел, как всегда, отмалчивался. Не мог же он сказать, что они всячески изворачиваются, чтобы избежать неприятных встреч.

На горизонте показалась большая деревня. Виднелись бревенчатые домишки.

— Хомутово! — обернувшись, крикнул летчик. — Где садиться?

— Вон там, — генерал показал рукой на южную окраину.

Коробейников плавно посадил самолет недалеко от черных обугленных изб, пострадавших от пожара. Генерал выбрался из кабины, прыгнул на землю, огляделся и, приказав ждать его, пригнувшись, обочиной шоссе проворно пошагал в деревню.

Здесь, как и в Калуге, всюду шел бой. Трещали выстрелы. Повизгивали пули. Из густого кустарника, что в метрах пятистах от самолета, доносились истошные крики и команды.

К кустарнику, за которым, очевидно, был передний край, пробирались солдаты с оружием на изготовку.

— Вот фантики-бантики! Попали в переплетик! — присвистнул Великоднов, закуривая для успокоения своего «мефистофеля». — Вася, есть у нас шанс отличиться, сходить на передовую.

— Не ерунди. Отлучаться от самолета нельзя. Вдруг придет генерал, а нас нет, — категорически возразил Коробейников.

Они сидели в кабинах. Обстановка накалялась. Наша атака захлебнулась. Пошатываясь, брели раненые. Кто-то из них крикнул:

— Улетайте, братишки, жмет немчура!

— Нельзя. Обязаны дожждаться генерала, — сказал Коробейников.

Они выбрались из кабины и легли в снег около самолета. Достали пистолеты. Было холодно. Мороз обжигал лицо. Приходилось ежиться да терпеть. Деваться некуда.

— Павлик, хотел повоевать? Вот тебе и шанс отличиться, — подтрунил Коробейников.

— Что ж, драться так драться. У меня и «лимонка» есть, — вынул из кармана гранату Великоднов.

В это время к ним перебежками от дерева к дереву пробирался генерал. Он добежал до летчиков и бухнулся рядом с ними в снег.

— Вижу, приуныли. Успокойтесь. Сейчас будет перелом. Фрицы побегут как ошпаренные, — сказал он, тяжело дыша. На нем не было шапки. Видимо, ее сбросила с головы шальная пуля. Волосы ерошились на ветру. Но генерал этого не замечал. Он смотрел на окраину села, куда выехало восемь автомашин с железными балками наверху. Это были уже известные на фронте «катюши». Они выстроились в линию и дали сокрушительный залп. С грозным гулом понеслись ракеты. В расположении врага все запылало.

Генерал и летчики поднялись.

— Наша берет, наша! — воскликнул генерал, потирая руки, и тут только заметил, что у него нет головного убора. — Потерял, — с досадой сказал он. — А может, фрицы дали мне по шапке? Ну, да я теперь с ними в полном расчете.

Великоднов быстро снял свою шапку-ушанку, протянул генералу.

— А как же ты в такой мороз? — спросил тот.

Павел сбросил куртку, вытянул рукав шерстяного свитера, ножом обрезал часть его и натянул на голову.

— Молодец, догадлив. Хорош головной убор. Не замерзнешь. И меня выручил, и сам не в накладе, — пробасил генерал и распорядился: — Дело мы свое сделали. Летим обратно в Калугу.

В детстве Костя Бердников вечно возился с гайками, болтами, тискаами. Родные прочили ему судьбу мастерового и не ошиблись. После семилетки он закончил летно-техническую школу и пришел техником в аэроклуб. Его дело земное — материальная часть. Костя обходит и ремонтирует самолеты, учит курсантов разбираться в машине.

И совсем непостижимо, почему его вдруг захватило небо, почему захотелось летать самому, подняться высоко, посмотреть, что там, за сизыми облаками? Может, романтика вскружила голову, может, дружки-пилоты заразили любовью к полету? Не знал ничего. Знал только одно — зовет к себе небо.

Ему стали сниться чудные сны. То он ведет большой пассажирский самолет, то парит над белыми льдами Арктики, то ловко летает на истребителе. Красивые девушки забрасывают его цветами. Сны как колдовство.

Друзьям Бердников признается:

— Мечта одолела, фантазия.

— Почему же фантазия. Дело хорошее. Подучим тебя. Смотришь, одним собратом больше будет, — одобряют они его.

Начинаются бесчисленные тренировки — взлеты, посадки. Наконец приходит момент — Косте доверяют руль. Самолет покоряется ему. Его «птица» легко реет в небе и послушно выделяет спирали, змейки и виражи.

Сердитый на вид начальник аэроклуба Серегин, увидев, как Бердников ловко посадил самолет, удивился:

— Неужто Костик? Ай да молодец! Видать, серьезно заело. А я-то думал — балуется от нечего делать!

В свободное время Бердников начал готовиться к поступлению в летную школу. Но грянула война. Пришлось техникам ехать на фронт. Здесь он по-прежнему аккуратно исполняет свои обязанности, держит свой самолет в полной исправности. Однако мечта о небе не покидает его.

— Хочу своей рукой бить фашистов, — говорит он и пишет командованию рапорт за рапортом, просится в школу летчиков. Инженер полка, потрясая очередной его бумажкой, шумит:

— А кто машины ремонтировать будет?

— Хочу летать, — твердит свое Бердников.

Может быть, так и закончил бы войну Костя техником, да помог ему случай. Однажды в тылу врага застрял наш У-2. Ремонтировать его отправили самолетом Бердникова.

Летчик Вольхин подвел его к своей машине, стоявшей на окраине полусожженной деревушки.

— При посадке сломал винт, помял центроплан, — виновато говорил он. — Выручай. Через денек прилетим за тобой.

Прикрытый распущенным парашютом самолет охраняли двое партизан. Невдалеке виднелись избы, заметенные снегом. В тусклом небе еле светила луна. Над лесом часто вспыхивали желтые немецкие ракеты, слышалась стрельба.

Костя подошел к самолету. Положил на его плоскость брезентовую сумку с инструментами. Снял с себя синюю шинель — свою гордость, говорившую о его принадлежности к авиации, и, оставшись в меховушке, не теряя времени, принялся за дело.

Иногда совсем близко разрывались мины, заставляя вздрагивать и ложиться в снег. Но вскоре, увлекшись работой, Костя перестал обращать внимание на стрельбу. Дел невпроворот. Сменил винт. Поставил новый трос к шасси. Вместо сломанной стойки центроплана привязал обыкновенную палку. Как-нибудь дождут до дому. Онемели руки, заныла спина, но отдыхать некогда.

Незаметно пришел рассвет. Работать стало рискованно. Самолет могли заметить и накрыть минометным огнем. Замаскировав машину, Бердников пошел отдыхать.

В хате, где он расположился, находилось до десятка партизан. После ночного похода они спали вповалку на голом полу, положив рядом винтовки. Костя нашел свободный уголок. Хотелось есть. Достал из сумки банку тушенки и пару сухарей. Перекусил всухомятку. Сунул сумку под голову, накрылся шинелью и в момент уснул.

...Вторая ночь, так же как и первая, была не из легких. Костя старался закончить ремонт к прилету ребят. Но ночь прошла, а они не появлялись. Видимо, подвела нелетная погода.

Устроился на отдых в той же хате. В пасмурный полдень Костю разбудил высокий мужчина с черной окладистой бородой, в десантной куртке. На ремешке у него висел маузер в деревянной коробке. Это был командир отряда. Он хмуро сказал:

— Поджимают фрицы. Ночью отходим в леса. Не прилетят ваши, жги самолет. Пойдешь с нами.

— Думаю, прилетят. Да и машина у меня в полной готовности!

Костя выскочил без рубашки на улицу, обмылся холодной водой из колодца. Достал из сумки зеркальце, бритву и побрился.

— Хорош, хорош, — улыбаясь, сказал он, разглядывая себя в зеркало и причесывая русые волосы. Делать было нечего, и Бердников пошел побродить по деревне.

С доброй улыбкой на лице, одетый в синюю шинель с голубыми петлицами, в меховом шлеме и белых собачьих унтах, он выглядел в этой обстановке необычно.

Вдруг его окликнули:

— Эй, парень, перед кем красуешься, чему радуешься?

Навстречу ему из переулка вышла девушка в зеленой куртке, с санитарной сумкой на плече, с перевязанной левой рукой. Ее рыжие волосы были подстрижены «под мальчика».

От неожиданности Бердников не знал, что сказать. Наконец он пришел в себя и брякнул первое, что пришло на ум:

— Не с луны ли свалилась, красавица?

— Ладно, ладно, не заливай, — осадил она его. — Отвечай, когда спрашивают.

— Закончил свою работу. Не грешно и погулять.

— Ясно-понятно, — протянула она. — У меня к тебе есть разговор. Зайдем в хату.

И вот Бердников сидит в низенькой горенке, попивает брусничный чай и слушает грустный девичий голосок. Галина судьба оказалась не из легких. До войны она училась в Московском медицинском институте. Летом 41-го гостила в Минске у родителей. Возвращаясь, попала в окружение, ушла в партизаны. Была и разведчицей, и поваром, и медсестрой. Командир отряда — Борода — справедливый и смелый человек — пришелся ей по душе. Они полюбили друг друга и стали мужем и женой. С ним она тянет тяжелую партизанскую лямку. В одной из стычек с карателями ее ранили в руку. Рана все еще не заживает.

— Побаяваюсь, как бы не было хуже, — говорит Галя. — Хочу просить перебросить меня на Большую землю.

— Прилетят наши, возьмем тебя с собой.

— А если нет?

Костя многим женщинам выдавал себя за летчика. Известно, от летчиков они без ума. Не поколебавшись, сказал Галине:

— Я ведь летчик. В техниках по недоразумению.

— Не хвастаешь?

— Нет, говорю правду. Не прилетят, полечу сам.

...Пришла третья ночь. Она тоже была не из добрых. Низко плыли тучи. Насквозь пронизывал ветер. Костя дежурил у самолета, прислушиваясь, не раздастся ли знакомое тарахтение мотора. Но нет, лишь близко трещали выстрелы, временами от глухих взрывов вздрагивал лес.

Под навесом сарая стояли носилки с тяжелораненым. Галя и двое партизан, сидя на бревне, тихо переговаривались. Вдруг со стороны дороги послышались шаги. Костя расстегнул кобуру пистолета.

— Кто идет?

— Свои, свои!

Это был посыльный. Включив фонарик, Бердников прочитал записку командира отряда: «Вскоре отходим. Действуй, как договорились». У него сжало сердце. Он схватился руками за голову. Что же это такое? Машина готова к полету. И вот все идет прахом! Подошла Галя.

— Костя, что с тобой? — с испугом спросила она. Услышав, что приказано сжечь самолет, возмутилась:

— Но ты же клялся, что умеешь летать!

— Умею, — сказал он и кинулся к самолету. Поставил винт на компрессию. Одним прыжком заскочил на крыло, влез в кабину. Запустил мотор.

Заслышав звук мотора, немцы открыли по деревушке минометный огонь.

— Что медлишь, Костя! Летим, — забираясь на крыло, настаивала Галина.

— Погода нелетная, и карты нет. Опасно тебе лететь. Я один полечу, — стал отговаривать ее Бердников.

— Помирать вместе будем, — сказала девушка и повернулась к партизанам, — несите раненого.

Галина и раненый поместились во второй кабине. Бердников дал газ и пошел на взлет. Площадка уже кончалась, а машина не поднималась в воздух. Рыхлый весенний снег подсасывал лыжи. Костя порулил на прежнее место. Оглянулся и сказал ледяным голосом:

— Машина перегружена. Кому-то придется выйти.

Галя, не говоря ни слова, выбралась из кабины. Поцеловала

Бердникова в щеку, прыгнула в снег. Из глаз ее бежали слезы. Косте стало жалко ее, и, чтобы как-то успокоить, он крикнул:

— Я прилечу за тобой!

Самолет с трудом оторвался от земли. Наконец-то желанный воздух! Машина парила над лесом. Огненные трассы понеслись к ним. Стреляли немцы. Костя торопливо потянул ручку на себя, и они влезли в густую облачность.

Галя достала из кармана белый платочек и долго махала вслед самолету, понимая, что больше никогда не увидится с Бердниковым. Куда он прилетит? Отряд уходит в глухие леса.

Костя летел в сплошном мраке, вслепую. Вся надежда была на приборы. Он посмотрел на указатель кренов, высотомер. Самолет шел на высоте триста метров. Миновали зону обстрела. Теперь можно выбраться из пугающей тьмы. Бердников выводит самолет на кромку облаков. Внизу чернеют леса. Напрягая память, он вспоминает, как они летели к партизанам, и рассчитывает обратный курс. Если не ошибся, минут через пятнадцать будет Варшавское шоссе.

Ветер качает машину. Самолет проваливается в воздушные ямы. Со свистом проносятся рваные клочья туч. Вот Бердников разглядел серую ленту шоссе. Он обернулся к спутнику и весело крикнул:

— Эгей, дружок, под нами Варшавка!

Еще несколько минут — и они над своей землей. Горят костры. На дорогах помигивают фарами автомашины. Вспыхивают ракеты. Прожекторы беспрестанно щупают небо. Теперь, в случае чего, не страшно и приземлиться.

Костя посмотрел на бензиномер. Горючего было в достатке. Можно тянуть на свой аэродром. Но как его отыскать? Припомнились слова штурмана эскадрильи о приводном прожекторе: «Три мотания, три качания». Бердников стал искать эти спасительные лучи. Ага, вот и они. А вот, кажется, и площадка. Сделал над ней круг, второй. Но почему нет никаких огней? «Конечно же, меня никто не ждет. Была не была, буду садиться!»

Самолет мягко приземлился. На поле появились люди. Кто-то мигал фонариком, указывая куда рулить. К машине подошел коренастый человек в черном реглане и строго спросил:

— Кто летчик?

Бердников по голосу узнал командира полка и, робея, назвал свою фамилию.

— Почему садился без «Т»? — грозно вопрошал все тот же голос. — Ладно, рули на стоянку.

Поставив самолет на место, Бердников нерешительно пошагал на командный пункт. Он побаивался, что ему влетит за самовольный вылет. Но увидел, что все присутствующие улыбаются.

В серых глазах командира полка смешинки. Самому тоже захотелось рассмеяться, но сдержался и серьезно доложил о своем прибытии.

— Так говоришь, пожалел машину и еще привез раненого. Отчаянная головушка. Что мне с тобой делать? Не под арест же сажать, — похлопал его по плечу командир и, обращаясь к инженеру полка, сказал: — Грешно скрывать такие таланты. Пусть парень экстерном сдаст экзамен на летчика.

...Вскоре мечта Бердникова стала явью. Ему доверили боевой самолет.

ЮРА-БОЛЬШОЙ И ЮРА-МАЛЕНЬКИЙ

Пришла весна. Аэродромы раскисли. На Западном фронте летал всего лишь один наш полк У-2. Мы сумели соорудить новую летную полосу. Натаскали из леса снегу, прикатали, и ночью при заморозках самолеты поднимались в небо, доставляли десанникам боеприпасы, продукты, медикаменты, вывозили раненых.

4-й воздушно-десантный корпус (десять тысяч бойцов) в районе Вязьмы в окружении ожесточенно дрался с фашистами, оттягивая на себя от Москвы несколько гитлеровских дивизий.

Накануне Первомая в полк поступило правительственное задание — доставить к празднику в десантный корпус посылку с орденами и медалями и приказом командующего фронтом о присвоении новых званий.

В полет были назначены летчик Юра-большой и штурман Юра-маленький. Прозвали их так неспроста. Хомяков был высок ростом и грузен. Сазонов — невелик, сухощав и жилист. Но оба в летном деле известные мастера.

Стояла весенняя непогода. Туман закрывал землю. Трое су-

ток экипаж томился на командном пункте, ожидая перемены погоды. Наступила последняя апрельская ночь.

Приняли решение: лететь при любых метеоусловиях. И вот самолет уже в небе. Шли у самой кромки облаков на высоте всего пятьсот метров. Всюду — густая темень, хоть глаз выколи. Хомяков зорко следит за трепещущими стрелками приборов, ведет самолет строго по курсу. Ой, как хочется пробраться, пробиться к десанникам! Завтра праздник, и герои боев в снежных лесах должны получить заслуженные награды, ощутить, что Родина помнит, любит и ценит их.

Об этом же думает и Сазонов. Они пообещали командиру полка, что расшибутся в лепешку, а важное дело сделают, свою марку оправдают.

Внизу багровыми огоньками обозначилась передовая. Засверкали зарницы. Черное небо разукрасили красные, желтые и белые ракеты. Здесь всегда ждешь подвоха. Так и хочется забраться повыше. А куда? В непроницаемый мрак, из которого нелегко выбраться?

Мотор предательски рокочет. Ярко светятся патрубки, выпускающая снопы огня. Самолет приметили. С земли понеслись свистящие пулеметные очереди. Хомяков маневрирует, уклоняясь от опасных трасс. Вот-вот машина уйдет, скроется в спасительной тьме.

Но внезапно пулеметная струя прошила плоскость. Хрустнул компас. Жгучая боль пронзила левую ногу. Хомяков дотронулся до нее. На руке осталась теплая кровь.

— Сбились с курса! — тревожно закричал в наушниках Сазонов.

— Юра, бери управление. У меня разбило компас, — как можно спокойней сказал Хомяков. А о том, что его ранило, умолчал. Достал из кармана комбинезона жгут, перетянул им ногу выше колена, а затем стащил унт и забинтовал рану.

Пока он возился с перевязкой, линия фронта осталась позади. Казалось, опасность миновала. Но нет, с земли к ним снова потянулись огненные ленты. Близко рвались снаряды.

— Чертовщина, напоролись на укрепайон! — выругался штурман.

Самолет подбросило, покачнуло. Хомяков ухватился за ручку и попытался поставить ноги на педали. Левая нога не слушалась. Каждое движение причиняло страшную боль.

Вокруг бушевало огненное море. Самолет опять тряхнуло. На этот раз осколок угодил в двигатель. Запахло дымом, горячее масло стало брызгать летчику в лицо. Винт остановился. Падала высота. Угрою чернели леса. Нигде не видно ни прогалки, ни лысинки. «Неужели конец, разобьемся? Неужели так просто люди уходят из жизни?» — без страха подумалось Хомякову. Преодолевая боль, он сосредоточился. Только ему в этих трудных условиях удастся посадить самолет. Значит, нельзя распускаться. До рези в глазах летчик и штурман всматривались вниз. Им повезло. Разглядели-таки небольшую полянку, посадили на нее самолет.

— Живем, милоч, живем! — весело восклицал Сазонов, выбираясь из кабины.

Хомяков неподвижно сидел в самолете.

— Ты что? Примерз к сидению, ночевать тут собрался? — нетерпеливо спросил штурман.

— Ранили в ногу. Куда я на одной ноге? Останусь здесь, а ты иди к десантникам. Ящик сегодня должен быть у них. За мной придете потом.

— Черт возьми! — ругнулся Сазонов. — Этого только нам не хватало! Ну, ты даешь, чтобы я тебя, раненого, одного бросил!

— Иди! Как старший приказываю, — хмуро проговорил Хомяков.

— За кого ты меня принимаешь! — взорвался Сазонов. — Не можешь идти — поташу на своем горбу. А ну, вылазь!

Хомяков знал, что его друг не из хлипких. Однажды он изведаль его мускулы. Дело было так. Юра-большой, на гражданке отлично владевший боксом, в полку устроил показательный бой. В поединок с ним никто не решался вступить. Лишь Сазонов набрался храбрости. Перчаток была одна пара. Соперники ее поделили. Штурман держался стойко. В довершение всего, когда Хомяков не поберегся, Юра-маленький съездил ему рукой без перчатки, содрал кожу на лице и разбил нос. На том бой и закончился. Так что со штурманом шутки плохи.

— Ох, кореш-кореш, едят тебя мухи! — только и повторял Хомяков, с помощью друга выбираясь из кабины.

Занималось серое утро. Тихо, сумрачно и сонно было в лесу. Пахло свежестью и хвоей да еще бензином от самолета. Летчики присели на сваленное дерево. Раскрыли карту. Получалось, что они не дотянули до десантников около десяти километров.

Из бортпайка Сазонов набрал галет, взял шоколада. Прикинул вес мешка с наградами. Груз не тяжелый. Главная заговздка была тащить Хомякова.

— Ну, прощевай, «конек». Мы еще вернемся к тебе, — взглянув на самолет, сказал штурман.

Хомяков оседлал друга, ухватившись за шею и плечи. В левую руку Сазонов взял ценный мешок, и они тронулись в путь.

Веяло сыростью и весной. На полях и лугах начинал сходить снег, но в лесной глухомани он еще лежал толстым слоем. Крепкий заморозок покрыл его твердой коркой. Наст под ногами потрескивал, ломался, ноги проваливались в снег до колен, а то и глубже.

— Какая красота! По нам не стреляют, за нами не охотятся! Воздух — свежие сливки! Живи да радуйся! — бормотал себе под нос Сазонов. И непонятно, говорил он это серьезно или шутя. В его положении ничего хорошего не было. Он просто подбадривал себя, тужась под тяжелой ношей.

Первые двести метров Юра-маленький одолел терпимо. Остановился. Перевел дыхание. Вторую передышку он сделал уже метров через сто.

— Привал, привал! — отдуваясь, говорил он, ложась на снег и набираясь сил для нового броска.

Хомяков молчал. Юра-маленький понимал, что его другу не сладко. Бледное лицо и тяжелое дыхание выдавали его переживания, хорошо еще, что переносил свою боль не жалуясь и не ноя.

Отдыхать долго некогда. Кто знает, какой им предстоит путь? Да и десантники уже наверняка волнуются. Ночь заканчивается, а они до сих пор не прилетели.

— Двигаем дальше, дружище, — говорит Сазонов, взваливая Хомякова на спину.

Трудно брести по снегу. Густой кустарник, чащоба преграждают дорогу. Приходится обходить, колесить, делать зигзаги. Пройдены километр-другой. Сазонов начинает выдыхаться. Он чувствует, как бешено колотится сердце, стучит кровь в висках. Чтобы подкрепиться, на ходу жует шоколад.

А силы тают. Снова остановка. Они лежат в снегу и смотрят на безучастное серое небо. Сколько еще будет привалов? Доберутся ли они до своих? Что таит этот угрюмый лес?

Лес светлеет, оживает. Застучал монотонно дятел. Застреко-

тали сороки. Уж не появились ли близко немцы? Нет, голосов не слышно.

— Пойдем вон до той большой березы, — намечает маршрут Сазонов, — это метров тридцать.

И он опять напрягается и тянет Хомякова к намеченному рубежу, чувствуя, как дрожат и подгибаются колени.

— Все. Шабаш. Отдыхаем, — говорит он. От него, как от паровоза, столбом валит пар. Жарко. Охота снять меховой комбинезон. Но нет, нельзя. Сазонов теперь уже не ложится на землю. Лежать распаренному опасно. Можно простудиться. Он приваливается к дереву. Берет горсть снега, утоляет жажду.

Хомяков все молчит и молчит. Его гнетут мрачные мысли. Неужто отвоевался? А ведь мечтал о скоростной авиации. Хотелось пересечь на «ястребок», почувствовать себя хозяином в небе. Посмотрел на часы. Третий час они барахтаются в холодном, снежном плену, а одолели всего каких-то три-четыре километра. Так, пожалуй, и до вечера не добраться до места.

— Юрка, ползем как черепахи. И охота тебе со мной канителиться! Оставь меня, иди один.

— Опять ты за свое. Толкаешь меня на подлость. Не выйдет! Ранило бы меня, разве ты бросил бы одного в лесу!

— А, черт, идея! — вдруг заулыбался Юра-маленький. — Как раньше я не смекнул! Соорудим тебе костыли. Топай на них. И мне легче, и совесть твоя будет чиста, а то, я гляжу, ты совсем извелся.

И вот уже вырезаны палки с рогульками.

— Меряй обновку. Так, так. Совсем впору. Знатные костыли. Шуруй хоть на Северный полюс! — пошутил Сазонов.

Он стал прокладывать «лыжню», а за ним, заметно оживившись, на палках заковылял Хомяков. Стало веселее.

— Э, не отставай, жми-дави на полную железку! — покрикивал Юра-маленький. — Ай да мы, гении, до чего додумались!

Но вскоре веселость его как рукой сняло. Дорогу преградила небольшая речушка. Она уже вскрылась и глухо роптала. По ней шел мелкий ледок.

— Вот не было печали, так черти накачали! — скорбно говорил Сазонов. — Придется форсировать водный рубеж.

Он снял с себя унты, одежду. Со всем своим имуществом в руках осторожно всгупил в воду. Она ошпарила холодом. Чем дальше он шел, тем злее кусалась речка. Но вот он уже на дру-

гом берегу. Положил свои пожитки, попрыгал, похлопал себя по бедрам. Разогрелся и поспешил обратно.

— Лезь, дружище, на меня и поехали. Ни к чему тебе принимать ледяную ванну. А мне все едино, — сказал он Хомякову.

Они с трудом преодолели водную преграду. Сазонов выжал трупы, обтер мокрое тело сухими портянками, помассировал посиневшие ноги.

— Эх, добро бы у костра погреться да малость «подлечиться»!

Однако спиртного у них не было, а костер разводить некогда, да и небезопасно.

— Рванем, поднажмем. На ходу согреемся! — размахивая руками, Юра-маленький бойко тронулся в путь. Но, оглянувшись, увидел, что Хомяков крепко завяз в буреломе. Пришлось идти на подмогу.

Лес поредел. Они выбрались на просторную просеку. По ней идти было удобно. Ноги не тонули в снегу, не мешали деревья и кустарники. Чувство тревоги, все время владевшее ими, еще больше возросло. А вдруг нарвутся на фрицев здесь, на открытом месте?

Шли, готовые ко всему. Пистолеты достали из кобуры и сунули за пазухи. Сазонов расстегнул карманы, в которых лежали гранаты-«лимонки». Он брал их всегда в полет на всякий случай.

Первым шагал Юра-маленький, внимательно посматривая по сторонам. Правая рука лежала на пистолете, левой он нес ценный мешок. Чуть поодаль ковылял Хомяков, готовый в любую минуту упасть в снег и прикрыть огнем своего товарища.

Просека сужалась. Впереди снова угрюмо чернел лес. Хоть и были ребята начеку, но все же суровый оклик: «Стой! Кто идет?» — заставил их вздрогнуть и остановиться. Оцепенение длилось один миг. Видимо, интуиция подсказала им, что это те, к кому они добирались.

— Свои мы, свои! — радостно выдохнул Сазонов.

— Пароль?

— Курок, а отзыв? — спросил Юра-маленький, машинально спуская пистолет с предохранителя.

— Курск, — последовал ответ.

Страшное напряжение, владевшее ими все утро, сразу схлынуло. Захотелось смеяться и плакать.

На них приветливо смотрели люди в зеленых куртках, с загорелыми, художавыми лицами.

— Братки, родные. Мы все-таки добрались до вас! — пожмая руку дюжего десантника, говорил Сазонов. — Срочно ведите нас к Бате. Дело важнейшее, отлагательств не терпит.

Быстро из тонких хлыстов соорудили носилки. На них уложили Хомякова. Тронулись. Сазонов не понимал, откуда у него еще взялись силы. Он вместе со всеми прилежно вышагивал по дороге, не зная еще того, что их ждут крепкие объятия самого Бати — полковника Казанкина, который, улыбаясь, будет восклицать: «Ай да орлы, не подвели. Успели-таки к празднику!»

Не знали они пока и того, что за этот рискованный полет получат свою первую на войне награду — медали «За отвагу».

КУСОК ПАРАШЮТНОЙ ЛЯМКИ

Как-то в подвале разрушенного бомбежками завода, где было наше общежитие, техник Павел Великоднов показал мне кусок обычной парашютной лямки, на которой он правил бритву, и рассказал такую историю.

...Стоял январь 1942 года. Вторая эскадрилья полка находилась при штабе 50-й армии. Под вечер в доме, где располагался технический состав, затрещал зуммер полевого телефона. Командующий авиацией вызывал к себе техника Черного, как окрестили Великоднова за смуглый цвет лица и черные волосы.

— Черный, важное задание, — сказал полковник. — Отправляли мы к партизанам самолет с противотанковыми ружьями, а он свалился на нейтралке под носом у немца. Эти ружья нам дороже золота. Сейчас подойдет летчик, который там уже побывал. Выручайте!

Вскоре в комнату вошел дружок Павла — уралец Василий Коробейников. Он доложил, что у самолета неисправно правое магнето.

— Поставьте новое и перегоните самолет к партизанам, — приказал полковник. — Даю в ваше распоряжение автомашину.

— Ну что ж, беремся за дело, — похлопывая Павла рукой по спине, говорил Коробейников. — Да ты что это без маскха-

лата? Возьми, возьми. Вражины там совсем рядом. Заприметят, не поздоровится.

Автомобиль тронулся. Темнело. На западе то и дело вспыхивали зарницы, слышались глухие звуки артиллерийской канонады. Проехали безлюдную деревню. Внезапно их остановил патруль. Пожилой солдат в полушубке сказал:

— Стоп. Дальше нельзя. Местность простреливается.

Вышли из автомобиля. Натянули на комбинезоны белые маскилаты и узенькой тропкой пошли в лесок к артиллерийским позициям. Здесь Коробейникова встречали уже как старого знакомого. Приземистый рыжеватый лейтенант — командир батареи — обрисовал обстановку:

— Самолет пока на месте. Немцы не бьют по нему. Трофеем своим считают. Теперь, думаю, просчитаются. Удачи вам в деле! Потребуется огонек, просигнальте ракетой. Прикроем.

Оврагом, полусогнувшись, по хрусткому насту двинулись ребята к полянке, на которой свалился злосчастный У-2. Ухали орудия. Надсадно выли мины. Огненные вспышки прорезали тьму.

Вот овраг кончился. Неожиданно загорелась желтая немецкая ракета. Летчики залегли. Перед ними раскинулось бугристое поле, занесенное снегом. В конце поля виднелся лес, укрывавший врагов. Метрах в двухстах от ребят поскрипывал от сильных порывов ветра самолет. Подобраться к нему можно только ползком. Павел не только уважал, но и любил Коробейникова как отличного и скромного летчика, который никогда не высказывал своего превосходства перед технарями и всегда был с ними на равной ноге.

— Василий Иванович, зачем нам обоим рисковать? — сказал Великоднов. — Сначала к машине проберусь я. Сделаю все, что требуется, а уж потом и ты подходи.

Коробейников согласился. Павел парашютными стропами привязал на спине магнето. В левую руку взял паяльную лампу, в правую тяжелый чемоданчик с инструментом. В задний карман засунул флягу с эфиром, без которого в крепкий мороз не запустишь мотора. Пополз. Магнето то и дело съезжает со спины. Под тяжестью тела обнажаются снежные бугры, ветки колючего кустарника цепляются за одежду. Близо рвутся мины. Осколки и пули повизгивают над головой. Великоднов вжимается в твердый наст.

Ох, какими длинными показались ему эти проклятые двести метров! Наконец Павел добрался до места.

Пятачок вокруг самолета был вне обстрела. Великоднов залег под плоскостью. Почувствовал себя в безопасности. Расслабился. Какая тут райская благодать! Ясно, немцы не трогают свой трофей. Целеньким завладеть хотят. Ну, это мы еще посмотрим!

Лежать, нежиться и прохладяться некогда. Павел поднялся в полный рост. Поставил на плоскость свою поклажу. Открыл капот, вскрыл правое магнето. Металл обжигал руки, прилипал к коже. Коробейников не ошибся. Магнето было неисправно. Заменял его новым. На это ушло каких-нибудь десять минут, а разморился, словно в жаркой бане побывал.

Подполз Коробейников. Теперь предстояло самое важное — запустить мотор. Нелегко это сделать в лютый мороз — да еще на виду у противника. Летчик паяльной лампой грел цилиндры, а Великоднов заливал эфир в свечные отверстия. Каждый миг их могли заметить и прошить автоматной очередью. Но думать об этом некогда. Удастся ли на этом чертовом морозе подготовить мотор к полету?

— Попробую взлететь, — похлопывая замерзающими руками, сказал Коробейников и одним махом заскочил в кабину.

— Внимание! — хрипло произнес Павел, провертывая винт.

— Есть внимание! — отозвался Коробейников.

— Контакт! — негромко проговорил техник, отскакивая в сторону и падая в снег.

— Есть контакт! — подтвердил летчик. И мотор, к общей их радости, ожил, заурчал.

Коробейников дал газ и пошел на взлет. Мотор трещал, барахлил, но все же тянул машину.

Немцы всполошились. Открыли ураганный огонь. Кругом ухали снаряды и мины. Наша артиллерия ударила ответным огнем. Самолет уже скрылся в темном небе, а стрельба не утихала.

«Стреляй не стреляй, а проворонили «пташку», — радовался Великоднов, отползая к своим. Но что это? Он натолкнулся на занесенный снегом труп. Судя по одежде, это был летчик. И, очевидно, с этого неисправного самолета. «Неужто бедняге суждено истлевать на этом безвестном поле?» — с горечью подумал Великоднов и решил попытаться вытащить тело.

Летчик лежал лицом вниз. На нем парашют. Почему-то он

не снял его. Павел попробовал перевернуть парня, чтобы отыскать документы, узнать, кто он такой? Но тот крепко-накрепко примерз к земле.

Финским ножом Павел стал скалывать лед. Но сколько ни бился, все было напрасно. А стрельба продолжалась. Немцы палили и палили.

«Черт возьми, так и меня еще продырявят, — подумал он. — Придется, пока жив, сматывать удочки. Ты уж прости, браток, что оставляю тебя. Сил у меня больше нет».

Сам не зная зачем, отрезал кусок лямки от парашюта и пополз к своим.

И вот наконец Великоднов появился у артиллеристов. Масклат на нем изодрался, повис обледелеными лохмотьями, из комбинезона местами вылез наружу мех.

Командир батареи долго тряс ему руку:

— Ну, молодцы летчики! Увели-таки самолет!

Лейтенант пригласил Павла в свою землянку погреться и почаевничать.

— А чего ты замешкался? Мы уж было подумали, не случилось ли чего.

Великоднов рассказал, как было дело, попросил вынести с поля убитого летчика и честь по чести похоронить.

У КОСТРА

Ветер забавлялся костром: то раздувал пламя, причудливо лохматил его, то стихал, не мешая огню поглощать потрескивающий хворост.

Летчик Василий Протасов с удовольствием грелся у костра. Так, бывало, сидел он на берегу Камы с ребятами на ночной рыбалке. Удочки заброшены на донку. Спит тихая река, лишь изредка всплеснет крупная рыба. На горе чернеет глухой лес. Загадочные, волшебные танцы творит огонь, разожженный тут же на гальке.

С раскрытыми ртами слушают юные рыбаки рассказы седого деда о русалках, водяных, леших и прочей нечисти. От страха и жути мороз пробегает по коже...

Но вот разгорается зорька. Блекнут костры. Светлеет река. Исчезают страхи. Мальчишки гурьбой с удилищами на плечах, с нанизанными на куканы золотисто-серыми окуньками, серебристой плотвой, переговариваясь и весело насвистывая, возвращаются с рыбалки.

Днем другие забавы. Ребятишки шумно носятся по поселку, запуская змейки. Огромный Васин змей с длинным мочальным хвостом высоко поднимается в небо. Но выше его змея летают самолеты. Василий с завистью смотрит на них. Приходит мечта о летной профессии. После школы он кончает аэроклуб, потом летное училище.

...Громкие голоса вернули Протасова к действительности. Его самолет был подбит при перелете линии фронта и сделал вынужденную посадку.

У костра собрались солдаты в серых шинелях и видавших виды полушубках. Они с интересом поглядывают на хмурого летчика, донимают его вопросами — сколько сбил немецких стервятников, сколько перемолотил фашистов, не знаком ли с Покрышкиным, не встречался ли с большими военачальниками?

Протасову неловко. Видать, принимают его за аса, а он-то всего-навсего летает на маленькой «уточке». Скрывая свое смущение, пробует отшутиться:

— Помилуйте, братцы, какие там стервятники! Это вы, доблестная пехота — царица полей, постоянно ходите в атаку. А мы что! Воздушные извозчики, ночные «птахи». Машинку У-2 сами знаете. Где уж нам до героев! С Покрышкиным встречаться не приходилось. Генералов, правда, вожу с одного участка фронта на другой.

Ждал Василий, что после таких слов интерес к нему пропадет. Но нет, сидящие у костра по-прежнему смотрят на летчика с уважением. А один пожилой солдат с пышными черными усами дружески хлопнул Василия по плечу:

— Скромничаешь, парень! На машинку свою не обижайся. Машинка хоть куда. Порой крепко нас, пехоту, выручает. А уж фашистам дает — будь здоров. Воевать-то на ней, небось, не легко? Как-никак без брони, да и скоростенка не та. Достается вам, поди, на орехи? С тобой-то всякое, наверное, бывало! Раскажи-ка, не отнекивайся.

Протасов еще более смутился. Задели его за больное место. Он, как и многие приятели, давно задумал податься на «ястреб-

ки». Да все не выходит. А вот, оказывается, его самолет у пехоты на хорошем счету.

Солдаты у костра сгрудились еще плотней, и Протасов, не желая того, очутился в центре.

Василий не курит. В полку ему обычно вместо папирос выдают шоколад. Но пехотинцы любезно протягивают ему кисет с махоркой, и он, стесняясь отказаться, с превеликим трудом склеивает толстенную сигарку.

Разгоревшийся костер осветил его молодое лицо: в голубых глазах застенчивость, взгляд серьезный, острый, русые волосы выбились из-под шлема.

— Да про что рассказывать? Право, ничего особенного со мной не случилось. Летал, бомбил, почту возил, раненых, боеприпасы. Вот и все. — Протасов схватил сухую черную ветку и принялся ковырять угли.

Он и в самом деле не знал, какой историей «откупиться» от солдат. Чем удивишь людей, которые сами недавно вышли из кровопролитного боя? Правда, в свои двадцать лет Протасов уже не раз и не два встречался со смертью. Ему вдруг почему-то припомнилось, как после одного полета штурман Миша Грязнов на своем аэродроме бросился его обнимать:

— Василек, братишка, ты сегодня превзошел себя! Подумайте только, ребята, по нему палят всюю зенитки, прожекторы схватили в свои клещи, а он и в ус не дует, не сворачивает с боевого курса, летит себе и летит как заговоренный. Я, грешным делом, малость струхнул и все жду, что он махнет в кустики-елочки, в спокойную зону. А он и ухом не ведет! Ну, кремь, гранит! По такому случаю награждаю тебя своей порцией масла и блинчиков с повидлом!

— Масличко и блинчики, так это ж моя слабость! — возликовал Протасов.

— Кушай, детка, на здоровье, набирайся сил! — Михаил погладил Протасова по вихрастой голове.

Но как об этом расскажешь?

— Не больно разговорчив ты, парень, — то ли одобрительно, то ли с укором сказал солдат с лихими чапаевскими усами. — Ну, а молчком сидеть у костра негоже. Коли помалкиваешь, дозвольте мне, братцы, кое-что рассказать. — Он отобрал у Василия сухую ветку и переворошил в костре раскаленные угли. — Вот сижу среди вас живой и здоровый, а годок назад чуть в ящик не

сыграл. Да спасибо одному летчику. От верной гибели спас, а то бы поминай как звали Константина Лыкова!

Протасову показалось, что он уже когда-то слышал этот хрипловатый голос и видел солдата со столь приметными пышными усами.

А Константин Лыков между тем продолжал:

— Вот такая же была ранняя весна. Серо, ветрено. Лужи под ногами. Грязища. Ни дорог, ни путей. Фронт притих. И надо же случиться оказии. Шальной пулей зацепило меня в грудь. Света белого невзвидел. Кричу. Охаю. Ругаюсь. Медсестра, конечно, перевязала и велит срочно направляться в медсанбат. А какой к черту медсанбат, когда все кругом развезло, хоть на лодке плыви. Словом, понял я, что дело мое табак. Но ребята говорят: «Не дадим, дядя Костя, тебе помереть. Потерпи немного».

Смастерили носилки и понесли куда-то. Дотащили до аэродрома, где стоял полк У-2. Ободряют: «Держись, дядя Костя. Теперь твое дело в шляпе. Мигом тебя добросят до медицины, а там заштопают, подлечат».

Да не тут-то было. Сочувствуют летчики, но плечами пожимают. Самолеты их на приколе. Небо в тучках, и мокрый снег валом валит.

А мои ребята не сдаются, настаивают. «Неужели боевому солдату, у которого вся грудь в медалях, погибнуть дадим от пули-дуры? Мы его столько верст по грязи тащили, торопились, себя не жалели. Так что же, все зазря?» А я уже совсем дохожу. Ни ругаться, ни мычать силов нету. Хлопцы мои поникли.

Тут один из летунов, щупленький такой, вроде тебя, не вытерпел. Говорит командиру: «Я полечу. Спасать солдата надо». А командир трубку курит, запрещать не запрещает, но и разрешения не дает. Качает головой: лететь, мол, опасно.

Но летчик стоит на своем. Уверяет, что при такой погоде летать ему не впервой. И, видно уломал командира.

Занесли меня в самолет. Порулили мы на старт, а лыжи вязнут в мокрой каше. Земля не отпускает. Мотор ревет, трясет нас, как в лихорадке. Не можем взлететь, хоть тресни. Повернули обратно. Снова рулим. Вижу, солдаты самолет качают за крылья, помогают ему от земли оторваться. В животе у меня поджало. Неужели взлетели? Так оно и есть. Летим. А куда — неизвестно. Ничего не видно. Вокруг молоко, белый туман.

Я совсем одурел. Раскис. Думаю, не видать мне больше ни

дружков боевых, ни родни милой. Кончаюсь. Вдруг чую — толчок, другой, третий. Выходит, я еще живой. Похоже, приземлились. Меня дергают за рукав и уши трут. И голос, как сквозь вату, донесся: «Очнись, солдат. Прибыли».

Открыл глаза и узнал своего летчика. Сгребли они меня с санитаром на руки, вытащили из кабины. Словом, доставил этот парнишка меня до медицины, хоть и еле живого. Ну, а врачи постарались, воскресили меня, можно сказать, из мертвых. Теперь вот снова воюю и собираюсь до Берлина дошагать, с фашистами полный расчет произвести. Не будь я Константин Лыков, если не сделаю это, — заключил свою историю обладатель пышных усов. И, обращаясь к летчику, спросил:

— А не ты ли это, случаем, был?

Солдаты, все как один, повернулись к Протасову. Что он мог ответить? Да, летал он при самой заковыристой погоде. Сотни раз. В том числе и в весеннюю распутицу. И раненых перевез множество. И среди них были вот такие же усачи.

И Протасов ответил с осторожностью:

— Вполне возможно, солдат, вполне возможно.

ТАЙНА НИКОЛАЯ ТОПОРОВА

Штурман Николай Топоров казался нам человеком странным. В свободное время мы охотно бегали в деревню на танцы, не чурались песни и чарки. Он же жил тихо и скромно, постоянно с книгой в руках.

— Ну, красная девица, сиди себе в своем углу, а я пойду на вечерку, — недовольно буркал его летчик Николай Попов.

Попов был стройный, щеголеватый, всегда в отутюженной форме. Топоров — полная противоположность ему: мешковатый, чуть сутулый, ходил в поношенной шинельке, нисколько не заботился о своей внешности.

К тому же Топоров был до смешного рассеян. Дольше всех готовил расчетные данные к полету, а когда летчик поторапливал его, он, волнуясь, быстро рассовывал свои принадлежности в пузатую сумку и обязательно какую-либо мелочь забывал.

Но дело свое он знал. Точно водил самолет, не терялся в зенитном огне и бомбил метко. Так что Попов не променял бы своего штурмана ни на кого другого.

Правда, временами Топорова как будто подменяли: становился неузнаваемым, вялым. На трусость это не походило. Тут было что-то другое. Попов не раз старался выведать: что с ним? Топоров уходил от прямого разговора, отделялся смешками: мол, душа ушла в пятки, язык от страха онемел.

— Ерунду плетешь, — не верил летчик.

Однажды в полете они попали в сложный переплет. Проекторы слепили глаза. Яростно били зенитки. Кругом все ухало, свистело, сверкало. То и дело слышался глуховатый голос штурмана:

— Отверни вправо! Отверни влево!

Вдруг Топоров замолчал.

— Николка! — рявкнул Попов. — Какого черта молчишь?

Но штурман не отзывался.

— Николка! — снова прогремел летчик. — Ранили, что ли?

— Живой я, живой, — тихо ответил Топоров.

Что же случилось с ним? Когда они попали в огненное пекло, у Топорова бешено забилось сердце. Страшно сдавило грудь. Перед глазами заходили радужные круги. Топоров торопливо шарил рукой в сумке, разыскивая спасительное лекарство. Насилу нашел. Боль постепенно стихла.

Еще с детства у Топорова пошаливало сердце. Врачи говорили, что у него врожденный порок, и авиации Николаю никогда бы не видать, да выручил товарищ, который сходил за него на медицинскую комиссию. Об этом штурман никому не рассказывал.

...После полетов, уже лежа на нарах в общежитии, Попов снова пристал к своему штурману:

— Скажи, что с тобой было?

— Когда? — как бы не понимая, проговорил Топоров.

— Брось валять дурака. Отвечай напрямик, без утайки!

— А трепаться не будешь?

— Не буду, слово даю.

— Сердце подводит. Мотор мой барахлит иногда, — признался штурман.

Попов твердо держал свое слово: молчал. Но тайна Топорова все же раскрылась. Как-то после большой баталии — налета на

Брянский узел — летчик посадил подраненный самолет на своем аэродроме и, выскочив из кабины, закричал:

— Санитарку!

Штурмана вынули из самолета в тяжелом состоянии. Летчик пояснил врачу:

— С сердцем у него худо.

Тут же на летном поле Топорову сделали укол. Ему полегчало.

— Везите в санчасть, — распорядился врач.

— Зачем? Я уже вполне здоров, — отнекивался Топоров.

— Сержант, прекратите разговоры, — строго сказал врач.

А днем высокий, грузный доктор, внимательно прослушав и простукав штурмана, удивленно произнес:

— Глухие тона, аритмия! Да как же ты с таким сердцем в авиации? Переходи-ка на штабную работу.

— Что вы, не пойду! Двести вылетов сделал — и ничего, — стал твердо возражать всегда покладистый и молчаливый Топоров.

— Откажет сердце в воздухе — конец, — убеждал врач.

— Судьба, значит, доктор. От нее никуда не уйдешь. Умоляю, вас, Максим Максимович, не лишайте меня летной работы. Хотите, на колени перед вами встану?

— Ох, блажной. Да понимаешь ли ты, что на острие ножа ходишь, что летать тебе противопоказано?

— Война, доктор. Кто теперь считается со своим здоровьем? Разобьем фашистов, сам уйду из авиации.

— Право, блажной, — покачивал очкастой головой доктор. — Что ж, уговорил. Только почаще ко мне заходи. Буду за тобой особо досматривать.

...Не раз еще в полетах Топоров хватался за грудь, глотал таблетки, но с летной работы не уходил.

НЕВЕЗУЧИЙ

Аркаше Богатыреву с самого рождения не везло. Родился он досрочно. Мамка пошла с ведрами за водой, поскользнулась, упала, и появился на белый свет семимесячный ребенок. Его

допаривали на печке в лукошке с пухом. Правда, рос он потом нормально, но переболел всеми детскими болезнями. В школе особыми успехами не блистал. Его, как говорится, перетаскивали из класса в класс за уши.

Был он тихоня, а поэтому частенько получал подзатыльники и постоянно ходил в синяках. И вот он-то совсем неожиданно и нежданно для себя и для других вдруг влюбился в авиацию. Да так, что ни о чем ином и думать не мог.

То было время великих летчиков. Гремели имена Валерия Чкалова и Михаила Громова, Марины Расковой и Полины Осипенко. По улицам ходили летчики в красивой синей форме с голубыми петлицами. С тихой завистью провожал взглядом Аркаша крылатые корабли, с громом пролетавшие в небе.

Подал он заявление в летную школу. И, как ни странно, его взяли. Учился Аркадий с необычайным рвением, закончил школу успешно. Когда началась война, он, как и другие, стал рваться на фронт.

Но его вместо боевого полка послали в батальон аэродромного обслуживания. Очередное невезение! Он чуть не плакал, летая по хозяйственным делам. Подобное казалось ниже его достоинства. Летал неохотно, ни шатко ни валко, а однажды покуражился и разбил самолет. В БАО с Богатыревым расстались без особого сожаления.

С подмоченной репутацией поступил он в полк ночных бомбардировщиков. Там, понятно, не торопились выпускать в небо. Изводили нарядами, заставляли учить теорию. Надоело. Набрался храбрости, пошел к замполиту полка. Просил, умолял доверить ему боевую машину. Клялся и божился, что не подведет, уверял, что нет ему жизни без летной работы.

В свои девятнадцать лет Аркаша Богатырев далеко не соответствовал своей громкой фамилии. Был низкорослый и щуплый. Однако при всем этом в голубых глазах его сверкал волевой огонек. Видимо, уловив сверканье этого огонька, комиссар поверил ему, замолвил за него словечко. Богатыреву дали машину, и он стал летать.

Но неудачи, как и прежде, преследовали его. Почем зря доставалось ему от вражеских зенитчиков. Доставалось больше, чем другим летчикам. Еле-еле доползал до своего аэродрома, после чего его самолет долго чинили и латали.

Однако, погоревав после очередной неудачи, Аркадий быстро обретал новый заряд бодрости и снова шел в полет.

Вот и сегодня Богатырев и штурман Лозовой везут боеприпасы партизанам. В синей дымке лежит земля и кажется совсем мирной, спокойной. Пока все идет нормально. Благополучно проскочили передовую. Внизу поблескивают рельсы, отливают серебром извилистая речушка.

Неожиданно мотор закашлял, застучал. Винт, сбавляя обороты, вращался судорожными рывками. Аркадий сквозь зубы ругнулся и начал отчаянно двигать насосом. Не помогало. Внизу зловеще чернел лес. Черт возьми, опять не повезло!

— Хрен в пятку! — с досадой прокричал штурман Лозовой. — Придется садиться. Ищи площадку.

Оба напряженно всматривались вниз с надеждой увидеть хоть какой-нибудь пятачок свободного от леса пространства.

— Полянка! — радостно воскликнул штурман и показал ее летчику рукой.

— Спасены! — повеселел Аркадий. Собрался было попросить Лозового подсветить ракетой, да передумал: засекут еще немцы.

Аркадий посадил машину, что называется, на ощупь. Самолет задержался, ныряя и вздымаясь, словно на больших волнах. Площадка была в буграх и рытвинах. Вскоре скачки прекратились. Самолет остановился. Стало совсем тихо.

— Приехали, господа! — иронически пробормотал себе под нос Богатырев.

Они медлили выбираться из своих кабин. А вдруг поблизости немцы? В самолете же под руками был пулемет.

Сидели молча. Наконец Лозовой сказал успокоительно:

— Тишь да гладь да божья благодать. Считаю, фашиста ночью в лес пряниками не заманишь. Так что давай осмотрим машину. Может, пустяк какой?

Вылезли из кабин, обошли самолет. Аркадий открыл капот и при свете карманного фонарика осмотрел еще не остывший мотор.

— Ничего не разобрал, — покопавшись в нем, уныло признался он. — Придется ждать утра.

— Ждать так ждать, — согласился штурман, — ежели что серьезное, подадимся к партизанам. Немного до них не долетели.

С большим трудом затащили они тяжелый самолет в кусты, замаскировали ветками. Улеглись под плоскостями. Закурили.

Вынужденная посадка сильно расстроила Аркадия.

— Неудачник, как есть неудачник! И так всю жизнь! — жаловался он штурману.

— Оставь, Аркаша, свое нытье. На войне удача всегда ходит рядом с бедой. Мне тоже приходилось попадать ой в какие переплеты! Думал, амба, конец, а жив и здоров. Выкрутимся, браток!

— Тебе что, Иван Иванович! Одних боевых у тебя за двести. Авторитет. А я? Желторотый птенчик. Опять по мне наряды скучают. Летать запретят.

Не спалось. Курили и курили. Раскрывали карту. Освещали ее фонариком. Пытались определить, где они, где партизаны, где противник? Ночь казалась бесконечной.

Но вот на востоке зарозовело. Заискрилась роса на траве, на листьях. Запела малиновка. Застрекотал дрозд. Послышался стук дятла. Ночью каждый кустик, каждое дерево казались крадущимся врагом, а при утреннем свете все предстало красивым, мирным, спокойным.

Однако надо было разбираться с машиной. Поковырявшись в моторе, Аркадий определил, что задрало цилиндр. Стало ясно, улететь не удастся. Заприметив свою полянку, они по узкой тропке, засыпанной старой прошлогодней листвой, углубились в лес. Густой и хмурый, был он неласков. Ветки цеплялись за одежду, сухой валежник предательски потрескивал под ногами, заставлял настораживаться. Петляли и петляли мелкими стежками. Услышали шум автомашин. Пошли на него. Показалась серая лента шоссе. По нему время от времени проносились грузовые автомашины, мотоциклы, раздавалась чужая речь.

— Немцы! — мрачно сказал Аркадий.

Раскрыли карту. Наметили новый путь. После долгих хождений лесом натолкнулись на заброшенную щербатую дорогу.

— Малоезженная, конная. Наверняка к партизанам, — определил Лозовой.

На всякий случай достали пистолеты. Осматриваясь, пригибаясь, пошажали по обочине. Вскоре лесок поредел. Показалась деревушка. Кто там? Залегли в кустах и повели наблюдение.

Немного погода до них донеслись какие-то разговоры. Говорили по-русски. По направлению к деревне шли пять человек с винтовками. Одеты в гражданское. Но кто они? Партизаны? А может, полиция? Решили выждать, когда пойдет кто-либо один.

Через некоторое время появился парень в деревенской холщо-

вой куртке и лихо заломленной фуражке. На козырьке у него красная полоска. Летчики вышли из кустов. Парень вздрогнул, дернулся было снять с плеча винтовку, но, увидев форму советских летчиков, улыбнулся:

— Свои?

— Свои, свои! — в один голос заверили Богатырев и Лозовой.

— А вы оружие все же уберите, — сказал парень.

Летчики спрятали пистолеты. Сказали, что сделали вынужденную посадку, угостили парня «Беломором». Последнее его больше всего убедило, что они точно свои. Он повел их в партизанский лагерь.

И вот они в хате командира отряда. Командир, обликом похожий на Тараса Бульбу, проверив документы и выслушав их, вдруг спросил:

— Животы-то, небось, подвело?

— Кишка кишке кукиш кажет, — признался Аркадий.

— Марья! — гаркнул командир.

Из-за двери выглянула пожилая женщина.

— Покорми-ка гостей, чем бог послал!

В момент перед летчиками появился котелок с дымящейся картошкой, большие кружки с чаем и тарелка с ломтями черного хлеба. Ни соли, ни сахара не было.

— Уж извиняйте. Живем небогато. Каратели все время наступают на пятки. Меняем базы. Хорошая пекарня и котлопункт только снятся, — как бы оправдываясь, говорил командир.

Летчики с аппетитом набросились на еду.

— Ну, а теперь о деле, — сказал командир, когда они прикончили картошку и занялись смородиновым чаем. — Заходи, Гавриила Иванович.

В горницу неслышно проскользнул сутулый, сухонький старичок с круглой бородкой, одетый в солдатскую форму без погон. На ремешке у него через плечо висел в деревянной коробке маузер.

— Знакомьтесь. Гавриила Иванович. Механик МТС, бывший, конечно. Большой след по машинам. Это добро, что вы боеприпасы привезли. Позарез нужны. А самолет выручать придется. Сели вы у немца под носом. Даю вам с Гавриилом десяток хлопцев и пяток подвод. Грузите все на них и везите сюда. Да не мешкайте. Как бы фашисты добычу не унюхали.

...Солнце шло к полудню, когда подводы добрались до полянки с запрятанным самолетом. Предстояло заняться его разборкой. Аркадий вообще-то представлял себе, как это делается, но ему никогда не приходилось самому разбирать самолет. Обычно эту работу делали техники. А тут вот нужда прижала.

Перед выездом они с большим трудом разыскали у партизан ржавый английский ключ, плоскогубцы, несколько пулеметных ключей и отверток. С этим примитивным инструментом и взялись за дело.

— Осторожней, хлопцы, осторожней! Ни один винтик, ни один шплинт не должны поломаться. Самолет — нежное существо, любит обходительность, — предупреждал Аркадий.

Казалось, совсем не трудно снять крылья. Но на деле морочки хватало. Недаром поговаривали, что У-2 — балалайка, обвешанная струнами. Не счесть к ней лент, тросов, тросиков, провочков.

— Растяпа! — вспылil Аркадий, увидев, как чумазый парень порвал один из тросов. — Говорю же вам, легче, легче на поворотах!

Постепенно самолет освобождается от плоскостей. Наконец на земле лежит один фюзеляж, но вот и он погружен на телеги.

Неторопливо трогают в путь лошаденки. Облегченно вздыхает Аркадий, закуривает. Но, оказывается, торжествовать еще рано. Лесные дороги узки и извилисты. Хвостовое оперение застряло между деревьями.

— Ничего, расчистим дорожку, — успокаивает Гавриила Иванович, берясь за топор. Ему помогают другие партизаны. Работают, как говорится, до седьмого пота.

Удары топоров нарушают тишину, вызывая беспокойство. Как бы на шум не нагрянули немцы!

— А ну, хлопцы, отставить топоры, — командует летчик, — разберем и хвостик на части.

...Вечер пах смолой, резедой и мятой. Солнце садилось, и его лучи весело играли на лесных прогалинах. Подводы с необычным грузом прибыли в партизанский лагерь.

— Ух, уморились. Но наша взяла! — отдувался Богатырев, ликующе размахивая шлемом. — Утречком займемся сборкой.

Вот и рассвело. Летчики вместе со своей командой приступили к работе. Волынки было предостаточно. Порой приходилось примерять и прикидывать детали по десятку раз, пока они

не становились на свое место. Кое-где вместо поломанных шплинтов и гаек пришлось поставить заменители. С разбитого самолета, который оказался поблизости в лесу, сняли исправный цилиндр и установили на свой.

Вечером самолет был готов к полету. Стемнело. Тепло попрощались с партизанами, взлетели.

У ребят хорошее настроение. Удачно кончился их лесной плен. Они уже представляли, как неожиданно появятся дома, начнут рассказывать о своих приключениях.

А внизу своим чередом шла война. На передовой велась усиленная огневая перестрелка. Глухо гремел орудейный гром. Из леска на звук мотора забили зенитки. Черные облачка разрывов ложились все ближе и ближе.

— Приметили нас! — воскликнул Аркадий. — Давай заткнем им глотки!

— Попробуем, — берясь за пулемет, согласился Лозовой.

Богатырев развернул самолет на цель и начал снижаться. Тоненькие золотистые струйки от их пулемета потянулись к земле. Зенитка стрельнула разок, другой и испуганно замолкла. Чуть правее от нее, как зайчики, прыгали десятки солнечных бликов. Это стреляли по самолету из винтовок.

— Пуганем пехтуру! — предложил Аркадий, продолжая снижение. Штурман последним запасом свинца обрушился на противника.

Под ними — передовая. Высотомер показывал всего триста метров.

— Аркаша, Аркаша, высоту давай, высоту! — рявкнул штурман. Задрав нос, машина натруженно полезла вверх. Мотор тревожно гудел. Неожиданно самолет закачало и начало кренить. Лозовой в беспокойстве нагнул к кабине летчика.

— Иван Иванович, веди машину. Ранили меня, — услышал он. Не шутит ли Аркадий? Но такими вещами не шутят. Лозовому никогда не приходилось управлять самолетом, хотя он и знал, как это делается. Не раздумывая, взял он ручку и поставил ноги на педали.

— Ох, милый, хороший, выручай! — разговаривал он с самолетом как с живым существом. И тот, хотя и не очень послушно, повиновался. Правда, иногда упрямылся, вилял, но все же летел, летел! Тридцать трудных минут «воевал» с ним штурман.

Завиднелись приводные огни родного аэродрома.

— Аркаша, посадишь? — с тревогой спросил Лозовой.

Эти тридцать минут показались Богатыреву целой вечностью. В глазах у него все кружилось, расплывалось. Ритмичный шум мотора убаюкивал. Он до крови кусал губы, бил себя по щекам. Все равно хотелось спать, спать. В голове, тяжелой, словно налитой свинцом, одна мысль: держись, Аркаша, не спи, Ивану не посадить самолет. А что там хлюпает в сапоге? Сунул руку, она покрылась чем-то липким, теплым. Да ведь это кровь. Он сразу же после ранения перетянул ногу веревкой, случайно оказавшейся в кармане. Видно, кровь все равно просачивается. Вот почему он слабеет.

Аркадий расслышал вопрос штурмана, понял, что пришел решающий момент. Собрался с силами и негромко произнес: «Подсвети ракетой!» Обеими руками схватился за ручку управления. Она показалась страшно тяжелой. Вспыхнула белая ракета. Поле было свободно. Аркадий повел самолет на посадку. Приземлился. Это он понял, когда колеса коснулись земли и их слегка трянуло. И в тот же миг впал в забытие. Белого как снег вынимали Богатырева из кабины. Весь он был перелачкан кровью.

...Прошло десять дней. Аркадий лежал в полевом госпитале. Навестить его приехал Лозовой. Он сидел у койки в больничном халате, улыбался и легонько жал руку своего товарища.

Аркадий все еще был бледен и немощен. Он с трудом поднялся от подушки и обрадованно сказал:

— Спасибо, дружище, навестил. Не пугайся. Знаю, видок у меня неважнецкий. Крови много потерял. Добавочку сделали. Скажу тебе главное: хирург обнадежил — пуля не задела кости. Сквозное ранение в мякоть. Так что буду снова летать.

— Ничего, Аркаша, не горюй. Были б кости, мясо нарастет, — утешал Лозовой. — Повезло нам. Выбрались из беды.

— Везет мне как утопленнику. Такая планида, — с грустинкой в глазах сказал Аркадий.

Иван Иванович достал из сумки пару банок мясной тушенки, банку сгущенного молока, грудку яблок и четвертинку водки. Все это поставил на тумбочку около койки.

— Поправляйся, браток. Это подарок от всей эскадрильи. Ждем тебя обратно. Еще комиссар велел передать — представили тебя к ордену.

На бледных щеках Аркадия вспыхнул румянец. Ему стало приятно, что в полку заметили его. Выходит, не такой уж он неудачник, как представлял себе.

МОСТ

Утро было серое. Андрей Занин со штурманом Черномырдиным летели в штаб дивизии со срочным пакетом. Чувствовали они себя спокойно. Не первый месяц на фронте. Летали ночами. А тут проще простого — дневной полет. Мимо Корсакова, где находился штаб, Занин как-то пролетал. Помнил это большое село с белой церковью. Он уверенно взял курс на восток.

Но что это? Впереди стало сумрачно. Молочный туман все густел и густел. Пришлось набирать высоту. Высотомер уже показывал восемьсот... тысячу метров, а конца туману не видно. Самолет врзался в темное морево.

Около часа болтались они в непроглядном небе. Занин с большим напряжением пилотировал машину. Ведь У-2 не очень-то приспособлен к длительному слепому полету. Наконец внизу замелькали желтеющие поля и деревья.

— Штурман, где мы находимся? — спросил через переговорный аппарат Занин.

— Сейчас сориентируюсь, — ответил Черномырдин.

Прошло несколько минут, а он все помалкивал.

— Что молчишь? — нетерпеливо спросил летчик.

В ночных полетах их обычно выручали прожекторы, костры, днем же шли по характерным ориентирам, которые надо было знать наизусть. Где они? Штурман не видел ничего, за что можно было бы зацепиться глазом.

— Да посмотри ты на карту! — сердито крикнул летчик. — Проверь маршрут.

— Позабыл я ее, — признался Черномырдин.

— У, шляпа! — выругался Занин. Он понадеялся на штурмана и на своей карте не проложил маршрута.

Показалась какая-то деревушка. Занин повел самолет к ней

и, сделав вокруг нее несколько виражей, заметил на окраине бородатого деда, который на завалинке раскуривал трубку. Андрей сбавил обороты мотора, перевел самолет на планирование и гаркнул во все горло:

— Дед, где Корсаково?

Тот не сразу понял, о чем его спрашивают, пришлось еще крутануться вокруг хаты, пока старик уразумел вопрос и показал рукой на юго-запад.

Вскоре заблестела речка. Держась ее, Занин вывел самолет на Корсаково. Вручили начальству пакет. У летчиков связной эскадрильи проконсультировались о маршруте и под вечер были дома.

— Так, так! — ворчал начальник штаба капитан Вавилов. — Вас только за смертью посылать. Где вы болтались?

Пришлось признаться, что заблудились.

— Ну, так вот что. Отстраняю пока вас от полетов. Поучите район действий. Погрызите штурманскую науку, — изрек он свой приговор. — Без нее голову легко потерять.

...Черномырдин хмурый сидел на пеньке около общежития. Да, не ожидал он такого от Андрея. Нечего сказать — друг! Себя выгораживал, а его топил.

До сих пор Занин и Черномырдин были неразлучны, как говорится, куда иголка, туда и нитка. Ни в столовку, ни на вечерку не ходили порознь.

Черномырдина обуяла страшная обида. «Уж нет, увольте от таких дружков!» — скрипел он зубами. В его ушах все еще стояли слова Вавилова: «Лапоть ты, а не штурман. Уметь надо потерять Корсаково!»

Был Василий Черномырдин черен как цыган и как цыган горяч. Все в нем кипело. Но оправдываться было нечем. Все же надеялся, что отделается легко.

Недавно во фронтовой газете писали, что у Черномырдина соколиный глаз, что он наносит врагу снайперские удары, бомбит без промашки. Но скидки на эти его заслуги Вавилов не сделал.

— Пойдем, блудный сын, на вечерку, летать-то все равно не придется, — с издевкой приставал к нему приятель-балагур Миша Бочкин.

— Уйди с глаз долой, без тебя тошно, — отмахивался Черномырдин.

...В это же время Андрей Занин лежал на нарах в общежитии и, уставившись в потолок, горевал. Он, как и штурман, был отстранен от полетов. Его съедала злоба на себя самого. Воевал хорошо. На его счету было за сотню боевых вылетов. Дослужился до командира звена — и на тебе, такой конфуз. Передоверился штурману, который возомнил, что летать ему днем — раз плюнуть, и подложил Андрею большую свинью.

На другое утро долговязый лейтенант Занин ходил по деревне с красной повязкой на рукаве дежурного по полку. Он опускал глаза при виде ребят, которые гурьбой шли из столовой и оживленно обсуждали ночные полеты.

Андрея невольно охватила зависть. Дружки воют, а он неизвестно на какой срок лишен летной работы.

Все тот же вездесущий Бочкин при встрече с ним церемонно раскланялся, усмехаясь сказал:

— Приветик принцу Гамлету, объятому грустью!

— А ну, вали своей дорогой, пока ребра целы! — сердито обрезал его Занин. Ему и без того было тяжело, а тут еще всякие лезут с издевками.

Немного полегчало после разговора с начальником штаба. Увидев капитана, Занин невольно подтянулся, строевым подошел к нему. Взяв под козырек, отрапортовал, что во вверенной части все в полном порядке.

Вавилов, заметив его грустный вид, ободряюще сказал:

— Не унывайте, лейтенант. Теорию подучите, сдадите зачет — разрешим летать.

Под вечер на одной из улиц Занин узрел худощавую фигуру Черномырдина, который вразвалочку шел невесть куда, но, заметив своего летчика, нырнул в какой-то переулочек.

— Нашкодил, губошлеп, а на меня дуется, — подумал Занин. Собственно, их подвела погода, но, честно говоря, и сами подкачали.

...Прошла томительная неделя. Наконец штурман полка вызвал их и принял зачет по знанию района боевых действий. Оба провинившихся сидели рядом за столом, но ни словом друг с другом не обмолвились.

Опять в нарядах и безделии потянулись дни. Каждый вечер для ребят был пыткой. Странно было, что летают без них, без экипажа, который до сих пор хвалили и славили. Но факт был фактом. Пойти бы к командиру полка, поплакаться, попросить

милости. Так нет. Они ходили мрачней тучи, переживали, но упрашивать, кланяться не позволял характер.

И все же пришел их час. О них вспомнили, и вспомнили неспроста. Экипаж был известен снайперскими ударами, а тут как раз поступило важное задание. Посыльный передал им приказ явиться на командный пункт.

В просторной землянке за длинным деревянным столом уже сидели летчики, когда Занин и вслед за ним Черномырдин вошли туда.

— Садитесь, — махнул рукой командир полка и стал объяснять задачу. — Предстоит уничтожить мостик. По нему идет подвозка войск и боеприпасов к линии фронта. Днем туда летали «пешки» (самолеты Пе-2). Ничего не сумели сделать... Теперь вся надежда на нас. Мостик, — чиркнул командир ногтем по карте, — небольшой, четыре пролета. Цель точечная. Работа требуется изящная, ювелирная.

Майор пристально посмотрел на летчиков. В глазах у них поблескивала знакомая ему искорка нетерпения: скорей бы в полет!

— Мы все взвесили и решили: на задание первыми пойдут Занин с Черномырдиным. Ежели промахнутся, свое слово скажут другие. Будем бить по мосту до тех пор, пока не сотрем в порошок.

Занин понимал, что экипажу предоставлена возможность восстановить свое доброе имя. В штурмане своем он не сомневался. Он знал, что Василий умеет разить врага без промашки. Занин поднялся и сказал:

— Обещаю, мост уничтожим!

— Не хвастай. Цыплят по осени считают, — бросил кто-то ехидную реплику.

— А сейчас как раз осень, — парировал летчик.

...Аэродром. Первой поднимается в воздух машина Занина. Тяжело грузенный бомбами самолет берет заданный курс.

Небо темное, звездное. Покрытая синеватой дымкой, лежит безмолвная, настороженная земля. К линии фронта удалось с большим трудом набрать тысячу метров.

Черномырдин помалкивает, словно воды в рот набрал. На вопросы летчика отвечает односложно: «да», «нет». Он все еще дуется. «Сболтнул, что мостик будет наш, а моего мнения не спросил. Вдруг промажу?» — думал Василий.

Внизу спокойно, темно, ни огонька. С каждой минутой приближается цель. Вот показались серебряная полоска реки и сверкающие змейки рельсов.

Черномырдин оживился. Он громко кричит:

— Командир, видишь?

— Вижу. Захожу на цель с тыла, — услышал он твердый, металлический голос Занина.

Штурман улыбнулся. Он знал этот излюбленный прием летчика, уже много раз оправдавший себя. Обычно важные объекты враг прикрывает зенитками. Самолет обходит цель стороной, делает маневр и, сбавляя газ, бесшумно падает на «добычу».

— Васек, не промахь, — неожиданно ласково сказал Андрей.

И сразу вся обида на Занина лопнула как мыльный пузырь. Главное: бить и бить врага. Все остальное — ерунда, пустяки.

— Свое возьмем, командир, — отзывается Черномырдин, внимательно наблюдая за целью.

— Мост! — невольно вырвалось у Занина.

Ровный, как натянутая струна, сверкая сталью рельсов, он соединял темные берега.

Штурман беспокойно вертелся в кабине. В нем вспыхнул охотничий азарт. Безразличие с него сняло как рукой. Он крикнул летчику:

— Боевой курс! Влево! Еще влево! — Ждал минуты, когда придет пора сбросить бомбы... Вот прорезь прицела накрыла мост. Черномырдин дернул бомбосбрасыватели. Фугасные сотки, завывая, полетели вниз. Самолет вздрогнул и на полной скорости отпрянул в сторону. Все же взрывная волна швырнула машину как щепку.

Серебро реки, темно-зеленые кусты на ее берегу, силуэт моста — все окуталось огнем и дымом. Ослепляя, вспыхнули прожекторы. Заговорили зенитки. Все ближе и ближе к самолету подбирались облачка разрывов. Запахло гарью.

Занин действовал автоматически. Он заставлял самолет делать крены, вводил его от огня. Вдруг их резко потрянуло. В правой плоскости появилась большая дыра. «Неужто амба, отлетались?» — подумал Андрей. Но нет, машина слушалась его. «Уйдем, как десятки раз уходили», — успокаивал летчик себя.

Шесть прожекторов норовили схватить их в клещи. Осколки с визгом рвали обшивку крыльев. Занин круто бросил машину вниз и вывел ее из зоны обстрела. Он успел заметить, что на

том месте, где только что был мост, теперь торчали лишь его изуродованные обломки.

Самолет шел домой. Ровно гудел мотор. Занин достал носовой платок и высморкался. Невольно захотелось петь. Он затянул своим баритоном любимую: «И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет».

Прошло несколько мгновений, к нему присоединился густой бас штурмана. Они радовались, что живут на этой земле, что к ним снова пришла большая боевая удача.

На своем аэродроме, выбираясь из кабины, Занин посмотрел на часы. Полет продолжался около двух часов.

— Прихватили лишнего пятнадцать минут, — сказал он встречавшим.

— Ну, как там?

— Да как дома в шахматки играть, — ответил он, лукаво улыбаясь.

— Андрей, дай пять. Прости меня. Мы снова друзья, — сердечно сказал Черномырдин.

— Язви ты в душу! На! — протянул Занин штурману свою теплую широкую ладонь.

В РУБАШКЕ РОДИЛСЯ

С самого раннего детства Николаю Сибиряку необыкновенно везло. Рос он крепышом. Успешно закончил среднюю школу. Задумал стать летчиком. Без особого труда поступил в летное училище, отлично окончил его, получил назначение в полк скоростных бомбардировщиков на западную границу. Началась обычная воинская жизнь — интересные и трудные полеты, учебное бомбометание, теоретические занятия.

Вечерами летчики дружной гурьбой появлялись на танцах в городском клубе, в зеленом парке. Здесь-то стройный, молодеватый офицер и приглядел бойкую, жизнерадостную учительницу Марию. Женился на ней.

Безмятежно катились дни. Молодожены жили в белой хатке, утопающей в яблоневом саду. Ранними утрами, просыпаясь, Ни-

колай видел на столе пышный букет цветов. Это его женушка украшала комнату красивыми душистыми розами.

В свободное время они с Марией в большой компании выби- рались на речку. Ласково светило солнце. Они пели песни и танце- вали под патефон. На костре жарили шашлыки. Смеялись, дура- чились.

Николай всегда с большой радостью шел на аэродром. Там его ждал боевой самолет — сильная и грозная машина. На ней он поднимался в небо, заставлял ее послушно выполнять все его команды. Он верил в свою машину, был убежден, что она при необходимости будет крепко бить врага.

В городке начали ходить слухи о том, что немцы затевают что-то подозрительное, подтягивая свои войска к нашим грани- цам. Но никто не придавал этому серьезного значения. Ведь с ними был заключен пакт о ненападении.

В ночь на 22 июня полк совершал обычные полеты. Летчики к своему недоумению встречались в темном небе с какими-то неизвестными самолетами. Об этом докладывали командиру пол- ка, а он только пожимал плечами и ничего определенного не го- ворил.

В три часа после тренировок все собрались на завтрак в сто- ловой. Смеялись, шутили, собирались вечером податься на танцы. Вдруг зазвонил телефон. Командир полка Петров недовольно проворчал: «Вот кому-то не спится!» — снял трубку и, выслушав сообщение, быстро поднялся и хмуро объявил:

— Боевая тревога! Война!

Лица у всех посуровели, веселость как рукой сняло. Кину- лись к самолетам. У всех был один порыв — громить врага!

Самолет Сибиряка бомбил шоссе, по которому под прикрыти- ем истребителей двигались колонны фашистских танков и авто- машин с пехотой. По нему немцы открыли жуткий огонь. Один снаряд разорвался рядом и сразил насмерть штурмана Ивана Ханика.

Николай привел свой самолет на аэродром. В его лице ни кровинки. Под глаза легли темные тени.

— Проклятие Гитлеру! Буду крепко мстить за Ивана! — сжи- мая кулаки, говорил Сибиряк.

Полк скоростных бомбардировщиков дрался отчаянно, но враг имел огромное преимущество в силах и вскоре перемоло- тил его.

Николаю пришлось пересесть на маленький У-2. Если бы в мирное время Николаю сказали, что ему придется воевать на этом самолете, не поверил бы. Но это было фактом.

По-прежнему жаркие дни и ночи. Днем Николай летал на связь. С наступлением темноты — на бомбежку. Частенько попадал под огонь зениток, встречался с истребителями, но каждый раз удачно уходил от них. Судьба хранила его. Ему везет и везет. Недаром еще в детстве мама говорила, что он родился в рубашке. А по народным приметам выходило, что жить он будет долго и счастливо.

Рядом гибли товарищи. А Николая не брали ни пуля, ни бомба. В конце концов Сибиряк и сам уверовал, что он заговоренный, что его выручает из беды добрая примета. Правда, думал он, примета одно, но и сам не будь лопухом, держи ухо востро.

Как-то при бомбежке крупной железнодорожной станции Сибиряку крепко досталось. Один из наших экипажей, находящийся на высоте в тысячу метров, подвесил светящуюся бомбу. Самолет Сибиряка был значительно ниже и оказался прекрасно виден противнику. По нему зенитчики открыли убийственный огонь. Вокруг самолета рвались снаряды. Николай крикнул штурману: «Бросай бомбы!» И почувствовав, как вздрогнул самолет, освободившись от груза, заставил его неистово плясать. «Маневр, дорогуша, маневр!» — шептали губы летчика, а рука изо всех сил сжимала рукоятку.

Возможно, и не удалось бы Сибиряку уцелеть, если бы не выручили товарищи, подошедшие на бомбежку. Они обрушили огонь своих пулеметов на зенитчиков, заставив их замолчать.

Самолет, изрядно пострадавший, изрешеченный осколками снарядов, все же вернулся домой.

...Цветы, цветы! Николай любил их с детства. Мама, милая мама, каких только цветов не садила она в саду! Какими яркими букетами баловала его ненаглядная женушка! Своими сочными красками они радовали глаза, своими запахами пьянили и кружили голову. Весь мир казался прекрасным.

И вот сейчас в теплый солнечный вечер, неторопливо направляясь на аэродром со штурманом Степаном Кадесниковым по зеленой тропке среди желтеющего поля, Николай не удержался и набрал богатый букет полевых цветов.

Летчики незаметно добрались до опушки леса, где в чаще

были запрятаны У-2. Пышный букет Николай старательно прикрепил к приборной доске.

— Кыш, кыш, куда забралась! С нами опасно, — замахал он рукой на пчелу, которая притаилась в цветах. Она сердито зажужала и вспорхнула.

— Так-так. Цветочки, фантики-бантики, — иронически рассмеялся штурман. — Смотри, Никола, как бы над целью не пришлось их растерять.

— Не пугай старого воробья. Все обойдется, — с удовольствием прикивая к букету, ответил Сибиряк.

Он как всегда не сомневался в своей боевой удаче. Собственно, за плечами второй год войны, десятки боевых вылетов. Смерть ходит по пятам. И все же он живой, не огрубел, не потерял вкус к красивому и возвышенному. Пускай Степа подтрунивает над ним, а он как любил, так и любит цветы. Напоминают ему они о доме, о семье.

Белая хатка на Украине кажется ему далеким счастливым сном. Мария живет теперь на Урале у его матери. Шлет теплые, нежные письма.

Стемнело. Самолеты летели бомбить железнодорожный узел. Было известно, что он крепко прикрыт зенитками.

«Эх, утопист, мечтатель. Тебе бы только цветочки нюхать! Забыл, видно, куда летим. Башку свернуть могут запросто», — думает Кадесников.

Подходят к станции. Уже видно, как первые самолеты повесили над ней осветительные бомбы и начали атаку. На земле вспыхнуло багровое пламя. Выйти на эти факелы не составляло труда. Но вот по небу заметались слепящие лучи прожекторов. Стреляют зенитки, прошивая огненными нитями подходы к станции.

— Черт возьми, двенадцать прожекторов! Богато! Видать, лакомый кусочек берегут! — воскликнул штурман.

— Заходим с тылу. Готовься к бомбежке, — лаконично сказал Сибиряк.

И вот станция под ними. На путях воинские эшелоны. С высоты вагоны кажутся маленькими коробочками. Люди — игрушечными солдатиками.

Около самолета рвутся снаряды, распуская черные шлейфы дыма. Пляшут огненные шарики.

Небо Степану показалось совсем маленьким. Вроде и укрыть-

ся негде. Но Николай умело маневрировал, ускользал от вражеского огня.

Степан, прикрывая глаза ладонью, искал цель. И вот рывкнул:

— Боевой курс!

Самолет повис над станцией. Миг — и бомбы сброшены. Внизу вспыхнул огромный малиновый сноп. Летчик бросил самолет в крутое пики и вывел его почти над верхушками деревьев. Они вырвались из опасного огненного кольца.

Летели молча. Степан положил руку на борт кабины и, к своему удивлению, заметил, что рука дрожит. Сказывалось нервное напряжение.

Когда миновали передовую, Кадесников спросил:

— Николка, как наши цветочки? Не растрясло?

— Целы-целехоньки! Чудно пахнут, — отозвался Николай. Он потянулся к букету, который никакие виражи не сбили с приборной доски. Медовый запах успокаивал и пьянил.

...Большие хлопоты доставлял нам Орловский аэродром. Уж больно крепкий был орешек. Готовясь к летнему наступлению на Курской дуге, противник сосредоточил на нем большое количество самолетов. Установил десятки зенитных батарей и прожекторов. Полк часто бомбил аэродром, но он все же продолжал действовать.

В мае стало известно, что на Орел пригнали большую группу самолетов. Решено было нанести массированный удар по аэродрому. Дивизия «ночников» была приведена в боевую готовность. За счет уменьшения горючего бомбовую нагрузку на машины довели до четырехсот килограммов.

Перед вылетом комдив полковник Трушкин обратился к командиру 701-го авиаполка:

— Выделите надежного летчика. Он полетит первым, осветит цель, будет наблюдать работу, а затем сфотографирует результаты. С ним пойдет замштурмана армии.

Командир полка, не задумываясь, назвал фамилию Сибиряка. Про него в полку шутливо говорили, что он летает, как пляшет. А поплясать был он великий мастер.

Ночь выдалась темная. Перемигивались звезды. Летчик и штурман неторопливо подошли к самолету. Высокий подполковник, одетый в кожаную куртку, обратился к художавому, поджарому пилоту:

— Справишься, старший лейтенант?
— Не беспокойтесь. Справлюсь, — отчеканил Сибиряк.
— А почему маршрут не готовили?
— Да мы эту дорожку знаем как свои пять. Частенько ходим по ней.

Коренастый, пахнущий бензином техник Вахитов доложил летчику:

— Самолет к вылету готов.

Штурман стал подгонять парашют. Молодой моторист старательно подтягивал ему лямки. Летчику помогал надевать парашют Вахитов, и Николай чувствовал, как у Сагита дрожат руки.

— Ни пуха ни пера, командир! — грустно смотря в глаза Сибиряку, говорил техник.

— Сагит, не тревожься. Я вернусь. Ты ведь знаешь меня.

— Задание, командир, больно серьезное.

— Ну, ну, смотри веселей. Не порти настроение. Давай лучше закурим на дорожку.

Но Николай не успел выкурить папироску, взвилась зеленая ракета — сигнал к запуску. Летчик и штурман забрались в кабину.

Ночная тишина нарушается рокотом моторов. Сибиряк вырывается на старт. За ним цепочкой выстраиваются машины. По второй зеленой ракете начинается взлет. Летчик, сделав прощальный круг над аэродромом, уходит в ночь. Машина послушно набирает высоту. На высоте в тысячу метров они пересекают передовую.

Молчавший до сих пор подполковник Иванов спросил в переговорный аппарат:

— Как чувствуешь себя, старший лейтенант?

— У меня хорошее предчувствие, — уверенно ответил Сибиряк.

— Что ж, пусть оно сбудется. Набирай максимальную высоту. А вон за нами, помигивая АНО, идут наши, — сказал подполковник.

На высоте две тысячи метров экипаж подходил к цели. Ждали жаркой встречи. Но над аэродромом царило гробовое молчание.

Штурман сбросил светящуюся бомбу. Через километр зажег вторую. «Сабы», как яркие люстры, осветили местность. Подошедшие самолеты начали бомбежку. На земле появились ты-

сячи светлячков. Они то ослепительно вспыхивали, то угасали. Багровые языки пожаров осветили мрак. Слышались гулкие взрывы.

— Смотри, штурман, дают наши орлики! — показал рукой на пожары летчик.

— Метко бомбят ребята, — отозвался подполковник, затем недовольно буркнул: — А чего немцы молчат? Маскируются, что ли?

Прошло двадцать минут. Самолеты ушли. Не стало видно разрывов. Погасли осветительные бомбы.

— Ну, хватит болтаться в зоне. Прошу курс строго через аэродром, — ледяным голосом сказал штурман.

Летчик убрал газ и стал бесшумно планировать. Над целью он поставил самолет в горизонтальное положение. Штурман открыл шибер фотоаппарата и сбросил магниевые бомбы, освещая землю.

И тут она оцетинилась огненными трассами. Засверкали прожекторы. Артиллерия открыла ураганный огонь. Снаряды рвались около плоскостей. Даже не стало слышно рокота своего мотора.

— Мама моя! — воскликнул Сибиряк и тут же прикусил губу. Он понимал, что ему нельзя терять самообладания. Чего доброго, представитель армии еще подумает, что он струсил. Летчик дал полный газ и бросил машину в пике. Да так резко, что зазвенело в ушах. Но прожекторы по-прежнему не выпускали самолет. Сибиряк яростно работал рулями. Самолет выделял самые фантастические фигуры.

Видать, штурман был смелым. Он внимательно смотрел за огнем противника и кричал:

— Огонь справа!

Летчик бросал машину в сторону, и вся серия трассирующих пуль проходила мимо.

— Огонь слева! — предупреждал штурман, и самолет делал новый рывок.

Николаю стало душно. Он расстегнул ворот гимнастерки. От яркого света прожекторов захотелось зажмуриться, но этого делать было нельзя. Он уперся взглядом в приборы, слушал указания штурмана, точно выполнял его команды. Наконец они вырвались из зоны огня. Окунулись в крошечную тьму. Николай вытер пот, катившийся по лицу, и облегченно вздохнул. Посмотрел

рел на высотомер и показатель скорости. Они летели на высоте всего сто метров. Скорость была максимальной.

В это время штурман предупредил:

— Командир, пилотируй плавно. Не сбили зенитки, так самолет развалится от твоих рук. Видишь, как вибрирует.

— Ничего. Все в ажуре. Самолет испытанный, не подведет. Сейчас полезем вверх, там безопасней.

Минули передний край. Летчик повел машину на снижение.

— Зачем? — спросил штурман.

— Мы же дома. Большая высота ни к чему. Как самочувствие?

— Все нормально. Но, откровенно говоря, не думал, что можно выбраться из такого ада. Первый раз на У-2. И убедился, что машина золотая, а вы ребята славные, честно ходите на цель.

Вскоре самолет, сделав восьмерку, сел на своем аэродроме. Летчик зарулил на стоянку, выключил мотор. Первым, не спеша, вылез из кабины штурман. Николай с трудом оторвался от сидения. Потянулся, почувствовал, как прилипла к телу мокрая рубашка. Штурман уже стоял у самолета и курил. Молча закурил и Николай. К нему подбежал техник Вахитов. Он обнял летчика, взволнованно повторяя:

— Ох, командир, командир!

В это время штурман ощупывал фюзеляж, хвостовое оперение, крылья машины.

— Ничего не понимаю. Побывали в таком огне — и ни одной пробоины. Ну, спасибо, старший лейтенант!

К самолету подошли командир дивизии и командир полка.

— Поздравляю. Задание дивизия выполнила, — сказал Иванов, пожимая им руки. — Ваши основательно поработали. Утром, думаю, это подтвердит пленка.

У землянки командного пункта Сибиряка радостно встретили дружки:

— Неуловимый Ян! Выбрался из такой катавасии!

Оказывается, они видели, в какой крутой переплет попала машина Сибиряка, и решили, что конец Михайлычу, собьют наверняка. Уж больно крепко за него взялись. На аэродроме летчики доложили, что самолет Николая прожекторами был доведен до земли и там, наверное, разбился.

Но и на этот раз рано было его хоронить, должно быть, выручила счастливая рубашка.

— Мамка, наверное, ошиблась. Не в одной рубашке я родился, а сразу в двух, — усмехнулся Николай.

Еще немало испытаний выпадало на долю Сибиряка, но его спасали хладнокровие и большое летное мастерство.

ЛЕТАТЬ, ВСЕГДА ЛЕТАТЬ

На улице шел нудный дождь. В общежитии четверо летчиков сидели за столом и забивали «козла». Среди них выделялся грузный мужчина в синей гимнастерке с золотистой птицей на рукаве — лейтенант Виниченко, недавно прибывший в полк.

Лицо его было хмуро. Играл он без особого азарта. Мы знали причину скверного настроения. Он уже полмесяца томился без дела: не было свободной «лошадки». А он-то рвался в боевой полет.

До прибытия в наш полк Виниченко был «воздушным извозчиком»; возил снабженческое начальство, за передовую заглядывать не приходилось. Но жизнь эта ему была не по вкусу. Скандалил, просился воевать. Так и попал к нам.

А тут заковыка. Жди, когда пригонят новые самолеты.

— А что, Андрей Макарович, — почтительно обратился к нему молодой летчик Павел Банных, — есть ведь у нас одна «лошадка». Да только никто на ней летать не решается. Зверь страшный. Барахлит почем зря. Стоит, пылится. Может, проветришь?

Андрей обрадовался. Почему бы не проветрить!

— Только вряд ли командир полка даст тебе эту машину, — охладил его пыл Банных. — Не будет летчиком рисковать.

Но Виниченко было не остановить.

— Бояться за меня нечего. Летать умею. Пойду до командира. Виниченко застал командира полка в штабе и, поприветствовав, высказал свою просьбу.

— Самолет крепко потрепан. Надоела тебе голова? — спросил Изосимов.

— Ничего со мной не случится, не хочу баклуши бить. Готов летать хоть на кочерге, — настаивал Виниченко.

Майор полистал летную книжку лейтенанта. По ней было

видно, что летчик он опытный. До войны работал в училище инструктором.

— Что ж, рискнем, — медленно сказал Изосимов. — Знакомься с машиной.

...Пришла темная ночь. Поступило задание бомбить железнодорожную станцию. Напарником к Виниченко определили штурмана Александра Усова.

— Дернуло тебя протиснуть эту старую посудину, — ворчал он, — что мы, рыжие, что ли!

— Укротим зверюгу! Хватит ему бездельничать, — усмехнулся Андрей Макарович.

Летчик порулил на взлет, дал полный газ. О ужас! Виниченко еле-еле, лишь в конце аэродрома, сумел оторвать машину от земли. Самолет, что называется, со скрипом набирал высоту. Пролетели десять... пятнадцать километров, а высота — всего триста метров. Силенок у мотора явно недостаточно.

Виниченко опробовал сектор газа, ручку управления, педали. Рычаги управления от тряски не держались в нужном положении. Ручка ходила ходуном. Левая рука пилота то и дело скользила по рукояткам, как по клавишам. Выходит, правду сказал техник, что это не машина, а «старый рояль».

Дул сильный боковой ветер, и самолет летел вперед не мотором, а левым боком, натруженно пробивая себе путь.

«Заварил кашу, теперь расхлебывай! Ничего. Как-нибудь справлюсь», — успокаивал себя Андрей Макарович.

— Командир, что рукояткой болтаешь? Все колени мне потбивал! — прокричал в переговорный аппарат штурман.

— Это «рояль» танцует, — отозвался Виниченко.

— Скоро передовая, а где высота? — заволновался штурман.

Стали в круг и, сделав вираж, набрали высоту всего лишь в шестьсот метров. Кое-как доползли до цели. Но тут вспыхнули прожектора. Режущие лучи скользнули по машине. Засверкали трассы очередей крупнокалиберных пулеметов. Самолет неохотно отвернул в сторону.

Штурман крикнул:

— Боевой курс!

Виниченко поставил самолет на боевой курс. Усов сбросил бомбы. Внизу полыхнули два огненных зарева. Это загорелись склады. Взрывной волной швырнуло самолет. Мотор словно застонал, завыл. Того и гляди он испустит дух.

Возвращались домой на всех парах. Попутный боковой ветер добавлял скорости, но все равно к аэродрому прибыли, просрочив время. Посадка, как и взлет, тоже оказалась нелегкой. Приземлились с большим «плюхом» в самом конце аэродрома.

Вылезая из кабины, Виниченко облизал губы и вытер пот со лба. На КП доложил командиру полка, что боевое задание выполнено.

— Ну, как истребитель? — шутливо спросил Изосимов.

— Еще тот! — в тон ему ответил Виниченко.

Целый месяц летал Андрей Макарович на этом «старом роэале», приноравливаясь к его выходкам и причудам, пока не были получены новые самолеты.

...Мне много раз приходилось летать с Андреем. Ничего не скажешь, был он мастер высокого класса. Дух захватывало, когда он выделял свои артистические номера. Казалось, вот-вот врежемся в бугор, в сосны, в дома. Ничего подобного. Рука у него была опытная, твердая, глаз соколиный.

Ну а уж о его смелости и отваге нечего и говорить! Однажды мы с Андреем Макаровичем летели в штаб дивизии. День был ясный, синий. Ярко светило солнце.

Виниченко вел машину бреющим. Гнулса от ветра кустарник, шевелилась трава. Пока все шло благополучно. Но вот перед нами показалась полоса леса. Пришлось подняться на большую высоту.

Тут-то Виниченко и вскрикнул:

— Черт возьми, «мессеры»!

В голубом небе показались черные самолеты. Они повернули в нашу сторону. Куда податься? Где спасение?

Лес кончился. Перед нами открылось село с серыми хатками. На окраине его на зеленой полянке белела церквушка.

— Не волнуйся, Иван. Живы будем — не помрем! — кричит мне Андрей и с ходу сажает самолет на полянку у церкви.

Оставляем мотор на малом газу, а сами что есть силы бежим к церкви, укрываемся за каменным парапетом. «Мессеры» заходят в атаку, бьют из пулеметов. Летят комья земли, крошится на стене штукатурка. Но фрицы торопятся и мажут. Пронесются мимо.

Выглядываем из-за укрытия и видим, что разбойники поворачивают на второй заход. Виниченко, не говоря ни слова, бросается к самолету и рулит по земле на другую сторону ограды.

«Мессеры», сердито воя, пролетают над прежним местом. Но там самолета нет, и происходит чудо. Вражеские машины поднимаются в небо и уходят. Просто не верится. Вероятно, у них на это была своя причина.

— Пронесло, Андриуха, — говорю я, облегченно вздыхая. — А чего ты рисковал с этой передвижкой? Ведь могли запросто подстрелить.

— Самолет жалко стало. Сожгут, ходи опять безлошадником, — отвечал Виниченко.

...Любое поручение Андрей всегда выполнял безупречно. Если требовалось кого послать на особо рискованное задание, выбор командира полка обычно падал на него.

Виниченко неторопливо шел на аэродром, седлал свою «лошадку» и отправлялся в путь. Вернувшись, докладывал, что дело «зроблено». В общежитии брал свою неизменную подругу-гитару и тихонько баском напевал: «Взял бы я бандуру, ... через ту бандуру бандуристом став».

И на этот раз командир полка поставил перед ним сложную задачу:

— Выйдешь на Солнцево. Вызовешь огонь на себя, а в это время наши самолеты прорвутся к вражескому аэродрому.

Пахло дикими травами. Где-то в леске заливались курские соловьи. Но слушать их было некогда. Экипаж уходил на задание. В штурманской кабине — Василий Малеваный, тоже человек бывалый. До нас белобрысый лейтенант летал на «пешках». Его трижды сбивали, а он по-прежнему не унывал и, улыбаясь, говорил: «Мы не на смерть, на жизнь идем, и в огне не горим, и в воде не тонем!»

Самолет Виниченко подобрался к вражескому аэродрому с тыла.

— Сейчас дадим вам побудку, — произнес летчик и включил бортовые огни и фару, чтобы видней его было с земли, затем выпустил на летное поле ракетные снаряды. Штурман ударил фугасками по самолетам, укрытым в стоянках.

Вмиг оживило вражеское гнездо. Вспыхнули прожекторы. Заговорили зенитки. Андрей, словно играя, бросал машину в самые невероятные виражи, дразнил неприятеля.

В это время самолеты полка спокойно подобрались к аэродрому и начали бомбежку. Андрею можно было уходить во-

свои. Но в самый последний момент снаряд «эрликона» поджег их. Малеваный пробовал гасить пламя курткой, это не помогало.

— Андрей, прыгаем! — крикнул штурман, выбираясь на плоскость пылающего самолета. До линии фронта было еще далеко, а огненные языки пламени охватили всю машину.

Вскоре в темно-синем небе раскрылись белые купола парашютов.

Прыгать с парашютом Виниченко приходилось не раз. Не успел он выбрать место для приземления, как уже больно стукнулся ногами о землю. Быстро отцепил парашют. Встал в полный рост. В мгlistом рассвете расстиралось большое поле желтеющей ржи.

Андрей знал, что приземлился на вражеской территории. Он принялся кинжалом рыть яму, в которую торопливо запрятал парашют, засыпал его землей. Пригнувшись, раздвигая мокрую рожь, Виниченко стал пробираться в сторону, где, по его предположению, находился Малеваный.

Светало. На востоке, таком родном и таком далеком теперь, всходило солнце. Где-то разгорался бой. Все сильней рокотала канонада. Оставаться в поле было опасно. Андрей стал пробираться к лесу. Едва скрылся за стволами деревьев, как увидел на опушке, в каких-нибудь ста метрах от себя, автоматчиков в серо-зеленых мундирах. Они прочесывали рожь. Андрей сумел вовремя уйти оттуда.

А что, если там Малеваный? Злоба закипела в нем. Рывком вынул пистолет из кобуры и лишь большим усилием воли удержал себя от желания выстрелить по автоматчикам. Что он может сделать со своим пистолетиком!

В густом ельнике был полумрак. Виниченко нагреб себе большую кучу прошлогодних листьев и укрылся в ней. Хотелось есть. Пошарил в кармане, нашел пару сухарей. Пожевал четвертинку сухаря. Большой роскоши он не мог себе позволить. Кто его знает, сколько придется бродить по лесам?

На душе было тревожно. Но все же усталость сморила его, и он уснул. Когда проснулся, сел и недоуменно огляделся, с трудом припоминая случившееся.

До темноты трогаться было опасно. Дождался сумерек. Погрыз кусочек сухаря и осторожно пошел лесом на звуки передовой. Ему было известно, что еще вчера наши прорвали обо-

рону немцев, и теперь устойчивой линии фронта не было. Значит, можно найти участок, где удастся проскочить к своим.

Сумрак сгушался. Неожиданно до Андрея донеслись громкие звуки немецкой речи. Сквозь стволы деревьев на полянке, освещенной костром, виднелись человеческие фигуры. В кустах неподвижно застыли два танка.

Стараясь не наступать на сухой валежник, Андрей двинулся в обход немцев. Всю ночь бродил он по лесу. А наутро, выбившись из сил, снова спрятался в гуще леса. С наступлением темноты опять стал пробираться на восток.

Третий день измученный и голодный Андрей упорно двигался к передовой. Вот он дополз до пустых траншей и окопов. В них находились груды трупов. Несло мертвечиной, зло кусались мухи. Шла артиллерийская перестрелка. Небо гудело от самолетов. Где-то близко ухали бомбы.

Вероятно, наши войска были совсем недалеко. Лишь ночью Андрей дополз до проволочных заграждений, кинжалом срезал проволоку, удачно миновал минное поле и натолкнулся на свой дозор.

Солнечным утром в полуразрушенную деревеньку, где размещался наш полк, еле передвигая ноги, пришел запыленный, измазанный грязью, осунувшийся и бородатый Виниченко. Прямо на улице его обнимали и тискали.

— Жив, Андрюха! — радовались мы.

— Здоровеньки булы, хлопцы, явился с того света, — хрипло отвечал он.

А на другой день появился Василий Малеваный. Первым к нему навстречу бросился Виниченко.

— Трошки задержался. Да стоит ли обо мне беспокоиться. Мы в огне не горим и в воде не тонем! — улыбался Василий.

...Трудные фронтовые дни и ночи. Их немало выпало на долю Андрея Виниченко.

Кончилась война. Знаю я: Андрей Макарович после нее еще послужил в Прибалтике, на Дальнем Востоке, Сахалине, Курилах. Летал на реактивных самолетах. Вышел в запас в звании капитана. Грудь его украшало созвездие орденов и медалей.

Умер он не в воздушном бою. Подвело сердце.

ПЕСНЯ, «МЕССЕР» И ЯБЛОКИ

Говорят, танцуют от печки. С нее и начну. Приближалась зима. Она загнала нас в подвал разрушенного винного завода. Оборудовали нары. Разместились терпимо. Одна беда — холодно, печки нет.

Командир полка Изосимов построил нас и спрашивает:

— Кто печки умеет класть?

Все молча, лишь летчик Василий Савинский со своим штурманом Василием Балюком шепчутся.

— Что секретничаете? — спрашивает майор.

Савинский поднимает руку:

— Могу печь сложить.

— Выйди из строя, — приказывает Изосимов.

Широкогрудый сержант с веселыми карими глазами вышел и говорит:

— Бачил я, как это делается. Попробую, авось получится.

— Не авось, а должно получиться, — строго говорит майор, — сколько тебе подручных?

— Пятерых. Трех кирпичи таскать, двух чимур делать, еще Балюка в помощники.

— Быть по-твоему, — решает майор.

...Трое суток ставил Савинский со своей командой печь. Чумазые как черти ребята азартно возились с кирпичами, то складывали, то разбирали. Бегали копать мерзлую глину и разводили раствор. Около двух тысяч кирпичей убухали на печь. Огромной глыбой вздымалась она в правом углу подвала. Бросили в нее охапку березовых поленьев, что штабелями лежали во дворе. Заполыхало пламя, загудела печь. Тяга здоровенная. Кто-то поднес к дверце пилотку, и она мигом упорхнула в огонь.

В общежитии потеплело. Запахло жилым. Нашлись любители поспать на печке. Шестеро умещалось на ней. Да еще оставалось место посушить портянки, унты.

Сержанты Савинский и Балюк оказались не только искусными мастеровыми, но и певцами, каких поискать. Работая без усталости, они без усталости пели одну песню краше другой. Лилась раздольная песня о широком Днепре. Ее сменяли веселая «Распрягайте, хлопцы, кони», грустная «Где ты бродишь, моя доля?»

Большим удовольствием было слушать их песни.

— Артисты, просто артисты! — восторгался заядлый театрал доктор Максим Максимович.

Слух о певцах дошел до командира полка. Изосимов, строгий и суровый на вид, имел нежное сердце и, как все добрые люди, любил песни. Как-то он выбрал время и заглянул в общежитие.

— Где тут наши соловушки? Покажите-ка свои таланты!

Все, кто были в помещении, собрались в кружок, в центре которого оказались художавый с каштановыми кудрями украинец Василий Савинский и круглый, румяный как яблоко, кубанский казак Василий Балюк.

— Даешь, хлопцы, арию из «Наталки Полтавки», — запросили знатоки их репертуара.

И полилась чарующая песня:

Солнце низенько, вечер близенько,
Спешу до тебе, лечу до тебе, мое серденько!

Вслед за ней «солисты» поют арию Андрея из оперы «Запорожец за Дунаем».

«Смерть одна разлучит нас...» — проникновенно выводят их голоса. В глазах у многих слезы.

Песня тронула и командира.

— А ну, хлопчики, повторите. Больно хороша, — просит Изосимов.

Все мы, словно в театре, громко хлопаем в ладоши и кричим «бис»!

Пришлось ребятам снова петь арию Андрея.

А затем посыпались заявки.

— Василя, запевайте «Галю молодая»!

И вот звучит песня про Галю. Ее поет хором.

Одну песню сменяет другая, третья. И видится нам не невзрачный каменный подвал, не серое военное небо, а солнечная голубая Украина, ее белые хатки, садочки в вишневом и яблоневом цвету, нарядные парубки и девочки, которые водят хоро-воды, танцуют, смеются.

— Молодцы. Славно поете. Вам бы не в бой ходить, а выступать на сцене, — говорит, уходя, Изосимов.

После этого о наших Василях пошла слава. На торжествах, в праздники они выступали со сбитых наскоро деревянных подмостков, с кузовов грузовых машин. В простые дни пели где только можно. Шли ли пешком на аэродром или ехали в авто-

бусе, всегда первыми затягивали песню. Савинский мечтал после войны стать профессиональным певцом.

Ну, а на фронте пели ребята, как говорится, по велению души. Главное их дело сейчас — бить врага. И воевали они, надо сказать, хорошо. Правда, не сразу далось им летное мастерство. Однажды случилась с ними большая неприятность, можно даже сказать, конфуз. Летели они в сложных метеоусловиях. На высоте тысячу метров влезли в грозовую полосу. Машину завертело, закрутило. Где земля, где небо — ничего не разберешь. Пришлось прыгать с парашютом. Влетело ребятам за самолет по первое число.

Но это все в прошлом. Теперь у них за плечами ни много ни мало по три сотни боевых вылетов.

Как-то в одну из ночей бомбили крупную станцию. Успешно слетали пять раз, напросились на шестой. Но утро пришло быстрее, чем они рассчитывали. На передовой уже светало. Внизу ясно виднелись немецкие траншеи.

— Ударим по ним с ходу и быстро назад, — предложил Савинский.

Балюк согласился.

Самолет появился над вражескими окопами, которые слегка прикрывала белая дымка. Немцы пока не открывали огонь, выжидали.

— Доверни чуток влево, — скомандовал штурман, — так, хорошо.

Бомбы рванулись вниз. На земле — снопы взрывов.

В ответ — ураганный огонь. Совсем близко разорвался снаряд. Осколками прорвало правую плоскость. Спасение, как всегда, в умелом маневре. Савинский бросал самолет из стороны в сторону, скользил вниз. Громко ахнул второй снаряд, пробил лонжерон и на миг оглушил летчика. Но он не выпустил ручку, прямо тянул самолет на свою сторону.

На высоте триста метров пересекли передовую. По ним никто не стрелял, и ребята облегченно вздохнули. Но, оказывается, радоваться еще было рано.

Неожиданно штурман рявкнул:

— Ивась, справа «месс»!

В каких-нибудь пятистах метрах от них летчик увидел двухкилевой с ромбовидными крыльями «Ме-110». Из огня да в полымя! Огненная трасса, которую выпустил фашист, пронеслась

рядом. Летчик бросал самолет то вправо, то влево. Вот и лес. Они летели бреющим, чуть не задевая верхушки сосен. Теперь камуфлированный У-2 было трудно разглядеть с высоты, и «мессер» потерял его. Да и наши зенитчики пришли на помощь, открыв по врагу огонь. И он, опасаясь быть сбитым, взмыл в небо.

Летят ребята и ликуют. Рады, что легко отделались. Захотелось петь и смеяться. И они дуэтом запели арию из «Наталки Полтавки». Их тенора выводили нежно:

Солнце низенько, вечер близенько,
Спешу до тебе, лечу до тебе, мое серденько.

Небо заиграло синевой. Заалело солнце. Внизу безлюдные деревни. Жители ушли на восток. Зеленеют сады.

И тут летчики превратились в озорных мальчишек.

— Василь, глянь, сколько в садах яблок. Пропадают задарма. Нарвать бы, — говорит Балюк.

— А что? И нарвем, — соглашается летчик.

Он сажает самолет прямо на дорогу посреди пустынной деревни. Идут по росной траве в пахнущий медовыми запахами сад. Срывают самые крупные, душистые яблоки. Набивают ими карманы.

Дома их встречают с тревогой.

— Что задержались? Как слетали? — спрашивает командир полка.

— Бомбили передовую. Да под обстрел попали. Встретились с «мессером». Еле ушли, — докладывает Савинский.

Командир полка благодарит их за отличную службу. Ребята, улыбаясь, идут в столовую. Да, а про яблоки никому, кроме своего техника, ни звука.

БЕЛАЯ РАКЕТА

Летали на бомбежку немецкого аэродрома. Застрел он у всех нас, что называется, в печенках. Его крепко охраняли. Чуть что, вражеские зенитчики не жалели огня.

А тут, как на грех, еще ночка выдалась непутевая, облака шли высоко. Луны не было, но откуда-то излучался тусклый, предательский свет.

Только что с задания вернулся Занин. Самолет его бухнулся у самого «Т», бороздя землю, поднимая столбы пыли, развернулся вокруг своей оси и прилег на разлохмаченное крыло. Летчик вылез из кабины, процедил сквозь зубы: «Ох, жарко! Понаставили там новых зениток!»

Было ясно, что враг основательно встревожен, и рассчитывать на легкую победу не приходилось.

Свою очередь на взлет ждал экипаж «гуси-лебеди», как в шутку прозвали ребят остряки. А все из-за того, что фамилия летчика была Лебедев, а штурмана Гусев. Сначала парни отбивались от этих кличек, но они прилипли к ним как репей.

Миша Лебедев втолковывал шутникам:

— Лебедь — птица наиважнейшая, королевская, а гуси, к вашему сведению, Рим спасли. Памятник им воздвигнут. Куда вам, утятам, против нас!

Ребята стояли у самолета, безмятежно попыхивали папиросами, перекидывались ничего не значащими словами. На лицах не было ни тревоги, ни беспокойства. Чувствовали себя уверенно, бодро. Рассчитывали на свое умение и мастерство.

Говорят, военная служба любит веселый нрав. Им наши парни не были обижены. Характерами вполне сошлись. На войне случались передышки. Такое время летчики не упускали, спешили посмеяться, поплясать, попеть. Летом где-нибудь на лужайке, зимой в каком-нибудь сараюшке закатывались «балды». Баянист развертывал гармонь, и ребята показывали свои таланты. И тут без Миши Лебедева и Павлика Гусева не обходилось. Плясуны первоклассные!

Пошел второй год, как их определили в один экипаж. За это время довелось им побывать во всяческих переделках. И «мессеры» гонялись за ними, и зенитки охотились, но дружки не дают маху. Они летают, как и пляшут, превосходно...

Вспыхивает зеленая ракета. Друзья забираются в кабины. Тяжелогруженный самолет, разогнавшись, нехотя отрывается от земли и уходит в серую ночь.

Миша Лебедев, как обычно, мурлычет себе под нос какую-то песенку. Он то и дело нагибается к приборной доске, освещенной скупыми огнями, и внимательно следит за режимом полета.

В ответе огней можно различить его красивое лицо, покрытое нежной розоватой кожицей. Не так давно его самолет был подбит, загорелся. Парня обожгло, но все же он успел спастись, выпрыгнув на парашюте. Осталась вот пометка. Этого бы не случилось, если бы он выпрыгнул из самолета вместе с Гусевым. Но как командир Лебедев последним покинул машину.

Несмотря на превратности судьбы, Миша — заядлый оптимист. В его лексиконе нет слов о смерти. «Я горел, не сгорел. Буду долго жить. Выберусь из войны целый и невредимый», — уверяет он хлопцев, ероша свои фасонистые русые бачки под «испанца».

У Миши энергии и лихости хоть отбавляй. Как-то доставлял он в штаб командующего армией генерала Науменко и выкинул фортель. Без техника завел винт, поставив его на компрессию, и на сделанное замечание генерала бросил фразу, ставшую в полку крылатой: «Мы, товарищ генерал, ждем на гвардейское».

Штурман Павел Гусев, как и летчик, прилежно и строго исполняет свои обязанности, наблюдает за землей и небом, за показаниями приборов. Правда, маршрут этот ему хорошо знаком. Приходилось сюда летать. Но мало ли что может приключиться. Надо быть готовым к любой случайности, быть всегда начеку. Так не раз они умело уходили от ночных истребителей, от неожиданного зенитного огня.

Гусев под стать своему летчику. Тоже не из трусливых, живой, поворотливый и горячий.

— Маленький я (это о росте). Меня не скоро ухлопаешь, а фрицу я еще подсыплю сольцы! — смеется Павлик.

На высоте тысяча метров самолет проходит линию фронта. Внизу редкие артиллерийские вспышки и светящиеся нити трассирующих пуль. Но что это? Павел заметил, что под ними какой-то самолет летит удивительно низко и время от времени дает белые ракеты. Странно, что немцы по нему не стреляют и не загибают прожекторов.

— Ишь ты, — смекнул Павел, — не иначе это немецкая «пташка». Белой ракетой сигнализирует: «Я свой».

Время идет. Они приближаются к цели. Над аэродромом в ярких лучах прожекторов мечется миниатюрный, как бы игрушечный, самолетик. Так хочется, чтобы он вырвался из жуткого огненного плена, а не вспыхнул бы багровым пламенем. Вот он отвалил в сторону, исчез.

«Ушел, друг! Вот хорошо-то!» — обрадовался Гусев.

Прожекторы внезапно погасли. Небо посерело. Где-то в пролетах между пепельными тучами виднелись холодные, ко всему безучастные звезды.

— Наш черед. Атакуем! — крикнул в переговорный аппарат Лебедев и, выключив мотор, начал планировать на цель. Но рассчитал не совсем точно. Пришлось включить зажигание. Мотор застрекотал.

Мигом вспыхнули прожекторы и стали судорожно шарить по небу. Шесть лучей жадно впились в самолет. Огненные нити снарядов потянулись к ним. В какую-то долю секунды Лебедев соображал, куда бросить самолет, как уйти в безопасное место. Грузенная бомбами машина повиновалась с трудом.

Павел вспомнил передовую, сигналы немецкого самолета.

— Миша, попробуем заморочить фрицам головы! — воскликнул он, схватил ракетницу, зарядил ее белой ракетой и выстрелил.

Сигнал сработал. Погасли прожекторы. Замолчали зенитки. Вероятно, фашисты посчитали, что это их машина. У них были схожие самолеты, были и захваченные наши У-2.

Сразу стало темно и очень тихо. Самолет дерзко кружил над аэродромом. Гусев заметил капониры с запрятанными в них «юнкерсами». Миг — и бомбы полетели туда. Внизу раздалась взрывы, запрыгали яркие языки огня.

— Браво, «гуси-лебеди»! — воскликнул летчик.

Пользуясь внезапностью, они отвалили в сторону и скрылись в спокойном ночном небе.

ТАЛИСМАН

Сурен Левонич Саркисов — в полку фигура необычная. Все мы безусые стройные парни. И вдруг появляется у нас лысеющий мужчина с заметным брюшком. Когда-то давно он окончил летную школу и вот теперь вновь воспыал желанием служить в авиации.

Командир эскадрильи Цибулевский поморщился (свалилось чадушко на мою голову!), но делать нечего. Пришлось ему заняться Саркисовым. То ли взаправду тот совсем разучился летать, то ли, наслушавшись страшных военных баек, заробел, только был в воздухе утюг утюгом. Попотел с ним основательно Цибулевский, пока довел «до кондиции».

— Ну вот, довольно тебе, Сурен, впустую изводить бензин. Завтра полетишь на боевое задание, — сказал он однажды.

Саркисов вздрогнул, побледнел, заикаясь, произнес:

— Не созрел я, командир. Собыют. Повременить бы. Душа не на месте.

— Никаких отсрочек. Ты вполне готов к боевой работе. Полетишь с Лозовым — штурманом эскадрильи, опытным парнем.

...Несладко пришлось Саркисову в первый вылет. Вражеские прожекторы ловили самолет, слепили глаза. В кабине стало светло, хоть иголки собирай. Совсем рядом разрывались снаряды, осколки, как казалось ему, противно «квакали».

— Сурен, не суетись. Возьми себя в руки. Отворачивай, куда укажу, — услышал он совершенно спокойный голос штурмана.

«Да что я, тряпка, что ли?» — с досадой подумал Саркисов. Он собрал всю волю в кулак, подавил волнение. Стал уверенно управлять самолетом.

Неожиданно машина вздрогнула. Сурен догадался, что Лозовой сбросил бомбы. Он почувствовал прикосновение к своему плечу, обернулся и увидел довольное лицо штурмана и его руку, показывающую вниз. На железнодорожных путях полыхал в огне товарный состав. Маленькие вагончики подпрыгивали и валялись под откос.

На своем аэродроме Сурен с трудом выбрался из кабины. Ноги подгибались. Рубашка на спине взмокла и прилипла к телу. Хотелось броситься на землю и долго лежать на траве. Однако он пересилил себя и медленно зашагал на командный пункт. Взяв под козырек, доложил командиру полка о выполнении задания.

— Поздравляю с удачным зачином, — тепло сказал майор Изосимов, крепко пожимая ему руку, и участливо спросил: — Как самочувствие?

Оттого, что суровый на вид командир полка отнесся к нему ласково, по-дружески, Саркисов забыл про свою усталость; переживания и бодро ответил:

— Настроение, товарищ майор, боевое. Только весь мокрый как мышка. Сто потов сошло.

— Ничего, поначалу бывает, — улыбнулся Изосимов.

...После этого полета Саркисов почувствовал себя летчиком. Он сумел выбраться из огня. Значит, может водить боевую машину, может бить фашистов!

Сурену дали постоянного штурмана — рыжего, веснушчатого паренька Сергея Михеева, летавшего с первых дней войны.

— Милый Серго-джан, за тобой я буду как за каменной стеной. Надеюсь на тебя, — говорил при знакомстве своим тоненьким голоском Саркисов, сверкая белыми зубами.

Михеев отмалчивался. Он не разуверял Сурена, но и не давал никаких авансов.

Саркисова словно подменили. Он сам стал напрашиваться на задания, а когда ему отказывали, огорчался и говорил комэску:

— Понимаешь, командир, орден хочу заслужить. Пусть дома узнают, что я тоже воюю. Стыдно будет после войны без наград возвращаться.

В свободное время Саркисова можно было видеть в общезитии с домрой в руках. Тихо напевал он кавказские песни. Была в них мечта о мирной жизни. Славилы они солнечный край.

Особенно часто Саркисов пел грустную песню про Сулико. Все с удовольствием слушали, как он, полузакрыв глаза, перебирая струны, проникновенно выводил:

Долго я томился и страдал,
Где же ты, моя Сулико?

— Сурен Левонич, — окликал его штурман Михеев, — боишься смерти? Что тоску наводишь!

— Нэт, дорогой Серго-джан, не боюсь. Но я жажду жить.

Саркисов хорошо знал цену жизни. Будучи до войны инженером по разведке нефти, он изъездил, избородил всю страну с севера на юг. Получал большие деньги, жил с кавказским размахом и щедростью. И вот война — все полетело кувырком. Но Сурен был уверен: закончится война, и жизнь войдет в прежнее русло. А для этого надо хорошо воевать.

Было в привычке у Саркисова заниматься зарядкой. В любую погоду утром в одних трусах выскакивал он на улицу, делал пробежку, несколько упражнений, обливался холодной водой, обтирался снегом.

Сергея Михеев иногда подтрунивал:

— Что, Сурен Левонич, бережешь здоровье? Двести лет жить собираешься!

— Нет, дорогой. Просто с детства к этому приучен, и тебе советую заняться, — чистосердечно говорил Саркисов.

— Легко тебе прыгать на морозе. Весь в шерсти, как медведь! — смеялся поджарый Михеев.

— Попрыгай, дорогой. И у тебя отрастет.

Был ли Саркисов суеверен? Наверное.

На фронте многие верили кто во что горазд. Один считал, что его от смерти спасает борода и холил ее, месяцами не брился. Другой надеялся на ладанку, которую при прощании надела ему на шею мать. Сурен же после первого вылета уверовал, что его спасла от пуль старенькая гимнастерка, которая была на нем. Именно она принесла ему удачу и стала его талисманом.

С тех пор, отправляясь на задание, Саркисов всегда надевал свою застиранную, выдавшую виды гимнастерку. В ней он чувствовал себя как в стальной кольчуге.

Ребята заприметили эту его странность. Обычно перед вылетом Сурен задерживался в общезитии, чтобы надеть на себя свой талисман. А после вылетов он осторожно снимал гимнастерку, нежно ее разглаживал, аккуратно свертывал и прятал под подушку.

Все было бы нормально, если бы Саркисов вел себя спокойно, когда эскадрильские остряки начинали его разыгрывать: мол, знаем, почему тебе везет. Ребята смеялись, а смуглые щеки Сурена и его широкий лоб покрывались багровыми пятнами. Он мрачнел, сжимал кулаки, с большим трудом сдерживался, чтобы не броситься на пересмешников. А ребят это еще больше веселило.

Однажды кто-то проговорился комэску:

— Знаешь, почему Саркисов такой храбрый? Он суеверен. У него завелся талисман. Без старенькой гимнастерки он не уходит в полет.

— Выдумки!

— Нет, правда.

— Ну и пусть. У кого нет своих причуд, — сказал Цибулевский.

Однако бесшабашные парни собрались-таки разыграть Саркисова, совсем не думая, к чему это приведет. Как-то после

ужина неизвестная рука выкрала из-под его подушки заветную гимнастерку. Предстояло лететь на боевое задание. И вдруг Саркисов не явился на командный пункт.

— Где Сурен? Почему его нет? — удивился комэск. Он знал Саркисова как исключительно пунктуального и исполнительного летчика, для которого дисциплина была превыше всего.

— А где ему быть? Наверняка, задержался в общежитии. Ищет свой талисман. Ребята спрятали, — ответил штурман Михеев.

— Что за фокусы устраиваете со стариком! — возмутился Цибулевский, сердито хлопнул дверью, выбежал на улицу, сел на «пикап» и поехал разыскивать Саркисова.

Когда комэск вошел в общежитие, то увидел, что все постели перевернуты, откуда-то снизу неслась ругань.

— Саркисов, это ты? — крикнул Цибулевский.

Сурен вылез из-под нар весь грязный, в паутине, с мрачной физиономией.

— Командир, — колотя себя в грудь, заговорил он горячо. — Я кавказский человек. У меня свой обычай. Ты меня знаешь, понимаешь. Так нельзя. Издеваются. Что я им, шут гороховый? Безусый мальчишка?

Сначала Цибулевский собирался как следует отчитать Саркисова, но, увидев перед собой взволнованного, доведенного до белого каления человека, понял, что виноваты эскадрильские зубоскалы, которые в своей игре явно переборщили.

Ругать Сурена не стоило. Отправлять его в полет в таком возбужденном состоянии было опасно.

— Что ж, все ясно. Успокойся, Сурен Левоныч. Сегодня не полетишь. Будешь дежурить на аэродроме. После полетов во всем разберемся.

...Утром Цибулевский построил эскадрилью и строго сказал:

— Смотрите, чтобы таких шуток больше не было. Они, как видите, к добру не приводят. Оставьте Саркисова в покое.

Слова комэска возымели действие. Сразу же после завтрака на кровати Сурена появилась гимнастерка. Он подбежал к ней. Бережно поднял и поцеловал, затем осторожно уложил в чемодан. При этом посматривал на ребят. Одним кивал головой, улыбался, другим весело подмигивал, третьим грозил пальцем.

...Шли дни. Саркисов успешно летал. На груди его и в самом деле появились награды. Но он по-прежнему никак не мог рас-

статься со своей гимнастеркой. И вот как-то она снова исчезла. На этот раз он не искал ее, не шумел, не ругался. «Чертенята захотели снова потешиться. Так нет, представление не состоится. Не выйдет этот номер!»

Он молча шагал на аэродром. Хмурый улетел на задание. Это был рискованный полет. Наносился удар по вражескому аэродрому, крепко прикрытому средствами ПВО. Лучи прожекторов металась по небу. Зло били зенитки. Но ко всему этому Сурен был уже привычен, все это испытал многократно.

Экипаж метко сбросил свой бомбовой груз и благополучно вернулся домой.

До самого конца войны Сурен летал без талисмана. Он уверовал в свои летные способности и смело шел в бой.

Вскоре после Дня Победы, вернувшись из полета, Саркисов обнаружил заветную гимнастерку. Выстиранная, чистенькая, выглаженная и даже с подшитым белым подворотничком — она лежала на его кровати.

Сурен улыбался и приговаривал, нежно поглаживая ее рукой: — Дорогая моя, бесценная!

ЧУДАК

С этим Буровцевым всегда все шло наперекосяк. Судите сами. Лето было зеленое-презеленое, солнце яркое-преяркое. Всюду васильки-ромашки. Прекрасней некуда. Но шла война.

Наш авиационный полк прятался в сосновой роще. В ту пору и появился в полку летчик — сержант Николай Буровцев. Он, как и все, хотел скорей пойти на боевое задание. А его посылали в наряды — то караулить самолеты, то дежурить на аэродроме, то еще что-либо делать.

Ясно, что у парня было неважное настроение. А в это раннее утро он вообще шел, повесив голову. Его конвоировали двое пехотинцев с автоматами. При общем нашем молчании они прошли к деревянному домику, где размещался штаб полка.

Вот так перед начальником штаба Вавиловым — высоким,

костлявым человеком — предстал Буровцев с большим синяком под правым глазом.

— Спасайте, товарищ капитан, — проговорил он. — Вы же вчера отправили меня жечь костры на ложном аэродроме, а эти, — кивнул он на свою охрану, — скрутили меня. Диверсант, говорят. Чуть не убили.

— Нешто это летчик — в ботинках с обмотками, в худой одежке, — неуверенно сказал круглолицый солдат. — Сказки рассказывает.

— Кхе, кхе, — закашлялся капитан. Ему было неудобно, что некоторые летчики были плохо обмундированы, а он не настоял перед БАО на получении положенной формы. — Наш это человек. Зря вы его задержали.

— Да больно подозрительно выглядит, — высказал свое мнение круглолицый солдат. — Но, коли так, уж извиняйте нас.

Солдаты ушли. А Буровцев чуть ли не со слезами на глазах обратился к начальнику штаба:

— Когда же нас оденут по форме?

— Потерпи немного. На днях получишь обмундирование, — обнадежил Вавилов.

Буровцева, видимо, еще что-то заело, он не уходил от штаба.

— Обещаю, скоро получишь, — хмыкнул начальник штаба.

— Обмотки-то я еще потерплю. А вот летать не пускают второй месяц. Зачем учили меня на летчика? Не нужен — отправляйте хоть в пехоту.

— Ладно, ладно, сержант, учтем твою просьбу.

...Прошло несколько дней. Комэск проверил Буровцева на технику пилотирования и убедился, что ему можно доверить боевую машину. Николаю выдали наган. (В полку не хватало пистолетов ТТ.) Ребята иронически называли его «козьей ножкой». Прикрепили к Буровцеву самолет, определили штурмана.

Вечерело. Летчики пошли на ужин в столовую, находящуюся на опушке леса в деревянном сарае. Многие уже уселись за столы. Вдруг послышался глухой гул фашистских самолетов. Бомбили окрестности. От близких бомбовых разрывов сарай сотрясало. Неровен час, немцы могли и сюда бросить бомбу. Народ из столовой кинулся кто куда.

За одним из столов сидели сержант Буровцев в новенькой форме и его штурман Спиридон Приезжев.

— Сиди, сиди. От бомб не убежишь, — спокойно рассуждал

Буровцев. — К тому же брюхо еды просит. Так вот, кореш, будем летать вместе. По мне так: или голова в кустах или грудь в крестах. Согласен? Значит, договорились.

Вскоре бомбешка утихла, и два сержанта — боевой экипаж — плечо к плечу вышли из столовой.

...Горячее времечко для Буровцева наступило. Он стал летать на боевые задания. Частенько возвращался домой на искалеченной, израненной машине, видать побывавшей в жарком деле.

— Да ты нарочно, что ли, лезешь под зенитки? Столько работы нам даешь! — возмущался инженер эскадрильи.

— Любят меня зенитчики, хорошо угощают, — отшучивался Николай.

В полку пошел слухок, что Буровцев ломится в большие летчики, хочет славы и почестей. Кое-кому это пришлось не по нраву. «Чего пыжится, еще молоко на губах не обсохло!» Решили проверить его на прочность.

В разрушенном здании винзавода в высоком пролете была сооружена парашютная вышка. Здесь под руководством инструктора ребята учились делать развороты, правильно приземляться. В свободное время охотники острых ощущений сами испытывали себя в прыжках.

Шутники временами тут устраивали потеху. Поднимут «жертву» на высоту, заклинят лебедку и заставят его болтаться в воздухе, пока не запросит пощады.

Постигло такое испытание и Буровцева.

— Умеешь прыгать с парашютом? — как-то спросил его заядлый шутник Миша Бочкин.

— Что за вопрос! — возмущился Николай.

— А ну-ка покажи свой класс! — предложил Бочкин.

Буровцев надел лямки, застегнул ремни, коварные дружки подняли его на высоту в пятнадцать метров.

— Вали до конца, — попросил он.

— Хватит и этого. Виси, болтайся, душенька. Наказание тебе за непочтение родителей, — хлопал в ладоши Бочкин.

Внизу собралось человек с десяток. Все широко улыбались.

— Бросьте, ребята, шутить, — рассердился Буровцев.

— Полюбуйтесь на летчика. Парашютным спортом заниматься не хочет, а ему еще летный паек дают, — потешался Бочкин. — Откупись. Всего-то бутылка вина с тебя. Молчишь? Ну, поболтайся еще!

Посмеиваясь, зубоскалы ушли. Лямки давили плечи. Но Николай молчал. Будешь кричать, может, кто и придет на выручку, а потом потешаться будут долго.

Наконец появился Бочкин.

— Ну как, одумался? Пощады просить будешь? Не надоело болтаться? Ладно, моли бога, что я такой добрый. Слезай с облаков, — крутя лебедку, ворчал он, поняв, что Буровцев не из слабонервных и выкуп с него не получишь.

...Николай дорвался до больших жарких дел. За ночь совершал до десяти-двенадцати полетов. Так что наутро еле-еле вылезал из самолета, насилу добирался до столовой, а потом в общезитии валился на койку и засыпал крепким сном.

Вообще, любил он поспать. Когда не было работы, забирался под одеяло и давал здоровенного храпака. От разных «академий», от строевой подготовки всячески увиливал, предпочитал вздремнуть в укромном местечке часок-другой.

Хаживал Николай и на вечерки на окраине деревушки, где у гармони собиралась молодежь. Девушки пели озорные и веселые частушки, прохватывая летчиков. С удивительным проникновением выводили: «Ты пошто ко мне не ходишь? Я пошто к тебе хожу?» А фашистам уж доставалось на полную катушку: «Чтоб он сдох, проклятый Гитлер, людоед и сатана!»

Любимым развлечением Буровцева, как и многих других, были танцы. На земляной площадке, поднимая пыль, кружились пары. Лихие танцоры отплясывали барыню, гопака, лезгинку, откалывали такие коленца, что небу было жарко.

Николай не был писанным красавцем: толстогубый, с круглым широким лицом. Но воображал себя неотразимым кавалером. Засматривался на самых пригожих девчат.

Кумиром всех летчиков была сержант метеослужбы Мария. Ему удалось потанцевать с ней пару раз. И погиб парень! До сих пор спал он без сновидений, а тут стали сниться ему красивые сны. Прекрасная Мария приходила к нему на свидания. Одним словом, голова у бедняги закружилась.

Как-то днем летал он по связи и на армейском аэродроме нарвал букет полевых цветов. Подлетая к своей деревне, он трижды крутанул самолет вокруг домика метеостанции, чуть не стащил с него крышу.

Девчата, конечно, перепугались, выбежали из домика, сердито машут руками, возмущаются, а он взял да и сел на дорогу,

выскочил из самолета и преподнес даме своего сердца пышный букет. Она покраснела, принялась отказываться, но он сунул ей в руки цветы и снова взлетел.

Однако этот рыцарский поступок не прошел ему даром. Буровцева пилили командир эскадрильи и начальник штаба.

— Кхе, кхе, — скрипел Вавилов, — вы (начальник штаба всем говорил вы) позорите наш самолет. Штучки-дрючки выкидываете. Уму непостижимо. Дурость в высшей степени! Да знаете ли вы, молодой человек, наставление по производству полетов? Оно кровью летчиков написано. С самолетом шутки плохи. Анархист вы, воздушный хулиган. Отстраняю вас от полетов. Погуляйте, наберитесь ума-разума!

Понуриив голову, ушел из штаба Буровцев. А эскадрильские остряки еще подлили масла в огонь.

— Напрасно ты на коленки вставал перед королевой Марго. Она давным-давно просватана за Лешку Сергеева, — вылил на беднягу ушат холодной воды всезнающий летчик Филькин.

После этого Буровцев пришел в себя и отрезвел от своей пылкой любви.

...Отбыв наказание, Николай снова начал летать. О нем стали поговаривать как о незаурядном летчике. А с легкой руки толстяка-доктора окрестили чудачком.

Дело было так. Звездной ночью самолеты бомбили вражеский аэродром. Буровцев вышел на цель последним. Растреволженные зенитки злобно огрызались. Фашисты включили до десятка прожекторов. Стало светло как днем.

Яркий свет резанул глаза Николаю. Осколки снарядов с треском рвали перкаль. Холодок пробежал по телу. Захотелось отвалить в сторону. Давило чувство самосохранения. Но Буровцев преодолел страх. Уходить нельзя, пока не сброшены бомбы.

Николай оглянулся на штурмана и увидел его растерянное лицо, округлившиеся глаза. Чтобы отогнать робость и страх, пошутил:

— Ну, сват, не вешай носа. Живы будем — не помрем! Готовь наши прянички.

Спасаясь от зениток, Буровцев повел самолет с небольшими кренами к земле, прямо на цель. Стрелка высотомера показывала восемьсот... шестьсот... четыреста метров. И вот облегчение: лучи прожекторов и зенитные всполохи уже играли где-то вверху.

Под самолетом в багровых пожарах (след предыдущих бомбежек) зубчатая опушка леса. В капонирах темнеют силуэты вражеских машин.

— А, попались! Вас-то мне и надо! — громко кричит Приезжев, нажимая на ручку бомбосбрасывателя. — Вот вам шах! Вот вам мат! (Штурман — один из лучших шахматистов полка, и это его излюбленные словечки.)

Буровцев резко кинул самолет в сторону. Высота небольшая, и чуть помердли — взрывной волной потреплет изрядно.

Секунда-другая, и темное небо лижут новые языки огня. В одном из капониров горит «юнкерс».

У-2 идет на снижение. Высота всего пятьдесят метров. Теперь никакие прожекторы не страшны. Однако машина что-то плохо слушается рулей. Летит, покачиваясь. Уже следует набрать высоту, а она своевольничает. Приходится «играть» оборотами мотора.

«Э, черт, видимо, повреждены элероны. А это что? — Буровцев вытирает кровь со лба. — И меня царапнуло. Боли нет. Значит, пустяк!»

Летчиком все еще владел азарт боя, и в то же время он почувствовал облегчение, радость избавления от смертельной опасности. Они прорвались сквозь сильный зенитный огонь — и целы, здоровы.

Кругом тишина. На темно-синем небе весело мерцают фиолетовые звезды. Коля заметил одну яркую, лучистую. Загадал: «Если не померкнет, не спрячется в тучках — значит, благополучно прибудем домой». И все время следил за ней. Звезда спокойно сияла. Прошло сорок томительных минут. Наконец замелькали огоньки линии фронта. Буровцев облегченно вздохнул — до своего аэродрома рукой подать.

При посадке самолет бухнулся на землю и, бороздя снег, как жук пополз по полю. Николай первым выбрался из кабины. Следом за ним вывалился Приезжев.

Летчик с жалостью смотрел на машину. Она лежала на брюхе. Крылья были разлохмачены осколками снарядов.

— Что наделали! — сокрушенно воскликнул он.

К ним подбежали люди. Запыхавшись, подошел командир полка Изосимов.

Вытянувшись и взяв под козырек, Буровцев доложил:

— Товарищ майор, задание выполнено. Сожгли «юнкерс».

Кто-то осветил фонариком летчика. Лицо у него было спокойное, но бледное. Из-под шлема по щеке обильно сочилась кровь.

— Ранен? — спросил Изосимов и распорядился: — Врача немедленно!

— Пустяки, — отмахнулся Буровцев, — вот машинке нашей перепало, с трудом дотянул до дома.

— Ну, Коля, а мне об этом ни словечка, — упрекнул Приезжев.

— Стоило ли понапрасну беспокоить! — усмехнулся Буровцев.

Сейчас самое время сказать о полковом враче Максиме Максимовиче. Это был заботливый, добродушный человек лет под пятьдесят, с заметным брюшком и розовыми пухлыми щечками. Все его звали «отчаянный строевик» и «профессор». Он ходил, переваливаясь как утка, ничего военного в нем не было. В карманах шинели у него всегда содержалось превеликое множество всяческих порошков и таблеток.

Так вот, вокруг Буровцева засуетились Максим Максимович и медсестра Лида. Осколком снаряда у Николая был распорот меховой шлем и задета голова. Его перевязали. Врач пощупал пульс и сказал:

— Слушай, батенька, кончай тары-бары, отправляйся-ка в госпиталь. С головой, знаешь, не шутят.

— Что вы, Максим Максимович, это из-за легкой-то царапины! Да на живом теле все заживет! Никуда не поеду. Дайте, товарищ майор, другую машину, мы полетим снова.

— Какие тебе полеты, Буровцев, — категорически запротестовал врач.

Досаду на начальство, Николай поехал в общежитие, завалился на свою койку и моментально уснул, похрапывая и чему-то безмятежно улыбаясь.

А милейший доктор покачивал головой и удивленно твердил:

— Право, чудак этот Буровцев, право чудак!

Кличка «чудак» прочно и окончательно закрепилась за Николаем после налета на крупный железнодорожный узел. В то время экипажи широко применяли полеты в паре. После взлета один самолет пристраивался к другому, и они вместе шли на задание. В районе цели нижний самолет набрасывался на вражеские прожекторы и зенитки, заставляя их гаснуть и молчать, а другой тем временем спокойно бомбил.

Буровцев привык летать в паре с Костей Крицким. Костя, тоже молодой пилот, но уже достаточно понюхавший пороха, неплохо знал свое дело.

В тот раз Крицкий шел чуть ниже и левой Буровцева. На высоте тысяча метров они миновали линию фронта. Впереди виднелось багровое зарево. Это вылетевшие ранее экипажи уже потрудились над целью.

Блеснула паутина стальных рельсов. Еще несколько минут — и они над станцией. Горят склады. По путям снуют паровозики, переставляя вагоны.

Штурман Приезжев выбирает объект для бомбежки. Он то и дело командует летчику:

— Доверни вправо, еще вправо!

— Мы же не на полигоне! — ругается Буровцев, но сам беспрекословно выполняет команды штурмана.

Вспыхивают прожекторы. Зенитки открывают огонь. К самолету тянутся красные нити. Тысячи ярких точек бороздят небо. Кажется, будто в воздухе мечутся разъяренные пчелы.

На выручку приходит Крицкий. Его штурман сбрасывает бомбы на зенитчиков и полосует прожектористов пулеметным огнем. Иллюминация тухнет. Воспользовавшись передышкой, Приезжев обрушивает бомбы на облюбованный им многоэтажный каменный дом.

Самолеты возвращаются. Но что это? Машина Крицкого катастрофически теряет высоту. Летчик беспокойно мигает бортовыми огнями.

«Экая досада. Видать, зенитчики крепко им вlepили. Садиться будут. Другого у них выхода нет», — думает Буровцев.

Крицкий включает фару и идет на посадку.

— Спиридон, у ребят беда. Пойдем на помощь, а то пропадут.

— Ясное дело, — соглашается штурман.

Буровцев осторожно повел самолет к земле. Их сильно потрянуло на каких-то кочках, но все же летчик выровнял машину и остановил ее около потерпевших аварию.

— Костя, что с вами?

— Мотор подбили.

От большака, который оказался неподалеку, доносился шум немецких автоколонн. С минуты на минуту их могли заметить.

— Ну и положеньице! Нечего тут прохладиться вам. Быстро

садитесь ко мне. Один пусть лезет к штурману, другой закрепляется на крыле, — распорядился Буровцев.

— А с самолетом как? — спросил Крицкий.

— Оставим волкам на съедение, — махнул рукой Николай.

Крицкий уселся в кабине в обнимку с Приезжевым. Штурман Ланин ухватился за край кабины и подстраховался веревками. Самолет порулил по полю и с большим трудом оторвался от земли.

На своем аэродроме их уже не ждали. Вышло все расчетное время. Николай подсветил фарой, привычно приземлил самолет. Костя Крицкий бросился Буровцеву на шею, все твердил, что он спас им жизнь и лез целоваться.

— Брось телячьи нежности. Ты бы на моем месте так же поступил, — отмахивался от него Николай, тяжело сопя.

— А мы-то посчитали вас пропавшими без вести, о чем и в донесении написали. Где вы болтались? — с напускной строгостью шумел командир полка Изосимов. — Да разве дело — садиться у противника! А приказ командира дивизии не возить пассажиров вам хорошо известен. Читали, расписывались, а что делаете?

— Так то пассажиров, а это свои парни. Подбили их. Не бросать же на произвол судьбы, — оправдывался Буровцев.

— Не морочь голову. Нарушил приказ. Ясно?

— Ясно, товарищ майор.

— Раз ясно, ступайте отдыхать. А с тобой, Буровцев, мы еще подумаем что делать, чудак ты эдакий. Только с тобой и разбирайся!

...Вечером полковой писарь сообщил Буровцеву по секрету, что командир полка приказал составить на него наградной лист на орден Красной Звезды.

НА БАЗУ НЕ ВЕРНУЛСЯ

Анатолий Казаков не любил рассказывать о себе. Собственно, рассказывать-то было нечего. Биография его лишь начиналась. Только закончил институт. Собирался в родном селе пре-

подавать русский язык. Но вспыхнула война, и Анатолий пошел в военкомат, добился направления в авиашколу, после которой прибыл к нам в полк.

Я хорошо запомнил коренастую фигуру Казакова, смуглое, скуластое лицо с чуть прищуренными серыми глазами, острый подбородок, коротко подстриженные русые волосы. На нем ладно сидела чистая гимнастерка с белым подворотничком. Ходил он не спеша, чуть наклонив вперед голову. Говорил спокойно, не горячась. Был вежлив. Водку не пил. Девушками не увлекался. Танцевал без особой охоты, топорно. Объяснял: «Без этого можно прожить». Почти не шутил. Видимо, сдержанность эта пошла от того, что избрали его комсоргом полка, а когда вступил в партию, парторгом эскадрильи.

Летом, где бы мы ни находились, Анатолий отыскивал площадку для волейбола, приглашал всех играть. Ни одного мяча, направленного на него, он не упускал, мастерски забивал голы.

Зная наше пристрастие к танцам, уговаривал штабного писаря — хорошего музыканта — поиграть на баяне. Прямо на лужайке под тополями начинался «бал».

— Кавалеры приглашают дам, а за неимением таковых танцуют друг с дружкой, — провозглашал Казаков.

Сам же, станцевав вальс со столовской официанткой, садился в сторонке.

В свободное время бродил он по березовым рощам. Слушал шорохи леса, пение птиц, дышал медовыми запахами трав. Что-то писал в тетрадь, которая постоянно была при нем.

Бывало, зазывал нас в лесную чащу. На зеленой полянке, собравшись в кружок, толковали мы о дружбе, чести, любви, мечтали о мире. Пели песни.

Мы все тогда увлекались стрельбой. Время было такое. Стрелять Толя умел. В меткости с ним никто не мог потягаться. Помнится, повесил он на щиток серебряные часы — отцовский подарок — и предложил всем с пяти шагов обстрелять их. Никто не решился на это, зная, какую ценность представляют часы для него.

А он прицелился и четырежды выстрелил. Пули крестом впились в дерево около часов.

В ненастную погоду в общежитии можно было слышать звучный голос Казакова. Он читал стихи. Знал их хорошо, но всегда волновался и декламировал, слегка побледнев.

Он часто читал Светлова:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать...

— Толя, еще, еще, — просили его. И он не отказывался. Опять звучали стихи, на сей раз Багрицкого:

Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос...

В своей походной сумке Казаков постоянно носил несколько книжечек любимых поэтов, а в чемодане хранил институтские конспекты по литературе и толстую тетрадку со своими стихами. Да, он писал стихи. Об этом знали немногие: Толя скрывал свое увлечение, считая, что стихи его несовершенно и оглашать их не следует.

Как-то я попросил показать мне его тетрадку. Он махнул рукой и сказал:

— Не стоит время зря терять. Куда мне со своими виршами! И все же он дал мне тетрадь. Его простые и безыскусные стихи дышали ненавистью к врагам, были полны верой в победу.

Наши войска гнали фашистов. Мы уже вступили на опаленную пожарами землю Латвии. В эти дни Анатолий неожиданно встретился со своей сестренкой Олей — военфельдшером стрелковой части.

Такие встречи на фронте — большая редкость. Брат и сестра, оживленные, счастливые, ходили по полуразрушенной деревушке и говорили, говорили. Они не виделись с начала войны. Сколько воды утекло с тех пор! Вспоминали детство, свой деревенский домик с небольшим садом, в котором росли кудрявые березки, задумчивые липы и стройные яблони. Видели как наяву свою хлопотливую мать, седеющего отца, светлую речку с песочным пляжем, на котором ребяташки резвились и загорали.

Сестра обнимала и целовала брата.

— Ну, ну, брось эти свои телячьи нежности. Мы же взрослые люди, — отмахивался он.

— Какой ты серьезный, важный, — смеялась она. — Поздравляю тебя с орденом! А у меня медаль «За отвагу».

— Сделал две сотни вылетов. Фрицам даем прикурить, — тряхнул головой Анатолий.

— Знаю, знаю, ваши кукурузники ночами бьют их, спать им не позволяют. Вижу, Толик, краснеть за тебя не будем. Герой! Только очень прошу — береги себя. Война-то к концу идет. Мама и папа ждут нас с тобой.

— Зря, сестренка, беспокоишься. Со мной ничего не случится. Мы ночники. Не скоро нас в темном небе изловишь. А вот ты будь осторожна. Все же пехота. Ей всегда первые пули, — раздумчиво говорил Анатолий.

Не знали они тогда, что видятся в последний раз. Вскоре самолет Казакова не вернется с задания.

По шоссе шумным потоком мчались на запад автомашины, двигалась артиллерия. Мы ехали на открытом «виллисе» осматривать новый аэродром. Зной и пыль мучали нас. Мы свернули с дороги и остановились передохнуть под тенью ветвистых дубов и кленов.

Еще недавно тут шли бои. Теперь здесь глубокий тыл. Весело щебечут птицы. Пахнет цветами и травами.

На небольшой полянке я заметил невысокий холмик, аккуратно обложенный дерном. Это была безымянная могила. Я подошел к ней и задумался.

— Русский летчик тут похоронен, — сняв черную шляпу, тихо сказал неожиданно появившийся старик-латыш.

Эти места я знал хорошо по карте. Наш полк летал сюда на бомбежку. В памяти еще не изгладилась потеря младшего лейтенанта Анатолия Казакова. Возможно, это была его могила? Я поздравил товарищей.

— Этими вот руками, — показывая узловатые пальцы и шершавые ладони, сказал старик, — похоронил я его.

По морщинистому лицу Яниса (так звали деда) пробежала слеза. Старик, мешая русские и латышские слова, поведал нам о последних днях неизвестного летчика.

Месяц назад на рассвете старик услышал громкий собачий лай. Вышел из дома и прислушался. Из кустов, что были возле дороги, доносились стоны. На земле в судорогах корчился человек в обгорелом комбинезоне. По его одежде старик догадался, что это русский летчик, и подумал: «Оставаться ему тут опасно. Немцы увидят». Янис стал поднимать его. Тот схватился за пистолет.

— Не бойся. Не выдам. Пойдем со мной в дом. У меня не найдут, — уговаривал он.

С большим трудом летчик все же понял латыша, морщась от боли, поднялся с земли и, опираясь на его плечо, поковылял с ним.

Русского уложили на кровать в дальней комнатке. Лицо, руки и грудь его были обожжены. Кожа покраснела, опухла. Он стонал, скрежетал зубами. Просил пить. Старик и старуха принялись за его лечение. Обожженные части тела смазывали сметаной, прикладывали к ним целебные травы.

Летчик метался в бреду, громко кричал: «Горим! Ой, жарко, жарко! Пока не вышли на цель, бомбы не сброшу. Так. Бросаю. А теперь прыгать, немедля прыгать!»

Старик понял, что летчик выпрыгнул с горящего самолета.

Жизнь его таяла на глазах. Боясь, что он умрет, старик доверился русской девушке, работавшей медсестрой в немецком госпитале. Она пришла вечером и принесла лекарства. Сделала перевязку.

А на рассвете в ворота властно застучали. Янис сразу догадался, кто может так стучать. Он кинулся в комнату к летчику и поднял его с постели.

— Уходим. Немцы, — сказал он дрожащим голосом.

Русский натянул брюки, схватил из-под подушки пистолет и сунул его в карман. В одной нижней рубашке, босиком, пошатываясь, опираясь на старика, он пошел через задние двери в огород. Оттуда можно было пробраться в лес.

А в ворота стучали, ломились. Запор не выдержал.

Немцы бросились в дом, осмотрели комнаты, кухню, чуланы. Увидели смятую постель. Офицер в черной форме закричал на старуху:

— Где рус?

Она развела руками и громко заплакала. Фашисты заметили заднюю дверь и кинулись туда.

Светало. Первые лучи солнца заиграли на мокрых листьях, заискрились на траве. Старик с летчиком еще не успели выбраться из огорода. Немцы увидели их, закричали:

— Рус, хальт! Хенде хох! Сдавайс!

— Беги, дед. Я прикрою тебя. Мне все равно погибать, — махнул рукой летчик и лег на землю. Старик, согнувшись, побежал.

— Рус, сдавайс! — повелительно кричал офицер.

Вместо того, чтобы поднять руки вверх, чего ждали враги, летчик выстрелил по солдату, который приближался к нему. Тот вскрикнул, схватившись за грудь, и упал. Остальные солдаты и офицер мгновенно залегли в грядках капусты.

— Вафен хинлеген (Бросай оружие) — сдавайс! — снова крикнул офицер. Ответа не было. Две-три минуты длилось молчание. Его нарушил офицер, злобно крикнув:

— Фойер! (Огонь!)

Из автоматов был открыт беглый огонь по кустарнику, в котором укрылся летчик. Ответных выстрелов не последовало. Фашисты поднялись и несмело пошли к кустам.

Летчик лежал грудью на земле. В руке он крепко сжимал пистолет. Офицер подошел к нему, убедился, что он мертв. Латыша нигде не было. Он успел скрыться.

Эсэсовец никак не рассчитывал, что тяжелораненый летчик окажет им сопротивление. Он страшно рассвирепел и приказал спалить дом.

На другой день старик, озираясь и оглядываясь, пробрался к себе. Вместо дома он увидел пепелище. Старуху нашел на скотном дворе. Та видела, как офицер перебирал в руках штурманскую сумку, изучал ее содержимое, рассматривал серебряные часы русского. Вырыв в лесу могилу, они похоронили летчика.

А всего через несколько дней после трагических событий сюда, на латышскую землю, пришли советские войска.

...Мы с волнением прослушали старика. Сомнений не было: он рассказывал нам о нашем друге Анатолии Казакове. Мы сняли фуражки и минутой молчания почтили память погибшего друга.

Жалость охватила меня. Война вырвала из жизни человека в расцвете лет. Он мог бы наверно стать талантливым поэтом

и уж несомненно прекрасным сельским учителем. Проклятая война!

А где же сестренка Казакова? Вернулась ли она домой к старикам-родителям? Не знаю. Хочется верить, что вернулась.

ИМЯ В ГРАНИТЕ

Лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

Д. Ибаррури

Июнь 1942 года. Авиаполк находится на переформировании в маленьком тыловом городке. Получаем новые самолеты и пополняем летным составом. К нам поступают еще не обстрелянные, совсем молодые ребята.

Вот появился в штабе высокий, белокурый парень в новенькой форме и громко доложил:

— Младший лейтенант Попов после окончания училища прибыл.

Голубые глаза его смотрели прямо, задорно. На губах улыбка. Видать, радовался он прибытию в боевой полк.

Точно поняв его, командир полка Изосимов спросил:

— На фронт охота?

— Так точно. Засиделся в тылу. Хочу воевать.

— Скоро будем на фронте, — заверил Изосимов. — Умешь летать ночью?

— Этому нас не учили, — откровенно признался он.

— Как же быть? Мы ночники, — недовольно качнул головой Изосимов.

— Не боги горшки обжигают. Научусь, — твердо сказал Попов.

Командир побарабанил пальцем по столу и решил:

— Ладно. Пойдешь в третью эскадрилью к Котову. Он введет тебя в строй.

Попов браво козырнул, четко повернулся и вышел из штаба.

— Парень — картинка. С виду горяч, а будет ли толк из него? — усомнился штурман полка Борисенко.

— Что говорить, птенцы, зеленая молодежь, — согласился, закуривая папиросу, командир полка, — жалко, времени у нас на подготовку в обрез. Придется в боях обкатывать.

Начались тренировки. С раннего утра летчики отправлялись на аэродром, где их уже ждали У-2. Один за другим, громко урча, самолеты уходили в небо.

Николай летал с командиром звена Заниным, иногда с комэском. И всегда они находили у него какие-либо огрехи. То дал «козла» при посадке, то при взлете не учел ветер, то не выдержал скорость.

Потела спина от бесчисленных взлетов и посадок, долгой болтанки в воздухе. Морила усталость. Хотелось покурить, побалагурить, отдохнуть, а неугомонный Занин дает и дает одно задание за другим и, посмеиваясь, твердит суворовские слова: «Тяжело в ученье, легко в бою!»

Сегодня Николай впервые пошел в ночной полет. В напарники ему определили бывалого штурмана Васю Черномырдина. У Васи на груди медаль «За отвагу». Он всего лишь старший сержант, но фронтовик и в своем деле профессор.

— Ну, орел, выше голову. С таким помощником, как Василий, не пропадешь, — напутствовал Попова командир звена, заметив в его глазах тревогу.

Мерно гудит мотор. Над головой раскинулось огромное черное, таинственное небо. Где-то высоко мерцают редкие звездочки. Перед Николаем, тускло освещенная, лежит карта с расчетными данными. Но, как ни всматривается он вниз, как ни напрягает зрение, ничего, кроме мрака, не видит. Где река? Где леса? Где «железка»?

Словно поняв его, штурман басит в переговорный аппарат:

— Земли не видно — и не беда. Летим правильно. Следи за приборами. Соображай своим «сельсоветом»!

Шутливое слово штурмана успокаивает.

На широкой приборной доске светятся более десятка измерительных устройств. Бегают, движутся стрелки, показывая курс, скорость, время, высоту. За всеми надо смотреть и смотреть. Ни одну нельзя упускать из виду. Не доглядишь за высотометром — можешь поплатиться жизнью. Не учтешь показателей других приборов — тоже не поздоровится.

Внизу блеснула светлая полоска. Вероятно, это река.

— Вышли к реке, — докладывает штурман.

— Вижу. Через пять минут поворот влево, — уже уверенно говорит Попов.

— Правильно, — подтверждает штурман.

После поворота проходит еще пять минут, и Василий спрашивает:

— А теперь куда?

— Очередной поворот налево, — незамедлительно отвечает летчик.

— Так-так, соображаешь, — удовлетворенно говорит штурман.

Попов чувствует, что все у него идет складно. Не зря он зубрил маршрут полета.

— Летчик Попов отлично ориентировался в ночном полете, — докладывает по возвращении командиру звена штурман.

— С успехом, орел! — пожимая руку Попову, довольным голосом говорит Занин.

Николаю стало жарко, хотя ночь и прохладная. Он облегченно вздыхает. Вот попробовал ночного неба и убедился, что оно не такое страшное, как казалось.

...В жаркий июльский день полк прилетел под Воронеж. Аэродром — просторный зеленый луг. Рядом — густая дубовая роща. Самолеты попрытали в капониры, укрыли ветками.

Начштаба Вавилов придирчиво осматривает маскировку и говорит, попыхивая папирсой:

— Хлопцы, держите ухо востро, передовая близко. Да и противник рыщет по небу. Ну, как настроение?

— Настроение боевое. Хочется скорей схлестнуться с немцем, — задорно отвечают молодые летчики.

У одного из самолетов Вавилов заметил крупную надпись на фюзеляже, сделанную мелом: «Смерть фашистам!»

— Кто написал? — спросил он у рябоватого техника, который стоял у машины с промасленной тряпкой в руках.

— Летчик Попов.

— Ну что ж, хорошо, — поразмыслив, сказал Вавилов. — Не возражаю. Пускай делом докажет свою ненависть к врагу. Так ему и передайте.

...Как только темнело, с летного поля убирались копны сена, поставленные для маскировки. Из своих убежищ с тарахтением вырвали самолеты. То и дело слышались команды: «К запуску!», «От винта!». Одна за другой поднимались в небо машины.

Летали от заката и до рассвета. Все ночи упорно бомбили передовую и леса за рекой.

Я ежедневно встречался на командном пункте с Николаем Поповым. Видел, как он получал задание. Какое бы оно опасное ни было, на его лице ни один мускул, ни одна жилка не дрогнули. С высоко поднятой головой, с искорками задора в глазах, твердой походкой, размахивая планшетом, уходил он к самолету.

Как всякий новичок, Николай был для нас неизвестным. К нему присматривались. Сначала летал он с тем же опытным штурманом, что и на тренировках, — Васей Черномырдиным. Попов оказался с твердым характером. Возвращаясь из жарких полетов, спокойно докладывал командиру полка о том, что задание выполнено. Летчики, приходившие после него, с уважением говорили:

— Ай да Никола! Цель накрыл с первого захода!

Война есть война. С задания не возвращался то один, то другой экипаж. Одни гибли в зенитном огне, другие с горячей машины выпрыгивали на парашютах, а третьи, потеряв ориентировку, садились на чужих аэродромах.

Николай оказался способным летчиком. Он быстро освоил ночные полеты, раскусил зенитчиков, научился хитрить и обманывать их.

...Жили мы в дощаном сарае. Спали на матрацах, набитых соломой и уложенных на солому, в которой водилось превеликое множество блох. Но после бессонных ночей спали мертвецки, не чувствуя ничего, не слыша ни зенитных обстрелов, ни бомбежек нашего аэродрома, которые случались нередко.

Днем раскрывали глаза и видели, что солнце пробивается сквозь щели крыши, и его веселые зайчики бегают по стенам. В одних трусах выскакивали мы на волю, стремглав неслись умываться к светлой речушке. Озорно плескались холодной водой.

Перед тем, как идти в столовую, брились и прихорашивались. Нашими кормилицами были весьма симпатичные официантки. Перед ними никто не хотел ударить в грязь лицом! Николай одевал свой синий костюм. Сдвигал синюю пилотку лихо набок. Румяный, свежий появлялся в столовой.

— Анечка, чем угощаешь? — спрашивал он у золотоволосой девушки в белом передничке.

— Украинский борщ. Битки. Компот, — с доброй улыбкой от-вечала она.

— Дайте мне мою большую ложку! — шутил он, усаживаясь за стол. Приятно было видеть красивую девушку, чувствовать на себе ее ласковый взгляд, сознавать себя удачливым, сумевшим прошедшей ночью вырваться из страшной огненной ка-русели.

...Вечерами до получения задачи мы ходили лакомиться го-рохом, буйно росшим на поле по соседству с аэродромом. На-брав его полные пилотки, сидели на меже и лузгали.

— Житуха-то какая. Живи да радуйся. Небо синее. Жаво-ронки поют. Жужжат шмели. Пахнет резедой и мятой. Благо-дать! И страшно подумать: налетят фашисты, сбросят бомбы. Разрушат все это чудо природы! — задумчиво говорил Николай.

Часто вспоминал Коля свое родное село Ореховку на Став-рополье. Северный Кавказ. Высокие горы, буйные речки, зеле-ные пастбища с тучными стадами коров. Ну, конечно же, с не-обыкновенной любовью говорил о своей семье, о высоком жили-стом, волевом отце. Михаил Кондратьевич партизанил в граж-данскую. В годы коллективизации организовал колхоз в селе. Худенькая и беспокойная мама вырастила и подняла восьмерых детей.

— Славно жило село. Хорошо жили мы. А пришел фашист и нарушил все. Что-то делается дома? — с тревогой спросил Николай. — Знаю, не смирятся наши с врагом, не смирятся.

И он рассказал мне историю Писаных Камней. Еще маль-чонком Коля бегал за село к серым скалам. На них высечены нестирающиеся слова. Давно, в царское время, палачи ссылали на Кавказ гордых, свободолюбивых поляков. Они-то и написали на камнях: «Для отчизны мила смерть, кандалы и раны!»

— Русский народ тоже никогда не покорится врагу, сумеет по-стоять за себя, — убежденно говорил Николай.

Где-то недалеко громыхал гром. Но мы знали, что это была не гроза. Это гремели пушки, убивающие людей.

...С Воронежского фронта наш полк перелетел на Брянский. Здесь пришлось не только бомбить передовую, но и летать во вражеский тыл. К самолетам приделали дополнительные бачки для горючего. В кабине штурмана установили пулемет, под плоскостями устроили балки для реактивных снарядов.

Враги в больших городах и своих опорных пунктах сосредото-

точили много зенитных средств. По их убеждению, в воздухе была создана зона сплошной непроходимости. Но они просчитались.

Наши У-2 с большой высоты, бесшумно планируя, неожиданно проникали в расположение противника и наносили ему бомбовые удары.

Николай Попов старался ни одной ночи не оставаться на земле.

— Дел много. Вишь, куда забрались. Бить и бить гадов надо, гнать с нашей земли, — со злостью говорил он.

Как-то замполит эскадрильи Иван Новиков пригласил Попова в свой уголок в общежитии.

— Хватит, Коля, тебе в комсомольцах ходить. Вступай в партию, — предложил он.

— Молод я еще и не заслужил. Не дорос до партии, — оробев, сказал Попов. — Да и кто меня рекомендует?

— Не скромничай. С тобой я летал. Знаю, чего ты стоишь. А за рекомендациями дело не станет. Мы с комэском за тебя поручимся.

— Что ж, коли так, хорошо.

Партбюро проходило в комнате, где жил заместитель командира полка по политической части Иван Емельянович Муша. Этого простого в обращении и добродушного человека любили все. К нему запросто обращались с вопросами, просьбами, жалобами и всегда получали толковый ответ и нужную помощь.

И все же в эту комнату, в которой он и раньше бывал, Николай вошел с заметным волнением.

За столом сидели майор Изосимов, капитан Вавилов, Муша, Новиков и другие. Попов встал перед ними навтыжку.

— Вольно, вольно. Ты же на партбюро, — с добродушной улыбкой произнес командир полка Изосимов.

— Ясно, — сказал Попов и сразу почувствовал, как к лицу прилила кровь. Он явно волновался и держал себя натянуто.

Секретарь партбюро Иванов зачитал заявление Попова, в котором тот писал: «Хочу идти в бой коммунистом и клянусь с честью оправдать это высокое звание».

— Расскажи, Николай Михайлович, свою биографию, — попросил Муша.

— Право, не знаю, что сказать. Биография у меня короткая. Мне двадцать один год. Родился в Ставрополе. Отец и мать —

колхозники. Жил у сестры в Свердловске. Окончил семилетку. Пошел работать токарем на Уралмаш. Поступил в аэроклуб. Началась война, направили в летное училище. И вот я здесь. Сделал восемьдесят шесть боевых вылетов. Награжден орденом Красной Звезды.

— Кто будет говорить? — спросил Иванов.

— Разрешите, — поднялся из-за стола Новиков. — Николай Михайлович — отличный летчик. Мне пришлось с ним побывать в трудном полете. Летели в облаках. Попов по приборам точно вывел самолет в район цели. Нашли «железку» и на ней движущийся поезд. С высоты трехсот метров я сбросил бомбы. Загорелись вагоны, часть из них пошла под откос. При возвращении отказал компас. Но Николай не растерялся. Ориентируясь по звездам, дотянули до дому. Аэродром был в тумане, но все же Попов сумел посадить самолет. Я считаю, что летчик Попов нужен нашей партии.

Иванов спросил:

— Других предложений нет? Прошу голосовать за то, чтобы принять Николая Михайловича кандидатом в члены партии.

Члены партбюро за это проголосовали единогласно.

Ликующий, в приподнятом настроении, уходил Николай с партбюро. У него как будто прибавилось сил и энергии.

...Частенько Николай летал бомбить передовую и всегда возвращался без происшествий. Ну, постреляют в них, поугают — и дело с концом. Работа на передовой считалась в полку легким заданием. А сегодня их «крестили» как-то особенно нещадно. Все бы ничего, но напоследок штурман, заметив артиллерийскую батарею, потребовал повернуть на нее. Они снизились до четырехсот метров, и тут-то самолет вздрогнул, мотор заглох. Кругом грохотало, ухало, свистело. Самолет терял высоту. При огненных вспышках виднелись вражеские траншеи.

— Э, каналы, подбили! — выругался летчик.

— Тяни, Михайлыч, домой, тяни, — упрасивал штурман Топоров.

Но тянуть было нечем. Земля катастрофически приближалась. Вскоре самолет плюхнулся в снег. Над ними с глухим свистом проносились снаряды. Выходит, сели они на нейтралке между своими и немцами. Днем тут им будет туго.

— Поползем к своим. Самолет сожжем. Пусть фрицы думают, что мы погибли, — решил Николай.

Жаль, конечно, боевого друга, но иного выхода не было.

Выбрались из кабин. Заползли в первую же попавшую воронку. Попов выстрелил из ракетницы по бензобаку, самолет запылал. Поползли к своим. То и дело вспыхивали зеленые и желтые ракеты. Летчики замирали на снегу. Николай посмотрел на часы. Была половина третьего. Глубокая ночь. Северный ветер гнал колючую поземку.

— Николай, мина! — испуганно крикнул Топоров. Его рука коснулась металлической коробки.

— Тихо! Услышат. Большая, противотанковая, — определил Попов, — нам она не страшна. Спокойно, смелей и без паники!

Двигались медленно, осторожно, осматриваясь, ощупывая землю.

Внезапно натолкнулись на стену колючей проволоки. Через нее невозможно было пробраться. Пришлось палками и ножами ломать, гнуть и резать металл.

Они упрямо «грызли» стальную паутину. Ползли. Опять наткнулись на преграды. В конце концов совсем устали, выдохлись. Захотелось замереть на земле, лежать и не двигаться. И вдруг услышали русскую речь.

— Наши, наши! — воскликнул Попов. — Последний рывок — и мы у своих! Эй, братки, принимайте нас! — закричал он, поднимаясь в полный рост.

— Прыгайте в траншею, — донеслось до них.

Собрав остаток сил, они переправились через высокий бруствер.

— Летуны! Живы? — обрадованно говорили солдаты. Они видели горящий самолет, но никак не предполагали, что летчики остались живы. По длинным ходам сообщений их провели в блиндаж командира батальона. Он слушал их сбивчивый рассказ и только качал головой.

— Счастливчики. Проскочили сквозь наши минные поля. Хорошо, нарвались на противотанковые. А если бы чуток в сторону? Читайте, с того света прибыли!

...Мелькают дни и ночи. Позади Брянский, Ленинградский фронты. Николай Попов стал старшим лейтенантом, командиром эскадрильи.

Советские войска шагнули в Прибалтику. Идут ожесточенные бои. Горят латышские города и села. Дымится в развалинах Резекне. Крытые черепицей домики смотрят пустыми окнами, изу-

родованными остатками стен. Люди попрятались кто где. Их напугали тем, что русские будто бы зверствуют и не щадят никого.

Стоят непогожие дни, туманы. Но летаем. Командный пункт — в дубовой роще. За широким столом сидят летчики. Задание получено. Ждем только темноты. Чтобы скоротать время, играем в домино.

Кто-то из новеньких завел разговор о плене. Наш маститый летчик, лейтенант Харчевников горячо доказывает:

— Да разве нас собьют! Умей хитрить с зенитчиками, смотри в оба и будешь цел, здоров.

— А если все-таки собьют? — допытывается молодой паренек.

— А ты не попадай в плен. Уж ежели поймают и скрутят, другое дело. Страх в моих глазах не увидят. Зато увидят на груди пять орденов. Поймут, с кем повстречались, — горделиво сказал лейтенант Виниченко.

— Буду отстреливаться. Живым не дамся, — твердо сказал Николай Попов.

Неприятный разговор. Никто, конечно, в плен не собирается. Но кто знает, что сулит боевой вылет!

Беседу прерывает команда:

— По самолетам!

Громко переговариваясь, летчики идут на аэродром. Самолеты один за другим уходят в небо.

Николай летит со штурманом Галановым. Ночь сероватосиняя. Чуть видны звезды. Внизу безмолвная темная земля. Изредка мелькнет огонек-другой. Маршрут знакомый, и Попов думает о своем житье-бытье. Пока ему везет. Вчера командир полка привинтил к его гимнастерке четвертый орден.

Вечерком Николай заглянул к своей подружке — ласковой, черноволосой Ирме. Она играла на гитаре и пела для него мелодичные латышские песни. Слов Николай не понимал, но грустный мотив, нежный голос девушки трогали душу.

«О, эти полеты! Когда они кончатся! — недовольно говорила Ирма. — Смотри, возвращайся, милый, живой».

Да, так хочется скорой победы, мира. А пока приходится воевать...

Светятся стрелки приборов. Часы неумолимо отсчитывают время. Самолет приближается к крупной железнодорожной станции. В прошлый раз она была слабо прикрыта зенитками. А как-то нынче?

И вдруг вспыхивают прожекторы, превращая темную ночь в яркий день. Зенитки рассыпают вокруг самолета сотни сверкающих звездочек. Николай упрямо ведет машину сквозь огненный заслон. Они прорываются к станции. Железнодорожные пути забиты пассажирскими и товарными составами.

— Боевой курс! — сурово приказывает штурман. Он прицеливается и нажимает на бомбосбрасыватели. Взрывная волна подбрасывает их. Зенитные снаряды разрываются совсем рядом. Загорается правое крыло. Зловещие языки пламени в момент охватывают фюзеляж. Дым лезет в глаза. Першит в горле. Дышать нечем.

— Степан, прыгай! — крикнул Николай штурману и сам тоже стал выбираться из кабины. Но промедлил всего лишь какую-то одну секунду, и тут взорвался бензобак. Горячая волна воздуха хлестнула его. Падая, он дернул кольцо парашюта. Что было дальше, Николай не помнил.

Очнулся утром в темном сарае на тухлой соломе. Тело ныло и болело. Руки распухли. Голова гудела. На нем — обгорелый комбинезон. Ремня с пистолетом не было. Исчез и планшет с картой. Страшно хотелось пить. Попробовал подняться, со стоном упал.

Проклятие! Нога совсем не держала его. Что с ней: перелом или вывих?

Сквозь стены слышалась немецкая речь. Стало понятно, почему он в этой дыре. Плен. Самое худшее, что могло с ним случиться. Бежать, выбраться! Но как это сделать с больной ногой? В голову не приходило никакой путной мысли. Преодолевая боль, он ползал, осматривал стены. Они были плотные. Нигде ни щелки.

Что грозит ему? Как поступят с ним? В любом случае он не встанет перед врагами на колени, не будет просить о пощаде.

Под вечер за ним пришли. Солдаты грубо схватили его, подняли и как куль поволокли в дом. Его встретил лощеный офицер, цыкнул на них, услужливо усадил в кресло, заговорил по-русски.

— Вижу храброго летчика. Рад познакомиться. Вы были сбиты? Пострадали при приземлении? Готов оказать вам всяческие услуги. Мы вылечим вас, поставим на ноги. О русских летчиках есть приказ фюрера. Великой Германии нужны кадры.

Вы будете служить славному делу рейха. Вас ждет блестящее будущее.

«Гады, что придумали», — мелькнуло в голове Николая. Он отрицательно мотнул головой:

— Этого от меня не дожждетесь.

— Ничего, посмотрим. Поначалу все вы так, а потом соглашаетесь. Жить-то каждому хочется, — усмехнулся офицер.

...Попова отвезли в лагерь военнопленных. Поместили в лазарет. На перелом наложили гипс. Сунули ему костыли. Он, хмурым и подавленный, лежал на больничной койке. Было ясно, за чем немцы лечат его.

С ним возился очкастый доктор. Он менял гипсовую повязку, страшно давил распухшую ногу, не давал никаких лекарств. Что-то говорил. Русский санитар, понимающий по-немецки, перевел: «Пустяки, говорит, скоро все заживет».

После месячного лечения Попова, одев в арестантскую робу, пронумеровав, перевели в общий барак. За его тусклыми окнами виднелась колючая проволока, которой был окутан лагерь, вышки с часowymi. Слышались грозные окрики, лай овчарок.

«Нелегко сбежать отсюда, — подумалось Николаю. — Что ж, поживем — увидим».

В бараке был полумрак. Пахло вонью и сыростью. На двухэтажных нарах на голых досках было битком набито тощих, изможденных людей, которых гоняли на работу.

С ужасом и сожалением смотрел Николай на эти скелеты, из которых выжимали последние соки каторжной работой в каменоломнях. Тех, кто слабел и не мог работать, ждала тяжелая участь. День и ночь в лагере дымили трубы крематория.

Попова несколько дней никто не трогал. Видимо, находился он в бараке для знакомства с лагерными порядками и устроения.

И вот наступил его черед. Попова вызвали на допрос.

В светлой комнате за массивным письменным столом, над которым висел большой портрет Гитлера, восседал дюжий эсэсовец в черной форме. Сбоку, у стола, пристроился переводчик. Офицер, приятно улыбаясь, предложил садиться.

— Вы видели наши порядки в лагере. Так обходимся мы с непокорным быдлом. Ну, вас они не коснутся. К вам у нас самые лучшие намерения. Пожалуйста, расскажите о себе. Из какой семьи? Где учились, как воевали?

Попов молчал. Офицер недовольно скривил губы. Но все же, по-прежнему не повышая голоса, говорил:

— Напрасно упрямитесь. Вы нам нужны. Предлагаем пополнить ряды летчиков третьего рейха. Многие ваши уже одели форму немецких асов. Им созданы превосходные условия. Отличное питание: Поставляются французские вина. Их забавляют красивые женщины. После войны им будут предоставлены все блага жизни — поместья, богатые земли. На вас будут работать десятки рабов. Вы молчите. Я понимаю. Нелегко решиться. Даю время подумать.

— И думать нечего. Не купите ни за какие блага! — с возмущением сказал Попов.

— Но, но, молодой человек, не горячитесь. Взвесьте все. К вам относимся доброжелательно. Не испытывайте наше терпение. Оно может лопнуть, — с угрозой сказал офицер.

На следующий день эсэсовец снова вызвал Попова к себе и сердито спросил о его решении. Но летчик снова сказал свое твердое «нет».

Офицер грохнул кулаком по столу и, брызгая слюной, заговорил:

— Добрых слов не понимаешь! Посиди-ка в карцере, поразмысли. Знай, возиться с тобой не будем. Карцер — цветочки, ягодки впереди, если не перестанешь упорствовать.

Попова бросили в сырой каменный мешок. В нем не было ни окон, ни постели. Можно было лишь скорчившись прилечь на бетонный пол. Промозглая темная ночь. Изредка падали с потолка стывшие капли воды. Холод пробирался к телу. Попов стоял сколько мог. Но силы иссякли и он сел. Пол леденил. Сна не было. Возникла противная дрожь. Судороги сводили икры. Запрыгал, чтобы разогреться. Время тянулось страшно медленно. Одолевали думы. Вся короткая жизнь пронеслась перед Николаем. Прожил он ее не зря. Сделал свыше четырехсот вылетов. Рушил, ломал, уничтожал. Какая злая ирония судьбы! Ведь одно время он даже собирался учиться в строительном техникуме. Хотел строить, а не разрушать.

Неужели жизнь кончена? Тесный ледяной ящик, как гроб, давит грудь, стесняет дыхание. Николай облизал сухие губы, проглотил горькую слюну.

Заскрипела дверь. Свет резанул глаза. За ним пришли. С трудом передвигая ноги, он снова предстал перед эсэсовцем.

— Ну, как понравился карцер? Полагаю, хватило времени поразмышлять, подумать? Согласен на наши условия? — издевательски вопрошал офицер.

— Смейся, гад. Твоя сила. Но скоро заплачешь. Будет вам с Гитлером крышка, — иступленно говорил Николай.

— Ах, свинья, как ты смеешь говорить это! — побагровел офицер, выскочив из-за стола, свалил летчика на пол и стал его топтать.

Когда Николай пришел в себя, увидел, что его обливают водой.

— Поживи. Поживи. Я все равно добьюсь своего. Не таких ломали, — бормотал офицер.

Летчика притащили в барак и швырнули на пол. Пленные бережно уложили его на нары. Обтирали с лица, груди и рук кровь. Поили водой.

— За что они тебя? — спрашивали его.

— Вербуют воевать на их стороне, — чуть слышно отвечал он.

Всю ночь Николай стонал. Болела спина, болело все тело. Трудно было пошевелиться. Пленные участливо ухаживали за ним. Кормили баландой, хлебом, поили кипятком. Постепенно он отходил. Но особой радости не было. Он понимал, что его не оставят в покое. Надо выдержать все. Не стать изменником. Он припомнил рассказы матери. В гражданскую отец попал в плен к белым. Они зверски избили его, выведывая расположение партизанского отряда. Он не сказал ни слова. Чудом его спасли добрые люди. Отец выдержал адовы муки. Выдержит и он.

Через несколько дней солдаты снова взяли его на допрос.

— Будешь работать на нас? — кричал эсэсовец.

Летчик молчал.

— Упорствуешь! Спущу шкуру! — бушевал офицер.

Подручный эсэсовца обрушил жестокий град ударов на Николая. Он схватился за рот. На ладони оказалось несколько выбитых зубов. Из носа бежала кровь. Он лишился сознания.

Николая обливали водой, он приходил в себя.

— Забьем до смерти. Соглашайся, — уговаривал офицер.

«Родиной не торгую. Не будет по-вашему, хоть сожгите на костре! О, судьба, дай мне силы умереть достойно!» — думал он, и снова потерял сознание. Но это был не конец. Он очнулся в своем бараке. В глазах был полный мрак, а в голове утешительная мысль: «Не сломили!»

После очередного допроса Попов не возвратился в барак. Он умер от пыток. Эту скорбную весть мы узнали от одного из летчиков, сбежавшего из фашистского плена.

...Прошла война. Пролетели годы. На большом уральском заводе, где до армии работал Николай Михайлович Попов, около проходной воздвигнут гранитный мемориал. К нему люди несут венки и букеты цветов. Здесь замирают в молчании и, склонив головы, чтут погибших. В длинном списке отдавших жизнь за Родину есть и фамилия нашего друга.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Пришел к нам в полк летчик, старший лейтенант, с лицом, исполосованным шрамами. Сразу видать, бывалый ас, хлебнувший войны. Назначили его командиром эскадрильи.

Построил он своих ребят, представился:

— Котов Константин Иванович, родом с Тамбовщины. Из крестьянской семьи. Семейка у нас была — десять душ, и на всех одна корова и лошадка. Батя дрался с бандами Антонова и с гражданской пришел коммунистом. Все мы вышли в люди. Кто стал учителем, кто инженером, кто агрономом. Я окончил летную школу. И вдруг война. Мы, пятеро братьев, ушли на фронт. При расставании батяка наказывал: бейте иродов-фашистов без пощады. Горько будет мне, ежели кто погибнет, еще горше, ежели услышу, что сыны мои струсили, заробели. Уже трое моих братьев честно сложили свои головы. Мне тоже досталось. Дважды валялся в госпитале. Так что счет у меня к захватчикам неоплаченный. Призываю воевать крепко, чтобы гады умылись своей кровью! Ясно? Вопросы есть?

Приглянулся летчикам новый комэск. Умел ценить людей, уважал смелых.

Не любил Котов сидеть на земле. На каждое опасное задание сам водил эскадрилью. Первым сквозь огонь шел на врага. После налета эскадрильи горели железнодорожные станции, валялись под откос поезда, пылали самолеты и танки с паучьей свастикой.

На своем аэродроме Котов вылезал из самолета, закуривал и коротко говорил:

— Спасибо, ребята. Поработали на совесть.

Улыбался Котов как-то странно. И редко. Обычно выглядел хмурым, угрюмым. Будешь таким, когда война хлещет тебя. Потерял братьев, сына убило при бомбежке.

В полку все восхищались боевой хваткой Котова, а он словно и не замечал этого, был скромным, неразговорчивым.

Как-то на командном пункте появился молодой летчик. Он был бледен.

— У цели море огня. Еле ноги унес. Комэск выручил, отвел огонь на себя.

Вскоре на КП пришел Котов. Спокойно, своим обычным хрипловатым баском доложил командиру полка, что, хотя немцы и усилили оборону станции, это их не спасло. Эскадрилья разрушила вокзал, склады и повредила пути. А о том, что спасал товарища, даже не обмолвился.

Несмотря на то, что Котов был требовательным командиром, его любили. Требовательность его была всегда обоснованной. Однажды при мне он строго журил молодого летчика Мишу Лебедева. Тот сел на аэродром с бреющего.

— Смелость свою показываешь? — гремел Котов. — У-2 за машину не считаешь! Грош цена твоей удали. И самолет угробишь и себе шею свернешь!

— Виноват, товарищ старший лейтенант. Больше такое не повторится, — стоя навытяжку перед командиром, оправдывался Лебедев. — Учусь традициям Чкалова...

— Чкалова! — всерьез рассердившись, передразнил его Котов. — Кру-у-гом, шагом марш!

Лебедев, круто повернувшись, отошел от комэска, что-то бормоча себе под нос.

— Чем недоволен, сержант? — спросил я.

— Сам-то, небось, как Чкалов, фортели выделяет. Готов под мостиком пролететь, а с нас стружку снимает.

— Но у него опыт большой, а у тебя что?

— Так-то оно так. Виноват.

Все мы знали, что Котов преклоняется перед Чкаловым. Любит его. Ему посчастливилось в свое время видеть воздушного аса, слышать, как тот мечтательно говорил: «Махнуть бы вокруг шарика!»

Да, собственно, кто из летчиков не боготворил этого отважного человека, великого мастера летного дела! Но поминать его имя все Константин Иванович не позволял никому.

По своей природе Котов был оптимистом. Случалось, после удачных полетов, сидя в кругу друзей, он с удовольствием играл на гитаре и хрипловатым баском пел:

Капитан, капитан, улыbnитесь,
Ведь улыбка — это флаг корабля.
Капитан, капитан, подтянитесь!
Только смелым покоряются моря!

Этот мрачный на вид человек был нежным сыном и мужем. Он с нетерпением ждал почту, и когда писем для него не было, уходил из штаба недовольный. Получив же весточку из дома, он весь расцветал, глаза его радостно блестели. Сам он постоянно писал родным, лично заносил письма в штаб.

— Пусть не волнуются. Знают, что жив, здоров, — говорил он.

В школе, занятой под общежитие, после ночных полетов сладко спали летчики и техники. Дневальный с автоматом на плече шагал по коридору.

За окнами было серо. Шел мокрый снежок. Темные облака обложили все небо.

Котову не спалось. Он вышел в коридор покурить.

— До подъема еще далеко, командир, спали бы да спали, — сочувственно сказал ему дневальный.

— Не спится. Старческая бессонница, — пошутил Котов и, глядя в окно, произнес: — Погодка нелетная. В баньку, что ли, сходить?

В этот момент распахнулась дверь, вбежал запыхавшийся солдат:

— Объявляйте тревогу. Приказ командира полка. Сбор на КП!

Дневальный одну за другой распахивал двери классов:

— Подъем! Тревога-а-а!

Командный пункт находился на аэродроме, расположенном на окраине села. Вскоре все собрались там, расселись по скамейкам.

Командир полка Изосимов лаконично ставит задачу. Она необычна. Предстоит днем, пользуясь облачностью, бомбить передний край обороны противника.

Экипажи определены. Первое звено ведет Котов, второе — Андрей Занин, третье — Андрей Виниченко, четвертое — Борис Цибулевский.

Проложив маршрут, сделав расчеты, летчики выходят на улицу. Пахнет весенней сыростью. Хмурые облака обложили небо.

— Привет штурмовикам! — смеется грузный летчик Миша Харчевников. — Меня из-за моих габаритов не берут с вами.

— А зря, Миша. Нас истребители прикрывать будут. Так что полетик простенький, — смеется балагур штурман Бочкин. — Да еще ночью к «пташкам» броню поставили.

— Не унывай, други. Такое нам не впервой, — хрипловатым голосом говорит Котов. Он понимает, что полет не из легких. Но Костя, однако, спокоен за себя и за своих орликов. Все они крещеные в огне, испытанные в опасных переплетах и праздновать труса не будут.

Самолеты рулят на старт. Вспыхивает зеленая ракета — сигнал взлета. Помахав ребятам рукой, Котов поднимает машину в воздух. Высота всего лишь сто метров, а облака лижут крылья. Десять... пятнадцать минут полета в «молоке». Но вот начинает светлеть. Облака поднимаются все выше и выше. Что за ерунда? Видимость стала совсем хорошей. Котов замечает растерянные лица. По метеосводке в районе передовой значится сплошная облачность. Где же она?

Развиднелось. Облака уже где-то высоко, и сквозь них пробиваются яркие солнечные лучи. А передовая рядом, полыхает заревом пожаров, артиллерийскими и минометными вспышками.

Всегда корректный штурман эскадрильи Степан Галанов ругается, на чем свет стоит честит метеорологов:

— Опять ветродун подвели!

Котов ощущает, как тревожно забилось сердце. Самолеты подтягиваются друг к другу, покачивают крыльями. Ребята спрашивают у него, что делать. Идти ли при чистом небе на бомбежку? Повернуть ли назад? А что скажет пехота, которая уже следит за ними? Подумают, что они струсили. Нет, нет, его орлики не из таких!

Котов крепко сжал зубы. На смуглых щеках заходили желваки.

— Летим вперед! — хрипло крикнул он штурману, продолжая набор высоты.

— Вперед, орлики, вперед! — машет Галанов руками в сторону немцев.

Летчики кивками подтверждают, что все ясно. Высота тысяча двести метров. Окопы и траншеи врага как на ладони.

Внезапность на войне — большой козырь. Появление «русфанер» удивило немцев. Зачем среди бела дня прилетели они, какой подвох приготовили? Ведь даже бронированные «илы» с опаской действуют на передовой. Пока фрицы раздумывали, были выиграны драгоценные секунды.

Степан Галанов сбрасывает первую фугаску. Над окопами врага вспыхивает большой костер. Бомбят передовую и другие экипажи. Внизу вздымаются огненные столбы.

Котов торжествует:

— Получай свое, заслуженное! Это вам за братьев, за погибших друзей, за горе людское!

В эти минуты он не думает о том, собьют их или нет. Думать об этом просто некогда. Надо маневрировать, соображать, как лучше поразить врага.

Заговорили зенитки. Небо покрылось дымчатыми облачками и яркими вспышками. Сильный, но беспорядочный огонь. Видать, паникуют фрицы.

— Еще вперед! — азартно кричит Котов и направляет самолет в глубь вражеской территории. Вслед за комэском устремляется его звено. Под плоскостями самолетов — железнодорожная станция. Галанов бросает последние бомбы на товарный состав. Остальные самолеты сначала кидают бомбы, а затем поливают врагов пулеметными очередями. Внизу огромное пламя, в смятении бегают гитлеровцы.

Летчики Андрей Занин, Михаил Лебедев завершают разгром станции. Огненный смерч бушует внизу. Горят и рушатся дома, склады, вагоны.

Разыгрался солнечный день. Но он уже не страшил. Бомбовые удары сделали свое дело. Самолеты шли низко над передовой. Наша пехота распорядилась в первых линиях немецких траншей. Завидев летчиков, солдаты приветственно машут им руками.

Неожиданно Котов почувствовал тупую боль в животе. Стало муторно. Навалилась неодолимая тяжесть.

— Что-то чувствую себя неважно, — сказал он штурману в переговорный аппарат.

— Не ранили? — с тревогой спросил Галанов. — Доведешь самолет до дому?

— Доведу, — односложно ответил Котов и больше ни слова не проронил.

На своем аэродроме он прямо с ходу посадил самолет и медленно, с большим трудом выбрался из кабины. Закурил свою трубку и тихо направился на командный пункт. Подошел к столу, за которым сидел командир полка, и доложил о выполнении боевого задания.

Лицо у Котова бледное. Голос слабый, дрожащий. Все поняли, что он ранен. Командир полка встал и как можно сердечнее сказал:

— Большое тебе спасибо, Константин Иванович!

Котов отличался необычайной физической силой, всегда крепко стоял на ногах, а тут вдруг пошатнулся. Его подхватили под руки.

— Немедля в медпункт, — распорядился Изосимов.

У дверей Котов обернулся, обвел всех грустным взглядом, прощаясь, качнул головой и вышел.

Не знал комэск, что дневной полет его эскадрильи высоко оценят, что о нем и его летчиках будет говорить весь фронт.

На медицинском пункте врач осторожно раздевал Котова. Когда он стал снимать с него нательную рубашку, то увидел на груди в ложечке какое-то пятнышко. Это выступала головка пули. Как только врач извлек ее, руки Котова повисли как плети по обе стороны дивана, на котором он лежал. Константин тяжело вздохнул и сказал:

— Ох, как не хочется умирать.

...Смерть комэска потрясла всех нас. Ночью летчики снова летели бомбить врага. «Отомстим за Котова, отомстим за комэска», — писали мы мелом на бортах самолетов.

«САМОМУ СМЕЛОМУ»

Чудесное местечко с весьма невзрачным названием Болото. Наш аэродром. Зеленый лесок укрыл самолеты. В голубой дымке виднеется Белев со своими церквушками. Вдали серебряная гладь Оки.

Мой друг лейтенант Лукин, сидя прямо в траве, читает письмо.

— Натворил хлопот, Иван, — говорит он с добродушной усмешкой, поглядывая на меня.

А дело было так. Решил написать я в газету «Комсомольская правда» о том, как Лукин со штурманом Антипиным летали на бомбежку немецкого аэродрома. Сказано — сделано. Что тут началось! В полк посыпались письма.

Каких только не было адресов: «Самому смелому», «Лучшему из лучших», «Летчику без страха и упрека», «Рядовому бойцу», «Командиру, комиссару полка». Это была самая обильная почта за все время войны. Тысячи ласковых слов и страстные призывы к беспощадной мести, клятвы и обещания еще крепче, ударней работать в тылу.

— Представь себе, Иван, пишет мне из моего города Таня Семенова. Послушай.

И Андрей прочитал мне:

«Здравствуйте, незнакомый лейтенант Лукин! Извините за беспокойство. Не удивляйтесь. Я прочла в газете заметку о Вас. Очень приятно знать, что Вы метко разите проклятых фашистов. Благодарю Вас и Ваших товарищей за точные бомбовые удары по врагу.

Я знаю: Вам трудно. Вы ежеминутно рискуете самым дорогим — своей жизнью. Но дело, за которое Вы стоите, свято и дорого. Помните, на Вас с надеждой и любовью смотрит весь советский народ. Мы верим Вам и не сомневаемся, что Вы победите.

Безжалостно бейте фашистских разбойников — двуногих зверей, принесших на нашу землю пожары и разрушения, горе и муки. Мстите за все злодеяния, за моего отца, которого убили они на этой проклятой войне.

Мы гордимся вами, наши любимые фронтовики, и будем в тылу помогать вам всем, чем можем.

Недавно мне исполнилось восемнадцать лет, но я уже окончила курсы медсестер и работаю в госпитале. Вижу, как здоровых мужчин калечит война. У меня от жалости болит сердце. Делаю все, чтобы облегчить их участь, вылечить, поставить на ноги.

Не жалею своей собственной крови и уже отдала для спасения бойцов два литра крови. Живу работой. Иногда сутками не ухожу из госпиталя. Как-то раненым показывали кино «Воздушный извозчик». Сам Жаров исполнял роль летчика. Это было превосходно. Все улыбались и забывали о своих болячках и недугах.

В свободное время я помогаю маме по хозяйству. Очень люблю играть на гитаре и петь песни.

Желаю вам, наши соколы, крепкого здоровья и боевых удач! Предлагаю свою девичью дружбу. Пишите мне, я буду рада. Танюша Семенова.

— Видать, славная девушка. Предлагает начать переписку. А я-то женат. Не стоит кружить голову честной душе... А от жены давненько нет никаких вестей. Что с ней, не пойму. Камень у меня на сердце, — морща брови, хмуро говорил Андрей.

— Ответь землячке. Поблагодари за добрые чувства. Уж больно теплое письмо, — посоветовал я.

Лукин промолчал.

...Шла напряженная боевая работа. Андрей, как и все, почти ежедневно летал на бомбежку. Про него говорили, что он лезет в самое пекло. Только в последние дни они со штурманом Антипиным разбомбили семь вражеских эшелонов, а вскоре прямым попаданием фугасной «сотки» разнесли дом, в котором размещался штаб фашистской дивизии.

Лукин рассказывал мне, что пошел на войну добровольцем. Еще в сороковом году, после аварии самолета и перелома обеих ног, Андрей был уволен из армии. Когда же началась война, он целый месяц осаждал военкомат и добился-таки отправки на фронт.

— Иначе не мог. Совесть бы замучила, если бы остался в тылу, — говорил мне Андрей. — Мой отец, старый вояка, бил немцев еще в империалистическую, перед смертью наказывал смело громить фашистов.

Лукин давно зарекомендовал себя отличным летчиком.

Но меня настораживало безрассудство, с которым он летал в последнее время. Я частенько встречал его хмурым.

— Не узнаю тебя, Андрей. Что с тобой? Что приуныл? Ведешь себя странно? — как-то спросил я.

— Полгода от жены нет писем, а мать отвечает, что дома все в полном порядке. Боюсь, тут что-то не так. Жена у меня красивая, хоть кого сведет с ума. Неужто нашла другого? Хочу побывать дома, узнать, что там? Командир полка обещал выхлопотать отпуск. Его и зарабатываю, — признался Андрей.

Осенью мы провожали Лукина домой. Нарядили как жениха. Один дал ему фуражку, другой — почти новую шинель, третий — хромовые сапоги.

И вот Лукин в родном городе.

Он торопливо вышел из трамвая, почти бегом добрался до своего дома, взлетел на третий этаж. Позвонил в свою квартиру. Дверь ему открыла чужая женщина.

— Кто вы? — спросила она.

— Я — муж Марии Никандровны.

— Как муж? Она сказала, что вы погибли на фронте! И уехала с новым мужем в другой город.

Андрея как обухом ударили по голове. Он побледнел, повернулся и, не говоря ни слова, медленно спустился по лестнице, еле-еле доплелся до трамвайной остановки. Доехал до домика матери.

С радостным изумлением мать бросилась к нему на шею, долго обнимала и целовала. Она заметно осунулась, похудела, выглядела совсем маленькой, всего-то ему до плеча. Раньше Андрей этого не замечал. Мать всегда казалась ему большой и сильной. Появление сына ее взбодрило.

— Единственный, ненаглядный. Жив, Андрюшенька, жив! — восклицала она. И тут же засуетилась: — Снимай шинельку, умывайся, я мигом накрою на стол, покормлю тебя, — и ушла на кухню.

Вскоре на столе с белой скатертью весело запыхтел самовар, знакомый Андрею с детства. Появилась бутылка вина. Из вещевого мешка он достал буханку хлеба, банку мясных консервов.

Тяжело было на сердце у Андрея. Он все ждал, что мать заговорит о Марии. Но она избегала его вопросительных взглядов, оттягивала неприятный разговор.

Андрей не выдержал:

— Как же это, мама, с Марией? — спросил он, еще надеясь на что-то. — Все правда?

— Да, Андриуша, все правда. Сначала ждала она, тосковала. А в последний год загуляла. Надоело, говорит, ждать. Жить хочу, молодость проходит. Мужиков стала водить, а недавно с каким-то уехала. Виновата я. Не писала тебе правду. Но не расстраивайся. Ты у меня сильный. Переживешь. Не терзай душу, — покашливая, глуховатым голосом говорила она.

Андрей кусал губы, ладонью вытирал непрошенные слезы. Слишком любил он эту красивую ласковую женщину. Нет, все кончено. Не побежит он искать ее, не простит измены!

...Несколько дней как очумелый ходил Андрей по улицам города. Все смотрел, не покажется ли знакомая фигура жены. По вечерам топил свое горе в вине.

Мать уговаривала забыть изменницу.

— Проподи она пропадом. Еще встретишь добрую девушку, лучше прежнего заживете, — утешала она.

В самом деле, стоит ли мучиться и переживать? Под руку попало письмо той девушки, Тани. Лукин внимательно перечитал его. Ему захотелось увидеть ее.

Набравшись решимости, Андрей теплым солнечным вечером разыскал на окраине города двухэтажный деревянный дом, в котором жила она. Поднялся на второй этаж и постучал.

Дверь открыла русоволосая девочка среднего роста в коричневом школьном платье. «Неужели письмо было от этой маленькой, хрупкой пташки, а может, от ее сестры?» — подумал Андрей и сказал:

— Я Лукин. Это вы писали мне на фронт?

Девушка покраснела, кивнула головой. Летчик вошел в прихожую.

На пороге большой комнаты Андрей нерешительно остановился. Он, как и девушка, был смущен и растерян.

— Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь, — пригласила девушка.

— Вы Танюша? — все еще сомневаясь, спросил Лукин.

— Да, — еще больше зардевшись, подтвердила она. — Я не ждала вас. Вы как с неба. Просто не знаю, как с вами быть. Может, угостить чаем?

— Нет, не надо, — сказал Андрей.

«А она хоть и хрупкая и тоненькая, а симпатичная, есть в ней

что-то привлекательное», — подумал он и сказал, надеясь, что она не откажется:

— Знаете, Танюша, пойдете в сад. Я проходил мимо, там чудно играет музыка. И я все вам объясню. А здесь мне как-то неудобно.

— Пойдемте, — согласилась девушка. — Я только чуток приведу себя в порядок.

Она вернулась из своей комнаты преображенная — в прозрачном голубом платье, воздушная, легкая. Волосы заплела в косу, на которой сиял большой синий бант.

На танцевальной площадке молодежи наперечет. Почти нет молодых мужчин. Все больше кружились девушки друг с дружкой.

Андрей бережно танцевал с Таней. Оба молчали. Ее белая рука почти невесомо лежала на его плече. Они с удовольствием покружились в вальсе, а потом, не стовариваясь, пошли по аллее старинного парка. Под ногами уже шуршали ржавые листья. Уселись на лавочке под вековым тополем, выдавшим много свиданий.

— Все это как сказка, — произнес Андрей. — Я только сейчас увидел, что жизнь по-прежнему хороша. Есть еще в ней солнце и радость.

Лукин без утайки рассказал Тане, зачем он приехал в родной город, как больно ранила его измена жены и чуть не сломала.

— Но встреча с тобой, этот вечер все во мне перевернули. На моем горизонте загорелся новый огонек.

— Слишком красиво говорите, лейтенант, — тихо сказала Таня. — Только увидели меня — и сразу огонек! Не верится...

— Ох, Танюша, мне и самому не верится. Горечь мутила меня. Жизнь казалась мрачной. И вдруг тебя мне судьба послала. Не отталкивай. Будем друзьями. И, пожалуйста, зови меня на ты.

— Попробую дружить с тобой. Ну, а сейчас мне пора домой. Уже темнеет.

Андрей несмело взял ее под руку. Попросил разрешения прийти еще.

Отпуск теперь у него летел стремительно — так, как прежде мучительно тянулся. Он часами у дверей госпиталя дожидался Таню, а когда выпадали счастливые минутки, ходил с ней на крутой берег реки, в старый парк.

Лукин оттаивал. Горе выветривалось и перегорало. Ночами во сне он видел легонькую, воздушную девушку с большими голубыми глазами, изумленно и пристально смотревшими на него. Эти ласковые глаза преследовали его и днем.

Летчики любят синий цвет. Это цвет широкого раздольного неба, родной их стихии. Андрей не знал как для других, но для него синий цвет был милым и желанным.

Его все больше тянуло к Тане. В ее уютной комнатке, стены которой были увешаны цветными афишами с фотографиями знаменитых артистов, он забывал, что где-то идет война, что скоро ему предстоит вернуться в этот крошечный ад.

Танюша пела ему под свою подругу-гитару радостные и грустные песни. Андрей с большим трудом сдерживался, чтобы не схватить девушку в свои объятия и жарко расцеловать. Однажды все же притянул ее к себе. Она отчаянно отбивалась:

— Не надо, Андрей. Нельзя! Убери руки!

Мать Тани, Екатерина Васильевна, строго пропесочила Лукина:

— Смотри, Андрей, не трожь дочку. Отец у нас погиб на фронте. Кроме меня, за нее заступиться некому. Танюша совсем дитя. Если хочешь поразвлечься, не кружи ей голову. Ищи себе другую.

Андрею пришлось извиняться и оправдываться.

— Что вы, Екатерина Васильевна, у меня к Танюше самые лучшие чувства. Люблю ее. Готов хоть сейчас жениться.

— Так-то оно так. Да сам знаешь, война. Тебе скоро на фронт. Иди, воюй, возвращайся с победой. Тогда и поговорим. Не обессудь, не мальчишка, сам понимаешь...

Андрея как магнитом тянуло в старый деревянный дом на окраине. Он готов был все время проводить с Танюшей. Дарил ей всяческие безделушки.

В этот вечер он с таинственным видом подал ей какую-то продолговатую коробку, завернутую в бумагу.

— Ну, Андрюша. Не можешь без этого. Опять принес какой-то сувенир, — с любопытством развертывая бумагу, говорила девушка.

— А ты, Танюша, только взгляни. Понравится — возьми, не понравится — в окошко выброси, — пошутил он.

Она открыла коробку. Там лежали яркие, как вишни, бусы. Быстро надела на свою белую тонкую шею. Посмотрелась в

зеркало. Расплылась в улыбке. Приподнялась на носках, обняла Андрея за широкие плечи и коснулась губами его щеки.

— Красивый, наверное, дорогой подарок, — покачала головой.

— Пустяки. Не будет меня, наденешь, вспомнешь!

— Дурачок. Я и без камешков не забуду.

...Время отпуска промелькнуло незаметно. Трудным было расставание. На многолюдном перроне вокзала, прощаясь, Андрей и Таня поклялись друг другу в любви.

— Только смерть сможет вырвать тебя из моего сердца, — говорил, волнуясь, Андрей обычные банальные слова.

Таня, привстав на цыпочки, крепко поцеловала его в губы и шепнула, что будет ждать, сколько бы ни пришлось.

Раздался прощальный гудок. Поезд тронулся. Андрей стоял у открытых дверей тамбура и долго махал рукой. В нем жила надежда, что он вернется в родные края, увидит милую маму и свою желанную, родненькую Танюшу.

...Андрей прибыл в часть. Он показал мне фотографию Тани. С фото пристально смотрела на меня большеглазая девушка с косой, в которую была вплетена широкая лента с фигуристым бантиком. Глаза девушки улыбались, а губы были плотно сжаты.

На оборотной стороне фотографии крупным, почти детским почерком было написано: «Моему суженому Андрюше. Бей крепче фашистов и скорей возвращайся с Победой! Твоя Танюша!»

— Я верю Танюшке. Она дождетя меня. Только бы дожить до победы, — задумчиво произнес Лукин. — А ведь все началось с твоей легкой руки. После статьи в «Комсомолке» письма-то пошли. На Танюшкином было написано «Самому смелому». Предстоит теперь отрабатывать.

— Смелого пуля боится, — улыбнулся я.

— После войны, живы будем, на свадьбу приезжай.

— Обязательно.

...Закончилась война. Андрей получил назначение в бомбардировочный полк на Дальний Восток. Он заехал в родной город за своей Танюшей, они сыграли веселую свадьбу и уехали туда, где восходит солнце.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИВАНА ДУДРОВА

С Иваном Дудровым мы подружились жарким летом 42-го года, когда наш полк находился на Воронежском фронте. Жили мы в большом ветхом сарае на опушке дубовой рощи, спали на душистом сене. Моим соседом оказался уже немолодой, лет за тридцать, высокий летчик с худощавым лицом, с белесыми бровями, из-под которых смотрели дружелюбные глаза. Это был Иван Петрович Дудров.

Утром перед завтраком он доставал из вещевого мешка зеленую кружку и чайной ложкой хлебал из нее топленое масло.

— Нравится? — спросил я.

— Куда там! — с брезгливой гримасой отозвался он. — Живот побаливает. Боюсь, не язва ли? Масло старушка одна присоветовала. Натощак. К врачам не иду, чего доброго в обоз спишут, а времечко горячее, самая пора воевать.

Наш полк после переформировки в тылу только что прибыл на фронт, и многие из новичков побаивались летать ночью. Опыта не было. Но Дудров смело ринулся в бой. Летный стаж у него приличный. Много лет он был летчиком-инструктором в одном из киевских аэроклубов и крепко держал в своих руках штурвал самолета.

— Жил я на Брест-Литовском шоссе. Есть такая красивая улица в Киеве, — рассказывал Иван Петрович. — Квартира у меня нельзя сказать, чтобы очень просторная. Но всем, кто приходил ко мне, находилось место. Часто заглядывали курсанты, друзья. Под окнами всегда торчали мальчишки. Только выглянешь, кричат: «Дядя Ваня, возьми с собой на полеты!» Ладно, говорю, огольцы, поглядим на ваше поведение.

Очень хвалил Дудров свой Киев. Приглашал после войны, если уцелеем, в гости.

Вспоминал он мирное житье, свою семью, своих золотоволосых шустрых дочурок и хлопотунью жену. Он отдыхает, а девушки забираются к нему на кровать, теребят его и требуют: «Папка, расскажи сказку». И он рассказывает им про Василису Прекрасную, про Ивана-царевича, про старика и старуху, про золотую рыбку.

Тревожился Дудров за семью. Она осталась в Киеве. Город был захвачен врагом. Ходили слухи, что фашисты зверствовали,

истребляли евреев и семьи коммунистов. Что творится там? Как узнать? Домой даже весточку не подашь!

— Выход один — гнать захватчиков в три шеи, скорей освободить нашу землю, — говорил Дудров.

И он без усталости летает на бомбежку. По несколько вылетов в ночь делает его «птица». Едва его машина касается земли, Иван зычно кричит:

— Вешай, ребята, бомбы!

Проходит десять-пятнадцать минут, и его самолет снова взмывает в воздух. Неутомимый Дудров первым в полку совершил сто боевых вылетов.

Да, золотой был летчик Иван Дудров. Трезвому цены не было. А вот выпьет — становится иным. Вино его и сгубило. Раз, другой, третий отстранили от полетов. Сам виноват, да и мы просмотрели, не одернули вовремя. Суров был приговор военного трибунала. Сорвали с него офицерские погоны, определили в штрафники. Теперь на всей его доброй репутации крест. Наши дороги разошлись. Только кровью врага, своей кровью ты сможешь, Дудров, искупить тяжелейшую вину перед народом.

Пехота. Штрафной батальон. Отныне Дудров — сухопутный вояка. На нем неказистая, поношенная шинелишка, ботинки с обмотками.

— Про авиацию забудь. Не видать тебе ее как своих ушей, — холодно сказал ему комбат.

— Не смогу. Душа моя там, в небе. Коли жив останусь, вернусь обратно, — откровенно ответил Дудров.

— Вишь какой! — подивился комбат и решил: — Определяю в роту разведчиков. Не струсишь?

Дудров лишь сердито повел бровью. А вечером, когда в роте собирали охотников на ночной поиск, вызвался без колебаний.

— Новичок? — недоверчиво взглянул на него командир роты.

— Знаю джигу-джитсу, драться умею, — запальчиво произнес Дудров.

— Ладно, пойдешь, — подумав, согласился комроты.

Темной осенней ночью группа разведчиков поползла в расположение немецких войск. Где-то далеко, между черными облаками, изредка мерцали редкие звезды. На земле было тихо и сонно. Серый туман клубился в лощинах. Белые и желтые ракеты тусклым светом освещали холмистую местность. Чуть слышно шуршала поужухлая осенняя трава.

Первым полз усатый сапер.

За ним следовал старший группы Руденко. Он держал иовичка около себя, все успокаивал: «Дорожка тут мной еще днем высмотрена, проскользнем за милую душу».

Дудров не волновался. В эти дни, когда его забрали из родного полка, лишили возможности летать и разжаловали, он много передумал. «Что посеял, то и пожал. Получил вполне по заслугам. Теперь сам расхлебывай эту кашу, смывай с себя грязь». Ему не терпелось повстречаться с живым немцем. Больше года воевал, а лицом к лицу не сталкивался с врагом. «Попадешь мне в лапы, покажу русскую хватку», — думал Дудров.

Небольшая остановка. Они ждут, когда сапер проделает проходы в проводочных заграждениях и минных полях. Вскоре усач подползает к ним и шепчет:

— Дорожка открыта. Двигайте с богом!

Сапер отползает в тыл. А четверо разведчиков в маскхалатах уходят в ночную тьму.

Минут тридцать они передвигаются по вражеской территории, озираясь и прислушиваясь. Вот до них доносятся звуки немецкой речи. Очевидно, это боевое охранение. На ловца и зверь бежит. Два гитлеровца стоят недалеко, покуривая.

Разведчики, затаив дыхание, подползают совсем близко к врагам. Еще мгновение — и они бросаются на фашистов, оглушают их прикладами, суют кляпы в рот, связывают и тащат к своим позициям.

— Черт попутал, — тихо ругается Руденко. — Сбился с дороги. Темнотища, хоть глаза выколи.

— Сюда, старшой, — показывает направление Дудров. — Вот они, наши звездочки светят, — говорит он, приглядываясь к еле мерцающим в небе горошинам.

Где ползком, где полусогнувшись, тащат они свою нелегкую добычу.

Уже сидя в своем блиндаже и раскуривая трубку, Руденко одобряюще сказал Дудрову:

— Да ты, видать, сметливый парень. Теперь два «языка» на твоем счету.

...Дни, вернее ночи, стремительно бежали. Дудров вызывался на самые опасные задания. Ходил по немецким тылам, выяснял расположение вражеских частей, совершал диверсионные акты.

Временами приходилось туго, но из самых сложных переделок он выходил с честью.

— Я же летчик-ночник. Ночка — моя подружка, — посмеивался Дудров.

«Наш сухопутный летчик» — так прозвали его пехотинцы. Дудров стал известен не только в своем батальоне, но и в полку и дивизии. Но ползая и топя по земле, он все время с завистью смотрел на пролетавшие в небе самолеты. Удачные фигуры истребителей вызывали у него восхищение.

— А смог бы ты такое завернуть? — спрашивали дружки.

— С Рычаговым летал на СБ крыло к крылу! Эх, славные были деньки! — задумчиво говорил он.

Шли кровопролитные бои под Изюмом. Батальон в окружении. Падали как подкошенные убитые и раненые. Вот пуля сразила командира роты разведчиков.

В этот тяжелый момент Дудров взял командование в свои руки. Шуткой, добрым словом, личным примером подбадривал он людей, не допуская паники.

— Не вешай носа, братва! Есть еще пули в автоматах, не иссякли гранаты. Жив Иван Дудров, в небесах не сгинул, а на земле тем более не убьют. Выше головы, орлы!

Его бодрый голос магически действовал на людей. Любили в роте Дудрова и охотно подчинялись ему. Раз жив их «сухопутный летчик», то с ним, конечно, не пропадешь!

Наступившая ночь помогла им. Немцы ослабили натиск. Бойцы шатались от усталости. Раненые еле брели. Всех тревожила одна мысль: как вырваться из окружения?

— Не волнуйся, братва, выберемся. Эвон какие красивые звездочки на небе!

Очень и очень пригодилось Дудрову знание астрономии! Ориентируясь по звездам, он вел сквозь леса остатки своей роты. Больше двадцати километров отмахали они лесными тропами, а когда рассвело и на опушке леса показалась деревушка, их окликнули. Это были свои.

Так Иван Дудров искупил свою вину. По ходатайству командования с него сняли судимость. А он грустит и грустит по авиации: «Эх, вернулись бы старые деньки! Хочу летать. Я ведь летчик с рождения».

...Прошло полгода. О Дудрове не было никаких известий.

След его сгинул, затерялся на опасных тропах войны. Никто у нас в полку не думал и не гадал, что Иван объявится.

Но вот однажды весенней порой дверь в наше общежитие открылась. На пороге с котомкой за плечами, в серой шинели, в ботинках с обмотками, стоял подтянутый, худощавый человек. Он подошел ближе, и все мы увидели знакомые черты: белые брови, глубокую складку на переносье и тонкие, умеющие складываться в ироническую улыбку, губы, слышали мягкий голос:

— Красноармеец Дудров определен к вам на должность пилота.

Иван снял заношенную шапку-ушанку и обнажил стриженую голову. Глаза его смотрели прямо и честно.

Жив, старый летун! Прибыл к нам начинать свой путь сначала. Говоришь, тоскуешь по небу? В пехоте не смогли тебя удержать? Значит, душа у тебя наша, летная! Что ж, давай принимайся за дело!

Несколько тренировок — и опять Дудров твердо держит руль управления. Самолет снова послушен ему. Иван Петрович много и жадно летает. Двенадцать мастерских посадок у партизан в глубоком вражеском тылу приносят ему первый орден. Еще месяц — и офицерские погоны появляются на плечах.

Любую боевую задачу Дудров выполняет безукоризненно. Только вот в одном не узнать прежнего Ивана: к спиртному охладел. После полетов положены сто граммов фронтowych.

— Нет уж, увольте. Зарок дал водки в рот не брать, — твердо говорит он.

...Желанная летная работа. Каждодневный риск.

Как-то пришлось Дудрову попасть под ураганный зенитно-пулеметный огонь. Острая боль обожгла бок и правую ногу. Он старался держаться, продолжал полет. Но кровь наполнила унт. Силы стали уходить. Он понял, что до цели не дотянет, и повернул самолет на передовую.

— Ранило меня. Бей по фашистам! — подал он команду штурману.

Бомбы были обрушены на врага.

На своем аэродроме штурман Дудрова дал красную ракету — сигнал аварийной посадки. Летчик собрал последние силы и посадил самолет.

Иван Петрович попал в госпиталь. Едва оправившись, он пишет в полк о том, что рана уже заживает. Пусть не сомневаются, Дудров еще полетает!

И правда, летал он до самой Победы.

...Не довелось мне, к сожалению, после войны свидеться с Иваном Петровичем. Когда я появился в его квартире на Брест-Литовском шоссе, то увидел высокую седоватую женщину — его жену Марию Дмитриевну и стройную дочь с розовощеким мальчиком на руках.

Обе волновались, не зная куда меня усадить и чем угостить. Всплакнули. Оказывается, Иван Петрович умер. Сказались раны и испытания, выпавшие на его долю на фронте.

Листаю альбом с фотокарточками, читаю сохранившиеся письма.

Жена бережно вынимает из комода красненькие коробочки с орденами и ставит их на стол. Их три. Вот они, сверкающие эмалью ордена Красного Знамени, Отечественной войны и Красной Звезды.

Да, вернулся домой Дудров с почетом, восстановив свое доброе имя.

— Видать, папка наш крепко бил фашистов, — задумчиво говорит дочь.

— Воевал смело, — подтверждаю я.

— Он никогда не жалел себя, — тихо роняет жена. И затем скупно вспоминает счастливые годы совместной жизни, горькие годы оккупации, когда ее как жену коммуниста схватили гестаповцы и отправили в Бабий яр. Лишь чудом она спаслась от гибели.

— Сейчас вот воспитываю внука. Хочу, чтобы он вырос таким же храбрым и боевым, как дед, — говорит задумчиво Мария Дмитриевна.

В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

На дворе крутила метелица, застила небо, гнала косматую поземку. Было ясней ясного — погода нелетная. Выходит, удастся нам традиционно, как это делали наши отцы и деды, весело встретить Новый год.

В длинном каменном амбаре, приспособленном под столовую, установили пышную елку, украсили ее цветными игрушками. Столы накрыли белоснежными простынями, собрались сервировать.

В общежитии ребята готовились к празднику. Кто добрился, кто подшивал чистый подворотничок к гимнастерке, кто до блеска надраивал сапоги. Наш запеваля Василий Савинский тянул тенорком: «Де ты бродишь, моя доля? Не докличусь я тебе». Мишка Бочкин отстукивал чечетку. Лева Циркин твердил стихи Пушкина: «Скажи мне, кудесник — любимец богов, что сбудется в жизни со мною?»

Василий Грязнов, высокий белокурый, слегка курносый летчик, поблескивая большими карими глазами, читал письмо с Урала от своей ненаглядной женки. Кстати, очень кстати пришло оно. Леночка поздравляла с Новым годом, писала, что любит, тоскует, вспоминала, как они вместе встречали предвоенный Новый год, много танцевали, кидались снежками и со смехом валялись в снегу.

Волнующим было известие о том, что его сынуля, этакий розовощекий малыш с пушком светлых волос на головке — Вася-Василек (он родился уже без него и был назван так в честь своего батьки) — впервые пролепетал «папа» и на вопросы взрослых «где папка?» к всеобщему удовольствию показывает на небо (мол, папка летает!). К письму были приложены рисунки: «Вот это его ручки. Это его ножки. По ним ты можешь судить, какой богатырь растет!» — писала Леночка.

Василий представил себе румяненскую, пухленькую женку. Ой, как хотелось вернуться к ней, прижать ее к сердцу, взглянуть на своего малыша!

Общежитие гудит как пчелиный улей. У всех шумные разговоры, настрой на праздник, предвкушение посидеть в дружеском кругу за песней и чаркой.

Но к ночи ветер стих и метель улеглась. Сквозь тучи выглянуло темно-синее небо с золотистой луной и хрустальными звездами.

Громко хлопнув дверью, в общежитие врывается адъютант Костик Ланин. Он своим простуженным голосом хрипло провозглашает: «Кончай банк! Все на КП. Получена боевая задача».

Делать нечего. Новогодний «бал» отменяется до возвращения

из полетов. Летчики торопливо натягивают меховые комбинезоны, надевают унты.

— Зря побрился. До утра щетина вылезет, — ворчит штурман Бочкин.

— Что ж, Василий Иванович, поздравим фрицев с праздником, сыграем вальсок на бомбах! — воинственно говорит Грязнову его штурман Лева Циркин — небольшого росточка паренек, с пистолетом в кобуре, который клонит его своей тяжестью вправо.

— Поздравим, а то заскучают без музыки, — улыбается Василий.

...Взлетают зеленые ракеты, самолеты один за другим уходят в воздух. Разыгралась лунная, звездная ночь, полная надежд и светлых ожиданий.

У Василия отличное настроение. Письмо жены всколыхнуло его. Он твердо верит в светлое будущее. Скоро закончится война, и они с Леной заживут на славу. Ну, а если что и случится с ним, то там, в городе на Каме, останется его сын, продолжение его рода. Он не забудет своего отца.

Экипаж летит бомбить железнодорожную станцию. Внизу безмолвная, чуть белеющая снегами земля. Изредка мелькают огоньки. Передовая. На ней незаметно обычной большой активности. Вспыхивают разноцветные ракеты. Лениво переговариваются пушки и минометы. Видать, и немцы собираются отметить Новый год.

Спокойно проскочили линию фронта. Внезапно исчезли месяц и звезды. Наступила такая темень, хоть глаз выколи. Василий зачитывался Гоголем. Он помнил наизусть многие строки его рассказов. Сейчас ему пришел на ум кузнец Вакула с красавицей Оксаной.

— Смотри-ка, обстановочка совсем по Гоголю, — усмехнулся Грязнов. — Хитрый черт украл месяц и звезды.

— Что говоришь? — недоуменно спросил штурман.

— Ты что, Левка, Гоголя не читал? — удивился Грязнов.

— Читал когда-то, а что? — переспросил штурман.

— А вот то, что в небе ведьмы с помелом носятся. Черт веселится, штучки-дрючки выкидывает.

— Ну и пусть, нашим лучше. Темнота нам на руку, — раскумекал Циркин.

В лицо дует колючий ветер. В открытых кабинах прохладно:

как-никак по земле ходит Дед Мороз. Монотонно, усыпляюще рокошет мотор. Василий, как всегда, автоматически работает ручкой и педалями, выдерживая заданный курс.

В голове думы и думы. Сейчас его малыш, наверное, уже в кроватке, спит блаженным сном, раскинув на белой подушке розоватые ручонки. В большой комнате сияет огнями новогодняя елка. За праздничным столом в сиреновом платье его Лена, в любимом своем коричневом костюме, в белой сорочке с красным галстуком отец, в зеленом платье мама. Они собираются провозгласить тост за то, чтобы скорей сгинул немец, чтобы наступил желанный День Победы.

Раздумья Грязнова перебивает штурман:

— Командир, приближаемся к цели.

— Ясно, — откликается Василий, напряженно всматриваясь в темноту. Он выключает газ, чтобы бесшумно подобраться к врагу. Теперь Циркин весь сосредоточен на том, чтобы правильно выйти на станцию и метко отбомбиться.

— Левушка, не торопись. Действуй спокойно. Врежь им как следует!

— Будет сделано, командир, — откликается штурман. Он сбрасывает одну за другой три светящихся бомбы. Они на парашютах медленно плывут к земле, освещая станцию. Виднеются темные коробки вагонов и бочонки цистерн. Невдалеке от станции выплывает из мрака большой каменный дом.

— Ну, попались, вражины! — с азартом говорит Лева. — Давай левее, левее. Так, ладно.

Самолет вздрагивает. Первая фугаска пошла вниз. Мгновение — и белым пламенем вспыхивают цистерны.

— Еще заходик! Тут их густо! — кричит Циркин.

Снова вздрагивает самолет.

— А теперь давай вон на тот барский дом. Наверняка там фрицы банкет закатывают.

Летят последние бомбы. В черное небо поднимаются столбы огня и дыма. От дома отваливается целая стена.

Внезапность — большой козырь. Зенитчики не успели сделать по самолету ни одного прицельного выстрела. Экипаж на предельной скорости возвращается домой. Позади полыхает огромное зарево.

— Молодец, Левушка. Вишь, какую иллюминацию разожгли. Не грешно будет поднять и новогодние чарки, — говорит Грязнов.

Приближалась передовая. Василий посмотрел на часы. Стрелки подходили к двенадцати.

— Мать честная, опаздываем. Поздравляю, Левушка, с Новым годом! Пусть он принесет победу!

— Поздравляю и тебя, командир! — отозвался Циркин.

Внизу передний край. И в это время совсем по Гоголю черт обратно вывалил из мешка украденные им месяц и звезды.

— Красотища-то какая! — воскликнул летчик. Его обуяла радость: дали фрицу по мозгам, сами возвращаются домой без единой царапины. Василий резко отдал ручку от себя и ввел самолет в пики, из которого вышли низко над траншеями своих войск.

— Ура-а-а, друзья! С Новым годом, со скорой победой! Привет доблестной царице полей! — громко кричал Грязнов, выставив голову за борт и помахая рукой в краге.

Самолет бесшумно планировал. Фигуры в белых маскахалатах, похожие на призраков, вдруг ожили. Они вздымали руки к небу, подбрасывали шапки и каски и горячо благодарили летчиков за это удивительное приветствие.

...Через несколько дней из агентурных данных стало известно, что при налете на станцию было уничтожено более десятка эшелонов с горючим и боеприпасами и разрушено офицерское общежитие, в котором нашли могилу свыше сорока гитлеровцев.

КАЛОША

Без обыкновенной калоши, которая надевается на мохнатый унт, на нашем фронте летчикам прямо крышка. По календарю на дворе еще зима, а кругом лужи и апрелем пахнет. Ясно-понятно, без калош не обойтись! Запросто хворь подхватишь. А с ней какой ты вояка!

Именно в такую-то пору штурману Савицкому не повезло — без калоши остался. Приключилось это на пятом вылете. Четыре раза за ночь слетал — все было в норме. А тут как назло один БАС — фанерная кассета, начиненная мелкими бомбами, — неловко повернулся под плоскостью и завис. Савицкий дергал, дергал бомбосбрасыватели — все без толку.

Летчик тоже смекнул неладное, и так и эдак бросал, вертел машину, аж в глазах потемнело. А проклятуший БАС висит себе и висит как приваренный и падать не хочет. Что делать? Не возвращаться же с бомбами на аэродром! От стыда сгоришь. Да и садиться опасно.

Оставался только один выход — попытаться столкнуть кассету. Штурман стал выбираться из кабины.

— Ты что, Федя! — тревожно закричал летчик, напрасно стараясь перекрыть свист ветра и рев мотора. — Не смей! Назад! Назад!

Но штурман уже шагнул на плоскость. Присел. Ухватился одной рукой за край кабины, другой — за стальную ленту-расчалку. Опустил ногу вниз и стал нащупывать застрявший БАС. Сердитый ветер старался сбросить его с крыла. А он упрямо мотал и мотал ногой, наконец уперся в коробку, ударил ее изо всей силы. Но она даже не шевельнулась. Видать, крепко заело.

Минутку отдохнул, отдышался. Снова стал шарить ногой по низу. Нащупал злосчастную коробочку с бомбами и принялся дубасить по ней.

Приближалась передовая. Бешено стреляли зенитки. С высоты они выглядели маленькими безобидными огненными точками. Савицкий не думал о том, что самолет могут сбить. Его заботило одно: как избавиться от смертоносного груза? Во всю мочь он лупил и лупил по басу, не обращая внимания на сильную боль в ноге.

И ящик с бомбами наконец оторвался!

В это время поблизости ухнул зенитный снаряд, и Федора обдало запахом гари. Штурман с трудом ввалился в кабину, прислонился к спинке сидения и почувствовал, как учащенно бьется сердце и неприятно липнет к телу мокрая рубашка.

Когда вернулись на аэродром, Савицкий заметил, что на левом унте нет калоши. Была и пропала. Федор горько сетовал:

— Досада, калошу потерял! Как я теперь без нее буду? На одной ноге, что ли, прыгать?

А о том, что недавно был на волосок от смерти, никому даже словом не обмолвился.

Друзья же смеялись:

— Нет худа без добра. Твоей калошей наверняка фашиста насмерть прихлопнуло.

Сергей Чашин, как и многие из нас, попал в полк из аэроклуба, где работал инструктором. Летчиком был он первоклассным. Но не гордился, не бахвалаясь, держал себя скромно.

Выделялся он своим видом: был ярко-рыжий, веснушчатый. Не только скуластое лицо его, но и шея, и грудь горели коричневыми пятнышками. Удивлял он нас и тем, что много времени просиживал за «Русско-немецким разговорником», который раздобыл по случаю.

Мы посмеивались:

— Не к фашистам ли в гости собираешься, Серега?

— А что мне! Я рыжий. За арийца, небось, сойду, — отшучивался он и серьезно добавлял: — Язык противника надо знать.

В ту пору никто не думал, что маломальское знание немецкого языка спасет Чашину жизнь.

...В одну из зимних ночей, когда над землей дико выла метель, командир полка получил приказ срочно доставить десанникам взрывчатку. Кто сумеет проскочить к ним в такую жуткую непогоду? Выбор пал на Чашина.

И вот тяжелогруженный самолет пробивается сквозь лютующий белый буран. Ветер нещадно качает и кренит машину, стараясь опрокинуть ее, разломать.

Человек в кабине весь в напряжении. Он до боли в глазах всматривается в снежную пелену, зорко следит за приборами, за картой. Руки не выпускают руля. Ноги словно приросли к педалям. Одно неверное движение — самолет свалится на землю и разобьется. Чуть отвлекись, ослабь внимание — собьешься с курса, заплутаешь в белой мгле.

Два часа с лишним проходят в тяжелой борьбе с непогодой. Судя по времени, десантники где-то близко. Сергей ведет машину к земле. Всматривает посадочную площадку, обещанные костры. Ничего нет. Лишь угрюмо смотрят на него острые пики деревьев.

Самолет кружит и кружит над лесом. Внизу по-прежнему темным-темно. «Уж не заблудился ли? — думает Чашин. — Нет. Вон проглядывает шоссе с характерным изгибом. Какого же черта не сигналият? Дрыхнут, что ли!»

И вдруг замелькали огоньки. Смутно виднеется ровная по-

лоска земли. Снова манящие огоньки. Кто же в такое ненастье может ждать, как не свои! Летчик повел самолет на посадку.

Поле было ровное, укатанное. Машина села и шла, замедляя ход. Чашин облегченно вздохнул, почувствовав твердую землю.

Но что это? К самолету с факелами бежали солдаты в темно-зеленых шинелях, в головных уборах с кокардами. «Фрицы», — догадался Сергей. Тотчас неприятно засосало под ложечкой.

Машина остановилась. Совсем рядом оказался долговязый солдат. Он подозрительно смотрел на Чашина и спросил:

— Вер ист дас? (Кто такой?)

Сергей не растерялся:

— Их бин дойче. Гутен нахт! (Я свой. Доброй ночи!)

Немец приветливо взмахнул рукой.

Перед Чашиним лежал небольшой лоскуток поля, за которым темной стеной вздымался лес. «Хватит ли места для разбега? — подумал Сергей. — Все равно полечу. Не попадать же гадам в лапы. А погибать — так с музыкой!»

Теперь все решали секунды. Мотор был еще не выключен. Чашин резко дал полный газ и увеличил обороты. Самолет взревел, вздрогнул и понесся по полю. У самого леса с трудом оторвался от земли. Запоздалые автоматные очереди не причинили ему вреда.

— Улетел! Только меня и видели! Ауфвидерзеен! — радостно кричал Сергей.

...Еще минут двадцать кружил он над темным лесом, но десантников все же разыскал.

«ДИВЕРСАНТЫ»

Темнело. Порошил снежок. По ухабистой дороге брели две фигуры. Одеты путники были странно, не по сезону, в фуражки с авиационными «крабами», кожаные регланы и хромовые сапоги.

— Черт те что, — ругался один. — Когда, штурман, жилье? Не сбились ли с курса?

— Согласно карте скоро село, — бодро отвечал тот, что выше. — Э, да вон и избы.

— Курс давай, — буркнул первый.

— Берем правее на угол дома. Видишь огоньки? Наверняка там люди, — отозвался штурман.

Отряхнувшись от облепившего их снега, они отыскиали двери и ввалились в рубленую избу. Под потолком тускло светила керосиновая лампа. Вдоль стен на скамейках сидели нарядно одетые девушки и пели частушки. Худощавый парнишка играл на трехрядке.

При их входе пение оборвалось. Начались расспросы.

— Кто такие? Откуда?

— Летчики. Были в доме отдыха. Теперь пробираемся в свою часть, — отвечал белобрысый лейтенант.

— Ах, радость-то какая! Гостями желанными будете.

Им подали табуретки. Но сидеть не пришлось. Гармонист рванул меха, и девчата стали вызывать их в круг, прихлопывая в ладоши и рассыпая мелкую дробь каблуков.

В горнице было жарко. После мороза летчиков клонило ко сну.

— Дьявольски устали. Отдохнуть бы нам, милые девушки, — откровенно признался широкоплечий штурман.

Гостей увели в соседнюю комнату. Покормили. Хозяин уступил им свою кровать, и они, забравшись на нее, мгновенно уснули.

А утром, когда еще чуть брезжил свет, им сыграли подъем. Лейтенант-пограничник стащил с них одеяла и строго сказал:

— Сдайте оружие. Вы арестованы.

Один из летчиков выхватил из-под подушки пистолет, но тот, что был постарше, крикнул:

— Не дури, Вася! Возьмите наши пистолеты, да вот и наши документы. Вы нас не за тех принимаете.

— Ладно, разберемся. Живо одевайтесь и пошли, — отрезал лейтенант.

В большой горнице было несколько девушек. Они с презрением смотрели на ребят.

— Не проведете! Отлетались, проклятые! Еще вчера вас раскусили! Летчики. Сразу видно — одежка е чужого плеча.

Из разговоров арестованные поняли, что, пока они безмятежно спали, девчата, несмотря на ночь и пургу, сходили на заставу к пограничникам.

— Своих от чужих отличить не можете, — с издевкой в голосе сказал штурман.

— Короче! Марш на улицу! — ткнул его прикладом винтовки в спину пограничник.

Сопровождаемые холодными взглядами, под конвоем солдат они уныло поплелись по снежной дороге. Добрели до заставы. Капитан — командир заставы — спокойно выслушал летчиков, проверил их документы, а потом принялся звонить по телефону в авиационный полк.

Вскоре все разъяснилось.

— Вы уж простите моих хлопцев. В нашем районе немцы ночью выбросили десант. Их мы и ищем. Вас, выходит, взяли по ошибке, — извиняясь, говорил капитан. — А ну, покормите наших гостей, — распорядился он.

Летчик Василий Протасов и штурман Василий Гайкин с превеликим удовольствием ели из котелка горячую гречневую кашу, запивали чаем и в который раз объясняли капитану, что они, отправляясь в дом отдыха, чтобы получше выглядеть, позаимствовали у друзей регланы и фуражки. Регланы были им явно велики. Поэтому девочки и заподозрили неладное.

Вскоре летчики уселись в санную упряжку, чтобы ехать в свой полк. Когда подвода уже трогалась, раздался крик:

— Стойте, стойте!

К летчикам подбежал запыхавшийся пограничник, сорвал с головы шапку-ушанку и, поклонившись, сказал:

— Уж вы простите меня. Осечка вышла. А тех, что сброшены, мы обязательно поймаем. Далеко не уйдут.

...С тех пор у нас в полку Протасова и Гайкина в шутку стали звать диверсантами.

ЦЫПЛЯТА

Пришла весна, развезла дороги, испортила аэродром. Затруднилась подвозка боеприпасов и продуктов. Приутихла война.

Было грустно. Уже вторую неделю нелетная погода держала

нас на земле. Продукты — на исходе. Получали в день по сухарю на брата и маленькому кусочку селедки.

Мы с приятелем, подостлав комбинезоны, давили лавку в крестьянской избе. Мой земляк Андрей Занин уныло философствовал:

— Великий писатель Лев Толстой призывал быть вегетарианцами, питаться травкой.

— А где травка? Мы ее не видим. На одной водичке перебиваемся, — возражал я. — Хорошо бы сейчас чем-нибудь вегетарианским полакомиться.

— Ах, какой ты невзыскательный, человек, — продолжал Андрей. — По мне к чертовой бабушке вегетарианство! Уточку жареную подайте, мясо тушеное с подливом, поросенка с хреном!

— А икорки зернистой не хочешь? — ядовито спрашивал я.

— Хочу, человек, хочу, — безропотно соглашался Андрей.

Ворочаясь с боку на бок и глотая слюну, мы занимались болтовней, вспоминали, какие колбасы, ветчины продавались в Москве в Елисеевском гастрономе, какие яства приходилось нам потреблять в доброе мирное время.

...Шли дни, серые, нудные. Машин с продуктами до сих пор не было. Мы, как говорится, потуже затянули пояса.

Как-то хмурый вхожу в хату. В нос ударил приятный аромат.

— Что это? — спрашиваю хозяйку. — Уж не жареным ли пахивает или это обман чувств, наваждение?

— Мясо, миленький, мясо, — торжественно говорит старуха и кивает в сторону моего дружка. — Андрюша цыплятками разжился. Я их с лучком да чесночком приготовила.

От таких дивных слов у меня в животе запело.

— Садись, человек, обедать, — таким королевским жестом приглашает меня Андрей.

Я особо упрощать себя не заставил. Быстренько вымыл руки и к столу. Мне достался поджаренный румяный цыпленок. Он прямо таял во рту. Казалось, что никогда в жизни ничего более вкусного не едал. Каждую косточку я обглодал и высосал, все, что поддавалось зубам, съел.

— Живем, Андрей, живем, чудесный цыпленок! — воскликнул я. — Ну, рассказывай, где курятинкой разжился, кто снизошел к нам, голодающим?

— Нашел одно заветное местечко, — загадочно отвечал Андрей.

— А точнее?

— Военная тайна. Много будешь знать — скоро состаришься. На все мои расспросы он отшучивался. Заверял, что отыскал неиссякаемый клад, которым мы и будем пользоваться.

На другой день на столе снова появились цыплята.

Так несколько дней кряду мы подкреплялись жареной птицей. А затем обстановка разрядилась, снабженцы подвезли продукты, и жизнь вошла в нормальную колею.

Как-то, возвращаясь с аэродрома, Андрей предложил мне взглянуть на то, что осталось от нашего заветного клада.

Одержимый любопытством, я пошагал за ним в глубь дубовой рощи. На деревьях виднелись огромные гнезда, а около них сидели, громко покаркивая, грачи.

— Гляди, сколько тут куриц. Знай стреляй, потроши да поджаривай, — улыбался Андрей.

Я тоже невольно улыбнулся. Так вот, выходит, какая у нас была скатерть-самобранка! Простите нас, весенние птицы. Голод-то — не тетка.

РЫЖИЙ ШТУРМАН

Ребятишки сбились в круг. В центре его белобрысый мальчуган подбрасывал в воздух рыжего щенка, заставлял вставать на задние лапки и прыгать через хворостину. Щенок не понимал, чего от него хотели. Тонкий прут со свистом обрушивался ему на спину, и он с громким визгом бросался под ноги.

Летчики гурьбой возвращались из столовой. Невысокий, коренастый, с рыжими усиками, штурман Кедик подошел к ребятам.

— О, да это лисенок! — удивился Кедик и, проникшись жалостью к маленькому зверьку, сказал: — Вы же его совсем замучили. Того и гляди сдохнет.

— Нешто ему. Лисята живучие, — отозвался белобрысый мальчонка с исцарапанными в кровь руками.

— Откуда он у вас? — спросил Кедик.

— Дедушка поймал за деревней.
— Дедушка не думал, что вы издеваться над ним будете, — продолжал Кедик. — По всему видно — он вам не нужен. Отдайте мне.

— Мы еще не наигрались, дядя, — не соглашался бело-брысый.

— Скверно, скверно маять зверюшку, — нахмурился Кедик.

— Лисицы вредные. Курей воруют, птичек едят, — оправдываясь сказал кто-то из мальчишек.

— Вранье. Они полезные. Мышей истребляют, крыс. А это и не лисица совсем, детеныш. Грешно обижать, — стыдил ребят штурман. — Отдайте его мне.

Мальчишки смутились, пошептались, и белоголовый, тяжело вздохнув, протянул лисенка Кедиду.

— На уж, бери, дядя.

Штурман принес лисенка в общежитие и положил на свою койку. Зверек как будто понял, что его взяли под защиту. Он спокойно вытянулся на постели и лежал, не шелохнувшись, поблескивая зелеными глазами.

— Зачем тебе он?хлопот не оберешься, — сказал приятель Миша Харчевников.

— Взял, и точка, — обрезал Кедик.

— Что с ним будешь делать? — допытывался Харчевников.

— Воспитывать, дрессировать.

— Думаешь, он поддастся дрессировке? Слышите, ребята?

Кедик после войны в цирк пойдет с лисой на манеже выступать. Лиса в сапогах и при шпаге марширует по его команде. Умора, просто умора! Ха-ха-ха! — громко смеялся Михаил.

— Поживем — увидим. А пока постараюсь из лисенка штурмана сделать, — пряча улыбку в усах, говорил Кедик. — Читал я в газетах, что в Америке медведя научили летать, а куда он, бедняжка, без штурмана. Еще заблудится!

Уходя на ужин, Володя оставил лисенка на кровати. Наказал дневальному смотреть за ним. Вернувшись, он был поражен тем, что зверек блаженно спал, свернувшись клубочком.

— Ох и дите малое, умаялся, а ведь есть, поди, хочет, — рассуждал штурман. — И будить жалко.

— Сладко спит. Не разумеет, что его хозяину на боевое задание отправляться, — пробасил под ухом Харчевников. — Какую ты ему кличку дал?

— Лысько. Дома у нас с таким именем собака была. Тоже рыжая-прерыжая, — сказал Кедик и, разворачивая сверток с едой, покликнул: — Лысько, Лысько, мяса тебе принес.

Лисенок поднял голову.

— Иди, Лысько, ближе, — говорил Кедик, разрывая на мелкие кусочки мясо. Лисенок приблизился к нему, стал жадно есть.

— Лысько, Лысько, — приговаривал Володя.

Лисенок, поев, лизнул ему руку.

— Вот и познакомились, — произнес штурман и начал собираться в полет. Уходя, Кедик остановился у двери, поднял палец и назидательно сказал:

— Жди меня утром. Веди себя хорошо.

Лисенок внимательно поглядел на него и неожиданно взвизгнул.

— Жалко расставаться? Потерпи. Скоро увидимся, — успокоил Кедик.

А утром, возвращаясь из столовой после завтрака, Володя разглядел сквозь стекло лисенка, сидящего на подоконнике. Как только летчики вошли в комнату, зверек шмыгнул под кровать. Штурман присел около кровати на корточки и стал разламывать хлеб, раскладывая на полу картошку и котлеты, приговаривая:

— Лысько, Лысько!

Но лисенок забился в угол. Пришлось его вытащить и ткнуть мордочкой в еду. Он ничего не ел, снова рвался под кровать. И лишь когда затихли разговоры и все уснуло, крадучись, пробрался к еде.

После подъема Кедик смастерил из ремня от планшета ошейник и надел на зверька.

— Будем, Лысько, гулять, — тянул он его на улицу, но лисенок изо всех сил упирался. Пришлось взять его на руки.

— Завел Володя обузу, заимел дитятку, — шутили ребята.

...Бежали дни. Лисенок рос. Стал признавать штурмана, откликаться на его голос и свист. Когда Кедик возвращался с задания, Лысько встречал его. Он терся об его ноги, прыгал на колени, забирался на руки. После кормежки укладывался на койку штурмана.

Утром лисенок весело бежал на поводке в столовую, садился на скамейку рядом с хозяином и ел все, что ему давали. Иногда штурман спускал его с поводка, но лисенок не убегал далеко, по первому зову мчался обратно.

Как-то Кедик сказал друзьям:

— Завтра Лысько полетит со мной на боевое задание.

Но не пришлось Володе в этот вечер взять Лысько с собой. Дневальный недосмотрел, лисенок выскочил на улицу. Увидел насадку с цыплятами и кинулся на них. Курица отчаянно закудагала. Прибежала хозяйка и пинками отбросила лисенка. Он поднялся и вновь устремился к добыче. Женщина схватила дубину, и, приди Кедик минутой позже, едва ли его питомец остался бы в живых.

На другой день Кедик занялся воспитанием лисенка. Он вывел его на улицу, держа на поводке, подпустил к цыплятам. Лысько прыгнул в их сторону, но, получив удар ремешком, взвизгнул и присел. Несколько дней подряд Кедик подводил лисенка к цыплятам и учил уму-разуму. В конце концов лисенок перестал обращать на них внимание.

Однажды вечером штурман пришел на аэродром со своим воспитанником и провозгласил: «Сегодня мы летим втроем».

Кедик сел в кабину, посадил к себе на колени Лысько. Взрели моторы. Самолеты стали выруливать и уходить в небо. Лисенок страшно перепугался и, не будь поводка, вырвался бы и убежал.

— Экий трусишка. Дрожишь. Успокойся. Не собаки же за тобой гонятся, — успокаивал его штурман.

Вернувшись с задания, Владимир с трудом вытащил лисенка из самолета. Бедняга забился в самый хвост. Понадобилась неделя, чтобы Лысько привык к шуму мотора и качке и стал летать без боязни.

— Смотрите, друзья, Лысько охотно летает со мной. Самолет ему — дом родной, — хвалился Кедик.

Как-то, находясь на задании, штурман потерял своего рыжего дружка. Куда же он девался? Садись в кабину вместе. Уж не выпал ли из самолета? А может, остался дома? Кедик с нетерпением ждал возвращения на аэродром.

Здесь произошла радостная встреча. Лисенок, увидев штурмана, стремительно кинулся к нему, лизал руки и щеки, вилял пушистым хвостом. Получив увеличенную порцию сахара, довольный побежал за Кедиком.

Как рассказывали техники, когда самолет стал набирать скорость, на поле показался лисенок. То ли он выпал при рулежке,

то ли бежал за машиной со стоянки, неизвестно. Но, не улетев со штурманом, Лысько горько выл до самого прилета хозяина.

...Дело шло к осени. Лисенок стал большим и пушистым. Он начал часто убегать в лес. Кедик сначала просто грозил ему пальцем:

— Плохо ведешь себя, Лысько! Гулять разрешаю только со мной. Неровен час, найдется охотник до твоей шкуры.

Но уговоры не помогали. Прогулки лисенка стали учащаться. Кедик возмущился и задал ему трепку. Звереныш скалил зубы, вырывался из рук и злобно смотрел на него. При первом же удобном случае вновь скрывался неведомо куда.

Когда полку пришлось улетать на другой аэродром, Кедик хватился своего любимца. Его нигде не было. Вооруженцы видели, как он унесся в лес. Кедик пошел в дубовую рощу, до хрипоты в голосе звал Лысько, свистел на все лады, но все было бесполезно. «Ну, пропал мой красавец. Уж больше не свидимся», — горевал Кедик.

Через три дня штурману пришлось лететь на связь. Он заглянул на прежний аэродром, тая надежду, что вдруг Лысько отыщется. Самолет приземлился и порулил к стоянкам. Кедик напряженно всматривался. О чудо! К машине галопом из лесу неслась рыжая лиса. Сомнений быть не могло. Это Лысько. Лисенок запрыгнул на плоскость самолета, а затем в протянутые к нему руки.

— Золотой ты мой! Наверное, проголодался? — разворачивая сверток с едой, специально припасенный для этого случая, говорил Кедик.

Лисенок торопливо ел мясо и вилял хвостом. Владимир как бы вновь рассматривал своего любимца. Это была великолепная лисица со светлыми пахами и светлым брюшком. На ошейнике болтался коротенький кусок поводка. Наверное, Лысько его отгрыз. Он любил свободу.

— Хорошо, дорогуша, не буду тебя привязывать. Живи вольным зверьком, только не покидай меня, — приговаривал штурман.

В тот день «боевой экипаж» дружно шагал на обед в столовую. Рыжий красавец, помахивая пушистым хвостом, не отставал ни на шаг от своего хозяина.

— Дисциплиночка, порядочек! — смеялся, глядя на них, Миша Харчевников.

На новой стоянке полк жил в палатках. В один из дней, когда летчики спали после ночной работы, лисенок выскочил на волю, принялся лаять и выть. Что случилось? Кедик выбежал и увидел около кустов пышную лису.

— Фу ты, черт! Подружку завел. Еще убежишь с ней, — ворчал штурман.

Лисенок стал часто отлучаться. Кедик, памятуя прошлое, не задевал его даже пальцем. И вот в канун перелета на новую точку лисенок опять исчез, словно в воду канул. Кедик расспрашивал часовых на аэродроме.

— Видели. Твой парень весь вечер играл с лисой на опушке леса. Наверное, увела она его в свое гнездышко, — сочувственно говорили солдаты.

— Лысько, Лысько, рыжак, рыжак! — кричал на весь лес Кедик. Ему откликалось лишь эхо, да слышно было, как шелестел опадающий лист.

Рыжий красавец покинул человека. Он хотел свободы, дикарского счастья и своей лисьей жизни.

Долго, долго еще вспоминал Кедик четвероногого друга.

ПУТЬ КОМЭСКА

1

Родился Борис Цибулевский в 1916 году на Херсонщине. Отец батрачил. Его заработка не хватало семье. Мать была вынуждена стирать чужое белье, чинить одежду.

Октябрь покончил с властью богачей, но до хорошей жизни было еще далеко. Украина горела в огне гражданской войны. Осенью 1919 года крестьянский обоз из села Ново-Воронцовка вез на рынок в Екатеринослав продукты. На него напали махновцы. Обоз разграбили, постреляли и порубили крестьян. Был убит и отец Цибулевского.

На руках у матери осталось шестеро ребятишек мал мала меньше. Она ходила по деревням, меняла жалкие тряпки на кусок хлеба. Порой протягивала руку за подающим.

Борис вспоминает детство как кошмарный сон. Полуголодный, босой, бегал он по рынку с ведерком воды и тоненьким голосом выкрикивал:

— Кому холодной водички!

Торгаши нанимали его продавать конфеты.

— Ириски, ириски. Копейка штука! — кричал он.

Десятилетним парнишкой уже чинил резиновую обувь и переплетал книги. Свой скудный заработок с гордостью отдавал матери.

Боря прилежно учился в школе. На уроки приходил, сделав все домашние задания. Стоило это ему немалых трудов, засиживался до поздней ночи. Будучи худеньким и низкорослым, он не давал себя в обиду. Нередко являлся домой с синяками и шишками.

После пятого класса Борис, чтобы не быть лишним ртом у матери, поступил в школу ФЗО. Правда, здесь не обошлось без маленькой хитрости. По метрике для поступления не хватало одного года, и мальчишки взялись «прибавить» ему этот годок. Подчистку в метрике не заметили.

Поселок, в котором Боря жил, находился в восьми километрах от города. Ранним утром он со своими друзьями отправлялся на учебу. Зимой при сильном ветре и морозе страшно трудными казались эти восемь километров. Худенькая одежонка плохо спасала от непогоды. В особо злые морозы приходилось ночевать в школе прямо на парте.

Учиться было нелегко. От недосадания и напряженных занятий частенько кружилась и болела голова. Но он стойко переносил все лишения и не бросал учебы. В ФЗО он вступает в комсомол. По окончании училища его, имеющего отличные отметки, оставляют работать электриком при учебном комбинате. Он получает место в общезитни. Осваивает кинопередвижку и в клубе вечерами показывает кинофильмы. Заработок у него не особо большой, но все же есть чем поделиться с матерью.

Вскоре семью постигло большое горе. Мать, еще не старая женщина, скончалась от сердечного приступа. Это был тяжелый удар. Мать успела вывести троих сыновей на трудовую дорогу. Все они добросовестно помогали младшим.

Молодежь в те годы повально увлекалась авиацией. На окраине города находился аэродром. Борис делал большой крюк после работы, чтобы добраться сюда. Забирался в заросли подсолнуха

и неотрывно смотрел, как взлетают и садятся самолеты, какие красивые и замысловатые фигуры выделывают они в воздухе.

«Эх, вот бы так самому подняться в небо и крутить, крутить», — думал он.

Набравшись храбрости, Борис идет в облвоенкомат с заявлением, просит направить в летную школу. Но, увы, мечте не так просто осуществиться. На медицинской комиссии охладили его пыл:

— Э, дружок, неуж ты для летной работы, — покачав головой, сказал ему военный.

На глазах у Бориса навернулись слезы. Прощай, авиация? Не может быть! Правда, невелик он ростом, худощав, но ведь сердце в норме, зрение и слух отличные. В беге никому не уступает. Есть сила в кулаках. Так в чем же дело?

Понурый, расстроенный бродил Боря по улицам города. И вдруг ему бросилось в глаза большое объявление: «Идет набор в аэроклуб». Он тотчас кинулся по указанному адресу.

Через несколько дней Цибулевский был зачислен курсантом Запорожского аэроклуба. Он ожил, повеселел. Началась учеба без отрыва от производства. Трудностей, конечно, было полным-полно. Урывал время от отдыха, недосыпал, корпел над книгами по теории авиации. Чуть заря подкрасит небо, отправлялся на аэродром.

Волнуясь и радуясь, садился он в кабину У-2.

Нежданно-негаданно Цибулевскому повезло. Военная комиссия отбирала курсантов в Качинскую летную школу. Проверив технику пилотирования Бориса, член комиссии, бывалый, опытный летчик, потирая руки от удовольствия, сказал:

— Мал золотник, да дорог!

Летную школу Борис окончил на отлично. Его определили летчиком-инструктором в военную школу в Свердловске. Туда он поехал не один. Повез молодую кареглазую комсомолку Любу, которая стала его женой.

Партия бросила клич: «Дадим стране 150 тысяч летчиков!» Это была боевая задача. Цибулевский с раннего утра до позднего вечера обучал курсантов летному мастерству. Нагрузка была колоссальная. Приходилось в день делать до 60 полетов по кругу на капризном самолетике «Р-5». От усталости к вечеру не разгибалась спина.

Здесь, на Урале, Цибулевского застала война.

Совсем немного провоевал 733-й полк, с которым отправился на фронт Цибулевский. В начале 1942 года аэродром, где базировался полк, подвергся ожесточенной бомбардировке. Все самолеты сгорели. Личный состав был распределен по другим частям.

Так Цибулевский появился в нашем 701-м авиаполку.

2

Выглядел он молодежато: коренастый, среднего роста, с румянцем во всю щеку, выбритый до синевы, черные волосы коротко подстрижены, на гимнастерке и брюках ни пылинки, хромовые сапоги блестят.

— Ну и пижон, — бросил кто-то из ребят. — Видать, пороку не нюхал. Посмотрим, как летать будет. Скоро с него лоск этот слезет.

Новый летчик для всех был «котом в мешке». Его не сразу выпустили на боевые задания. Сначала ходил Борис в наряды, изучал обстановку. Как-то пришлось ему полететь по связи в паре с командиром эскадрильи. Летели на бреющем вдоль линии фронта, по овражкам, перелескам.

Комэск вел самолет на предельной скорости, лихо, с ветерком. Нисколько не отставал от него и новый летчик. После полета скупой на похвалы Курочкин сказал:

— Да ты, брат, совсем недурно летаешь.

С этого дня Борис оказался в доверии у комэска. Однако командование полка держало его в запасе. Собственно, и испытанные асы сидели без дела, ожидая погоды. Пришла весна. Аэродром раскис.

Война же идет своим чередом. В штабе командира полка доминирует представитель десантников, потрясая пачкой радиотелеграмм:

— Ребята голодают. Боеприпасы на исходе.

— Ничем помочь не могу, — хмурится Изосимов, нещадно дымя папиросой. — Видишь, какая погодка!

Над тем, как выручить десантников, все ломали головы. Но ничего путного никто не предлагал.

Неожиданно под вечер в штаб пришел Цибулевский.

— Товарищ майор, разрешите обратиться! — козырнул он командиру полка.

— Обращайтесь.

— Побродил я по местности. Пригляделся. Рядом с аэродромом угорчик. На нем, по-моему, можно устроить летную полосу. Натаскать из леса снега, пригладить и в ночные заморозки летать, — сказал Цибулевский.

— Узковата площадка, да и деревья на ней, — засомневался командир полка.

— Деревья срубим. Берусь с этой площадки летать. Надоело мне без дела сидеть, — твердо сказал Цибулевский.

— А что, разумное предложение. Стоит попробовать, — подумав, согласился Изосимов.

На следующее утро на лесной поляне появились веселые лесорубы и удалые коновозчики. Это летчики, техники и вооруженцы запряглись в деревянные сани с большими плетеными корзинами, нагребали в них снег и с шутками-прибаутками тащили везы на площадку.

— Трали-вали, порядочек, красота! Аэродромчик отгрохаем, закачаешься! — весело трубил верзила штурман Михаил Бочкин, держась за оглоблю саней.

— Только на тебе и ездить. Конек добрый! — смеялись ребята.

К ночи полоса была готова. Длина ее была как раз, а вот ширина, что называется, впритирочку. К тому же погода окончательно испортилась. Черные тучи затянули луну и стали прижиматься к самой земле.

— Чертовщина! — нервно жуя папироску, негодовал командир полка. — Площадка получилась мировая, хоть в бильярд играй, хоть танцуй, а погодка задурила. Сумеешь взлететь? — спросил он летчика, стоявшего рядом с ним.

— Взлечу, товарищ майор, — без колебаний ответил Цибулевский.

Изосимов не знал летчика. Но командир эскадрильи Курочкин поручился за него.

— Вылет разрешаю.

Борис понимал, что этот полет является серьезной проверкой его боевых качеств.

До сих пор судьба не баловала его удачами. Совсем недавно в Свердловске он забросал начальника летной школы, где работал инструктором, рапортами об отправке на фронт. Мечтал о большой авиации. Вместо этого угодил на У-2. И тут же,

в первых фронтовых полетах, в ненастную пору разбил самолет. Его отстранили от летной работы и собирались сурово наказать. А вся его вина состояла в том, что в тылу он не проходил ночной подготовки.

После долгих разбирательств аварию ему простили, заставили основательно заняться ночными тренировками.

Он стал неплохо летать. Теперь вот предстояло в новом полку показать, какой он есть летчик.

Цибулевский и его штурман Кузьма Царенко заняли свои места в кабинах. Белая ракета осветила летную полосу. Машина вздрогнула и, набирая скорость, понеслась по земле, с трудом, как бы нехотя, оторвалась от нее.

Тяжело, надсадно ныл мотор. Высотомер показывал всегонавсего четыреста метров. «Неужто на такой высоте придется лететь в тыл противника?» — с беспокойством подумал Цибулевский.

Внизу чернеют леса. Белой лентой бежит шоссе. Вот всполохами ракет, трассами пулеметных очередей обозначилась линия фронта.

Штурман приказывает:

— Заходи в облака!

Летчик берет ручку на себя. Самолет врзается в сплошное темное марево. Так летят они минут пятнадцать. Наконец раздается желанная команда штурмана:

— Выходи на чистое небо!

Самолет выныривает из облаков. Передовая осталась позади. В зеркало Борис видит улыбающееся лицо штурмана. «Ишь ты, проверил, умею ли я летать вслепую», — подумал Цибулевский. Ему известно, что за штурман летит с ним.

Командир полка при отлете сказал летчику: «Отправляю с тобой Царенко. Первейший спец в своем деле. Можешь на него положиться».

Летчик чувствует боевую хватку и мастерство штурмана. Кузьма немногословен, но деловит. Он строго следит за курсом, не позволяет самолету уклоняться в сторону, дает толковые указания.

Время идет. Царенко все чаще и чаще перегибается через борт кабины, всматривается в темноту, ищет знакомый ему лесок (у десантников он бывает часто).

— Внимание. Приближаемся к цели, — говорит он в переговорный аппарат.

— Есть внимание! — отзывается летчик.

Он снимает с глаз очки и смотрит на карту. Территория десантников небольшая. Снижаться опасно, но приходится. Он сбавляет обороты мотора. Стрелка высотомера показывает триста... двести... сто метров.

А в партизанском кругу еще темно. Проходит минута, другая, третья, и загораются сигнальные костры. Летчик облегченно вздохнул, оглянулся. Царенко машет рукой: «Садись!» — и стреляет из ракетницы, подсвечивая. Борис повел самолет на посадку. Мгновение, и машина ткнулась лыжами в талый, рыхлый снег, остановилась в конце поля. Темные фигуры метнулись к самолету. Бориса невольно бросило в жар. Свои ли?

— Ура-а-а! Наши прилетели! — услышал он радостные крики и, успокоившись, выбрался из кабины. Царенко уже обнимался с высоким дюжим мужчиной в меховой куртке.

— Знакомься, Борис. Это Петров, командир отряда, — сказал Царенко.

— Мы уж перестали вас ждать. Думали, основательно села авиация на прикол, — говорил Петров, протягивая ему руку.

— Кто сел, а кто нет, — улыбнулся Цибулевский.

Десантники лезли на самолет, вытаскивали мешки с сухарями и колбасой, ящики с консервами, боеприпасы.

При ярком свете костров Борис с интересом разглядывал этих отважных людей. Он видел суровые, худощавые лица с добрыми улыбками, видел ловких парней в серых шинелях и зеленых куртках, вооруженных винтовками, автоматами, пистолетами и ножами.

Петров любезно протянул Борису кисет:

— Закуривай нашей махры.

Сказано это было радушно, от всей души, и Цибулевский не решился отказать (у него были свои папиросы), неумело скрутил сигарку, затянулся и закашлялся.

— Крепка, — качнул он головой. — Извините, задерживаться нам недосуг. Ночи короткие, теплые. Осмотрю площадку.

Глубоко проваливаясь в мокром снегу, Борис обошел ее и, возвратившись, с тревогой сказал:

— Здорово тает. Летим немедленно.

— А раненых возьмете? — с надеждой в голосе спросил Петров.

— Сколько их?

— Хотя бы двоих.

— Хм. Взлет очень трудный.

Раненых принесли. Они были в кровавых бинтах. Лежали на носилках, хрипло дыша.

Жалостно защемило сердце у Бориса, и он сказал:

— Беру обоих.

Одного раненого поместили вместе со штурманом в его кабину, другого уложили в гаргрот. Десантники сгрудились у самолета. Десятки рук тянулись к Царенко и передавали ему белые треугольники писем.

— Уж, пожалуйста, доставьте, дайте весточку о нас на Большую землю. Давненько не было оказии, — убедительно просят бойцы.

— Не сомневайтесь, доставлю! — успокаивает людей Царенко, укладывая письма в свою объемистую сумку. — Ну, до свиданья, братцы!

Нарастающий гул мотора заглушил его слова. Машина порулила по рыхлому, раскисшему снегу. Еле-еле поднял Цибулевский перегруженный самолет.

После этого полета Бориса в полку единодушно признали своим парнем, хотя он по-прежнему оставался аккуратистом и франтом.

3

Глухие вяземские леса. Здесь, в тылу врага, находятся конники генерала Белова, десантники полковника Казанкина. Они своими действиями изматывают фашистов, отвлекают крупные силы от Москвы.

Постоянную связь с корпусом Белова и десантниками держал наш 701-й авиаполк, доставлявший им боеприпасы, продукты, медикаменты, вывозивший раненых.

Наступала весна. Она грозила нарушить установленный воздушный мост. Но наш полк продолжает летать, используя устроенный на угоре малый аэродром.

Непросто было подняться с ограниченной площадки. Непро-

сто посадить самолет на пятачке у десантников. В полет посылались только лучшие экипажи.

Сегодня снова уходит на задание Цибулевский. Он летит один, без штурмана, чтобы побольше прихватить груза. Ночь опять мокрая, нелетная. Над землей низко нависли свинцовые облака. Сильный ветер огненн качает и кренит машину.

Внизу — сотни огненных точек. Это передовая. Самолет прячется в облака. Но зенитчики слышали гул мотора и щупают небо огоньком.

— Вишь, черти полосатые, приветствуют, — усмехается Цибулевский. — Ничего. Я невидимка. Не скоро меня засечешь!

А вот в районе посадки Борис невольно заволновался. Предстояло снижаться над вражеской территорией. Тут-то могут крепко угостить. Да и кто знает, какая сегодня летная полоса? Как бы не скапотировать, не повредить самолет.

Но тревоги оказались напрасными. Цибулевский благополучно посадил машину.

Старый знакомый, командир отряда Петров крепко пожимал руку летчику и радостно говорил:

— Спасибо, дружище, прилетел!

Самолет быстро разгрузили. Поднесли к нему на носилках двух раненых, поместили их в заднюю кабину.

— Борис, — сказал Петров, — возьми еще одного. Это полковник — командир дивизии. Чудом вырвался из окружения. Истощал, ничего не весит.

Полковника уложили в гаргрот. Теперь на борту двухместного самолета было четыре человека. Удастся ли взлететь?

Площадка была приглажена десанниками. Это обнадеживало. Борис плавно включил газ. Мотор ритмично застрекотал. Взлет прошел нормально. От сердца отлегло. Самолет взял курс на свой аэродром. Полтора часа летел Цибулевский в сером мраке на высоте триста-четырееста метров. На посадке обошлось без неприятностей.

Борис доложил командиру полка Изосимову о том, что задание выполнено, сказал о пассажирах.

— Ты привез троих! Не может быть! — удивился Изосимов.

— В самом деле, — обиделся Цибулевский.

— Вот это здорово! — воскликнул комполка. — Такого у нас еще не бывало.

Со своего в буквальном смысле самодельного аэродрома мы

сделали более пятидесяти боевых вылетов. Из них двенадцать совершил Борис Цибулевский. За это он был представлен к ордену Красной Звезды.

Награду Цибулевский получил в Москве из рук Михаила Ивановича Калинина.

4

Война, как ураган, все крошит и рушит. Горят города и села. Гибнут люди. Выходит из строя боевая техника.

К маю 1942 года полк поредел в личном составе, остался без единого самолета и был направлен на переформировку в тыл. Мы очутились в маленьком зеленом городке, в котором готовились летные кадры для фронта.

Странно было видеть обычную мирную жизнь, дома, по вечерам сверкавшие огнями, людные улицы, рекламы кино и театра, слышать музыку на танцевательной площадке в городском саду.

А где-то далеко шла война. Газеты сообщали печальные вести: пал Севастополь, враги рвались к Воронежу.

Тревожно было на душе. Борису хотелось как можно скорей податься на фронт. Но пока приходилось заниматься учебой. Цибулевский как опытный фронтовик был назначен командиром звена. В его подчинение поступили молодые летчики и штурманы.

Пришлось усердно заниматься с ними теорией, а главное, практикой — пилотажем, ночными полетами, бомбометанием и стрельбой из пулемета. (На самолеты были установлены ШКАСы.)

Командиром второй эскадрильи, в которой занимался Цибулевский, был определен капитан Петренко. Он постоянно подчеркивал, что побывал на фронте. Рассказывал, что летал на скоростных бомбардировщиках, был сбит в бою и выпрыгнул на парашюте. Комэск досадовал, что ему теперь придется летать на тихоходах.

Петренко был высокий, стройный, подтянутый. Ему было лет за тридцать.

На своих «сержиков» — безусых ребят — смотрел свысока.

На аэродроме частенько выходил из себя и с досадой кричал на летчиков:

— Ну разве это посадка! Как дикий козел прыгает самолет. Куда же! Как стоишь перед командиром. Не махай руками! Изредка Петренко летал с ребятами на проверку пилотирования и всегда, вылезая из самолета, ворчал:

— Кого мне дали в эскадрилью? С кем воевать буду? Это же неучи, лопухи!

Перед командиром полка Изосимовым капитан браво вытягивался и, щелкая каблуками, докладывал:

— Товарищ майор, их еще возить и возить. Куролесят в воздухе. Техника пилотирования хромает на обе ноги.

— Зеленая молодежь, — соглашался командир полка, — но что ж поделаешь, время военное. Надо быстрее вводить их в строй.

— Стараюсь, стараюсь. Употел весь, — говорил Петренко.

Но капитан, надо сказать, не особо рьяно занимался своими подчиненными. Учебные дела он больше переключивал на своего заместителя Воронова, Цибулевского и других ветеранов полка. Сам же при первой возможности подавался в город. Он завел себе красивую даму. Его видели с ней на танцевальной площадке и в театре.

Любил Петренко нагрянуть ночью в общежитие. Упаси бог, если он обнаруживал кого в самоволке. Утром «драил» виновных перед строем.

— Товарищи, идет священная война. Народ напрягает все силы, чтобы разгромить врага. Дисциплина в армии должна быть железной. А вы забыли о своем долге перед Родиной. Стыд и позор! — возмущался он.

Слова его были правильные. Но, к сожалению, сам он не служил примером в дисциплине. Не раз и не два видели его под хмельком.

Собственно, все ребята жили мечтой о фронте. Никому не хотелось околачиваться в тылу. Усердно корпели над учебниками, с охотой шли на полеты.

Цибулевский не говорил громких слов, но твердо требовал от своих хлопцев усердия и прилежания в деле. Он и сам много летал с ними, заставлял постигать тайны пилотажа, умело действовать в сложных условиях. От бесчисленных посадок и взлетов его бросало в пот, брала усталость. Но он ни себе, ни ребятам не давал поблажек.

— Не беспокойся, младший лейтенант, на фронте не подведу.

Не дам маху, — как-то сказал Цибулевскому летчик его звена — высокий белобрысый Виктор Михайловский.

— В твоей смелости не сомневаюсь, а вот ночью еще летаешь неуверенно, — сказал Борис.

— Потренируюсь, научусь, — заверил Михайловский.

Но времени для длительных тренировок не было. В солнечный июльский день полк звеньями взлетел с аэродрома и пошел курсом на запад.

В знойное лето 1942 года прилетел полк под Воронеж. Самолеты попрятали на опушке леса. Замаскировали ветками. Сами разместились в окрестных сараях.

Началась боевая жизнь. Молодые пилоты с большой охотой уходят на задания. Летать приходится много. Утром ребята, еле передвигая ноги, добираются до своих постелей и безмятежно засыпают. Им ничего не снится, хотя прожита нелегкая боевая ночь. Ночь, когда в темном небе рыскают прожектора, слепят лучами, стреляют зенитки, и их снаряды разрываются близко, обдавая запахом гари.

Цибулевский всегда первым летит на врага. Он уверен в себе. У него отличная техника пилотирования, свой летный почерк. Он не бросается на цель безрассудно, очертя голову. Сначала разведает систему зенитного огня. Если у цели нет или мало зениток, не мудрит, не крутится, а сразу идет на добычу. При сильном огне выискивает слабые места. Хитрит с зенитчиками, сбивает небольшие крены, незаметные с земли.

Борис не однажды уже попадал в море зенитного огня и клещи прожекторов, но умело маневрировал и точно выходил на объект. Его штурман метко сбрасывал бомбы.

Сержант Бочкин в своем деле собаку съел. Умный, хладнокровный парень. Бочкин — рыжий до огненности, и в душе у него тоже огонь, ненависть к врагу.

«Оркестр» во второй эскадрильи подобрался славный. Молодежь начинает оперяться, выходить «в люди». Главное, у них есть с кого брать пример, есть «солист» Борис Цибулевский.

5

Пошли, закрутились тревожные фронтовые дни и ночи.

Летать приходится много. Ночи используются, как говорится,

на полную катушку. Иногда прихватываем и предрассветные часы. Экипажам даже некогда покурить и размять ноги.

Жарко и на аэродроме. Вооруженцы работают с азартом. В считанные минуты подвешивают увесистые пятидесяти- и стокилограммовые бомбы.

Вдали на темном экране неба то и дело вспыхивают яркие зарницы, мечется пламя. Мы бомбим передовую и лески за Доном, где густо от войск противника.

В этих ближних полетах молодые летчики мужают, обкатываются, приобретают фронтовую закалку. Вскоре приходит время, когда командование дивизии усложняет цели. Поступают задания летать в тыл противника, бомбить военные объекты крупных городов, аэродромы. К самолетам приделываются дополнительные бачки для горючего.

— Неужто на своих «трещотках» вы летаете на Брянск, Курск, Карачев, Орел? — недоверчиво спрашивают нас летчики из большой авиации. — Там ведь и пуганую ворону подстрелят!

— Летаем, а то как же! — коротко отвечаем мы.

Всегда одним из первых на эти «зубастые» цели идет Цибулевский. Командир полка надеется на него как на каменную скалу, знает, что Борис точно, без промаха ударит по врагу.

Вот и сегодня Цибулевскому предстоит первым открыть масированный налет на аэродром Орел-военный. Ох уж этот аэродром! Крепкий орешек! Его охраняют десятки зенитных батарей, множество прожекторов. Фашисты убеждены, что создали здесь непроходимую зону. Однако наши маленькие самолеты уже не раз и не два пробирались сюда.

Летал на Орел и Цибулевский. Ему известны коварные повадки врага. Им он противопоставил свою тактику — появляться бесшумно и неожиданно. Но все равно приходилось быть предельно собранным и осторожным. Ведь черт знает, что сулит судьба!

Противник услышал гул мотора еще далеко до подхода самолета к городу. В черном небе выросла огненная завеса из трассирующих снарядов. Заметались, засеркали мечи прожекторов. Они-то и обозначили границы аэродрома. Борис заметил слабые места зенитчиков. Он выключил мотор и перешел на планирование. Такой прием для немцев непривычен и ставит их в тупик. Вражеские средства ПВО утихли. Над Орлом воцарилась тьма.

Самолет бесшумно снижался. Вот по расчету Цибулевского под ними окраина аэродрома, на которой, как показала фотосъемка, размещены вражеские бомбардировщики.

— Гарипов, действуй! — неестественно громко крикнул Борис своему штурману.

Тот ждал этого момента. Первая бомба уходит вниз. Вспыхивает пожар. Вмиг начинается свистопляска. Прожекторы схватили самолет в перекрестные лучи. Заговорили зенитки.

— Гарипов, чего медлишь! Бросай остальные бомбы! — командует Цибулевский.

Самолет сильно вздрогнул. Последние фугаски вспыхнули внизу. Взрывная волна качнула машину. Однако прожектористы не упустили их из виду, все туже и туже сжимали в своих тисках.

— Ничего не вижу! — крикнул штурман и невольно прикрыл ладонью глаза.

— Не психуй. Сейчас прорвемся, уйдем, — успокоил его Цибулевский, бросив машину в пике. Только-только успел он ее вывести в горизонтальный полет, как какой-то шальной снаряд подкараулил их. Раздался взрыв у правого крыла. Борис почувствовал, что ручка управления ослабла. Выходит, перебили тросы элеронов. Лишь этого не хватало!

А штурман вдруг гаркнул:

— Командир, где высота? Одурел, что ли?! Разобьемся!

И верно, высотомер показывал всего сто метров. Зато бросок к земле вывел их из огненного ада. Борис прибавил обороты двигателя, стал набирать высоту. С трудом удавалось управлять машиной. Летчик и штурман молчали. Лишь когда перевалили передовую, Гарипов ликующе провозгласил:

— Ушли. Живы.

На аэродроме Цибулевский нормально посадил самолет. Лишь на пробеге он закачался и лег, как подраненная птица, на крыло. Развернулся кругом в столбе пыли.

Все, кто был на старте, во весь дух побежали к ним. Подъехала санитарная машина. Цибулевский уже остыл, пришел в себя, как всегда спокойно вылез из кабины и доложил командиру полка:

— Боевое задание выполнено!

При осмотре самолета было обнаружено, что вся его об-

шивка изрешечена осколками снарядов, в крыльях два больших отверстия, одно колесо шасси полностью разбито.

...На разбор полетов лейтенант Цибулевский явился как обычно чистый, выбритый, в отутюженной форме и до блеска начищенных сапогах.

Приятно было слышать, когда начштаба капитан Вавилов доложил:

— По фотоданным разведавиации экипажами нашего полка в Орле ночью было уничтожено пятнадцать тяжелых самолетов типа Ю-88, летное поле выведено из строя.

6

Под осенними золотыми березами выстроился полк. На правом фланге знаменосцы с боевым знаменем. Ветер слегка колышет его. Перед строем стоит накрытый зеленой скатертью стол и на нем красные коробочки с орденами и медалями.

Высокий, стройный, атлетического сложения командир дивизии полковник Трушников перед тем, как вручать правительственные награды, произнес небольшую речь.

— Своими делами, беззаветной борьбой с фашистскими оккупантами вы заслужили почет и уважение. Сегодня я вручаю лучшим воинам полка высокие награды. Родина чтит своих смелых сынов. Но награды и залог того, что вы будете еще крепче, беспощадней бить ненавистного врага.

Один за другим подходят к командиру дивизии со светлыми, радостными лицами офицеры, сержанты и солдаты. Он вручает им коробочки с орденами и медалями и крепко жмет руки. В ответ слышатся громкие слова: «Служу Советскому Союзу!»

К командиру дивизии подходит, чеканя шаг, лейтенант Цибулевский. Он получает орден Красной Звезды. Это у него уже вторая награда. Борис взволнован. Смотри-ка, его снова заметили и высоко оценили.

Госпожа удача пока ходит с ним в обнимку. Попадал в крутые баталии, тугие переплеты, а жив и здоров. Растет его авторитет. Вступил в партию, присвоили звание лейтенанта, стал заместителем командира эскадрильи. Два ордена — не у многих в полку.

Что ему еще надо? Самое главное желание — скорей бы разбить фашистов, освободить родную землю от них и зажить мирной, счастливой жизнью.

Борис твердо верит, что враг будет повержен. Кто только не шел на Русь? Шли монголы, татары, французы, немцы. Всех их постигла плачевная участь. И на сей раз Гитлер получит сполна.

Улыбчивый и довольный стоит в общем строю лейтенант Цибулевский. Он совсем не думает о громкой славе, о почестях, честно исполняет свой воинский долг. Борис даже смущается, когда во фронтовых газетах пишут о нем как о герое, о человеке большой храбрости. «Я, как и все, делаю обычную боевую работу. Риск есть, конечно. Ну, а разве пехотины, танкисты, саперы не подвергаются все время смертельной опасности? Стоит ли так меня расписывать?» — говорит он.

К правительственным наградам Цибулевский, как и большинство ребят, относится уважительно. Зря их не дают. Это отметки за хорошую боевую работу, за тот урон, который наносится врагу.

Борис прикрепляет к своей гимнастерке новый орден. Ребята шушукаются: «Недурно бы вечерком обмыты!» Это явно невозможно. Ночью опять будет напряженная боевая работа.

Вот Борис слышит, как сержант Бочкин — его постоянный штурман — отчеканил: «Служу Советскому Союзу!» и бережно несет коробочку с орденом. Его загорелое лицо светится радостью.

У Михаила это первый орден, и понятно, почему он весь красный, как пион. Счастье переполняет его. Миша ликующе говорит ребятам: «Я теперь правый бок буду выпячивать. Пусть все видят мой орден!»

Борис рад за Бочкина. Михаил — толковый, умный штурман. В самом страшном огоньке не паникует, а соображает, как обмануть зенитчиков. На днях Миша рассказал Цибулевскому приснившийся ему сон. Он видел себя после войны в парадном генеральском мундире с созвездием орденов и медалей. Сон сном, а реальность реальностью. Не раз слышал Борис, как Бочкин, посмеиваясь, говорил ребятам: «Погодите, мы с Цибулевским еще отличимся. Золотишко на грудь заработаем. Право, ей-ей!»

Да, собственно, что скрывать, кому из летчиков не хотелось бы получить Золотую Звезду Героя!

Хорошо, что и техник Иван Степанович Кузнецов, обслуживающий самолет Цибулевского, получил медаль «За боевые заслуги». Этот могучий великан все свое время пропадает на аэродроме, ухаживая за доверенным ему самолетом.

Не единожды Цибулевский возвращался с задания на израненной, искалеченной машине. Казалось бы, ее надо списать в расход. Кузнецов же своими золотыми руками быстро вводил ее в строй.

Получают правительственные награды поджарый на вид (в чем только душа держится!), но энергичный летчик Владимир Слук, маленький круглолицый летчик Алеша Сергеев, с тощей бородкой, похожий на Иисуса, штурман Иван Приезжев, чернявые приземистые техники Калистрат Михайлов, Сагит Вахитов и многие другие.

В строю стоят крепкие, боевые ребята, полные решимости бороться с врагами до полной победы.

7

Лето было жаркое, напряженное. Ночами бесконечные полеты. Днем полк обычно отсыпался.

Подошла ненастная осень. Она принесла свои неприятности. Моросили дожди. Серые облака, густые туманы обволакивали землю. Но скидок на плохую погоду никто не делал. Нагрузка по-прежнему была максимальной — за ночь порой экипажи делали до десяти вылетов. Эскадрильи соревновались между собой. Чаще всего первенствовала вторая эскадрилья. Капитан Петренко, высокий, степенный, ходил гоголем.

— Орлы мои летают во! — показывал он большой палец командиру полка Изосимову.

Майор неопределенно покачивал головой. Почему-то ему не нравился этот молодцеватый офицер с полным холеным лицом, с нагловатыми глазами.

Летчики в полку ни одному из трех комэсков не отдавали предпочтения. А вот замкомэска Борис Цибулевский всем любился. Все видели, что он, как говорится, летчик божьей милостью, спокойный, уравновешенный.

В погожие дни ребята в эскадрилье как-то не замечали, что их комэск все больше посасывает трубку на старте, крутится около начальства или пропадает невесть где.

А в холодные осенние дни обнаружилось, что комэск чурается боевой работы. Экипажам некогда было даже выйти из кабины, поразмяться, погреться в тепле.

Казалось бы, комэску ничего не стоило подменить одного-другого уставшего летчика и самому пойти на задание. Но он этого не делал. Постоянно грубил подчиненным. Упаси бог, если увидит у кого-либо в общежитии плохо заправленную койку, грязный подворотничок. Сразу же начинается разнос.

При всяком удобном случае Петренко отлучался в близлежащую деревушку. Обычно возвращался оттуда под хмельком, говорил Цибулевскому:

— Я что-то приболел. Командуй эскадрилей.

А своему дружку адъютанту Устенко тихонько рассказывал:

— Ух, уж гульнул! В следующий раз пойдешь со мной.

Иногда Петренко все же отправлялся на задания. Старался лететь туда, где не шибко греют «огоньком». А когда возвращался с полета, то долго рассказывал, как его крестили и утюжили и как он мастерски сумел обмануть врага.

Однажды Петренко явно обмишурился. Вылетел вместе с Цибулевским на бомбежку вражеского аэродрома. Фашисты, заслышав гул самолета, открыли стрельбу.

Цибулевский пробился сквозь плотный зенитный огонь, успешно отбомбился. Каково же было его удивление, когда он, вернувшись с задания, увидел дома Петренко.

— Как это ты прилетел раньше меня? — спросил он.

— Мотор стал плохо тянуть, я и сбросил бомбы на передовой, — не моргнув глазом, ответил комэск.

— Сидит за нашими спинами. Пожинает наши лавры да еще на нас кричит. Сколько это может продолжаться? — чертыхнулся штурман Цибулевского Бочкин, когда комэск ушел.

— А ты спроси у командира полка.

— А вот и спрошу.

— И получишь нахлобучку. Петренко у начальства на хорошем счету.

— Что мне бояться? К немцу летаю, почитай, каждый день. В пехоту пошлют, согласен.

Ребята на комэска сердились не на шутку.

Однажды, идя пешком с аэродрома после ночной работы, Цибулевский решил основательно поговорить с Петренко.

— Иван Николаевич, хочу тебе сказать то, что думаю. Порядок и дисциплину в эскадрилье ты держишь. Держишь окриками и наказаниями. А вот сам не блюдешь порядок. Пьяный появляешься. Редко летаешь. Не учишь молодежь. Плохо о тебе говорят ребята.

— Так, так. Мой же заместитель и на меня бочку катит, — вспыхнул Петренко, — то, смотрю, ты все молчишь. Со мной почти не разговариваешь. Может, на мое место метишь? Слабоват ты для комэска. Не выйдет!

Петренко нецензурно выругался, раскурил свою трубку и, опережая Цибулевского, быстро пошагал вперед.

С этого утра комэск с Борисом стал сугубо официален. Он страшно обиделся на Цибулевского. Скрипя зубами, он думал: «Мальчишки. Горлопаны. Вздумали хвост на меня поднимать. Ничего. Еще узнают меня. Попомнят. Заставлю ходить всех по одной половине».

Говорят, что все мы под богом ходим, а в авиации, поговаривают, и под комэском. Так что Цибулевский нажил себе кровного врага. Петренко ополчился на Бориса. И ночью и днем отправлял он его на задания. Все самые сложные и опасные. Возразить нельзя. Все было законно, естественно. Большому кораблю — большое плавание. Лучшему летчику и ноша по его силам. Петренко надеялся, что рано или поздно, а все же вражеская пуля найдет «строптивца».

8

Казалось, нельзя хуже придумать погоды: мокрый осенний туман, небо в густых пепельных тучах. Люди через десять шагов теряют друг друга и только голосами дают знать о себе.

Никто в полку не предполагал, что в такую ненастную ночь придется лететь на задание. Однако из штаба дивизии поступил приказ выслать на «свободную охоту» три экипажа.

Обычно все летчики любили отправляться на «охоту», но сегодня ни у кого не было такого желания.

Судить да рядить не приходится. Командир полка распорядился каждой эскадрилье выделить по одному экипажу. Конеч-

но, Петренко, не задумываясь, послал на задание лейтенанта Цибулевского.

— Без нас не могут. На нас сошелся клином белый свет, — недовольно гудит штурман Бочкин, забираясь в кабину.

Цибулевский молчит. Он сам прекрасно понимает, что лететь в такую непогоду не шутка.

Туман жуткий, даже осветительные ракеты еле-еле видны. Самолет взлетает и сразу же врзается в плотный мрак. Вести машину приходится вслепую, по приборам. Нелегко это. Приборы на У-2 самые примитивные.

Борис, конечно, уверен в себе. Он внимательно смотрит на мерцающие стрелки приборов, на планшет с картой, на котором проложен маршрут и сделаны необходимые навигационные расчеты. «Хорош комэск. Опять сунул в этот жуткий полет. Знает ведь, что не успел отдохнуть от вчерашней горячей ночи. Что ж, не кланяться же ему, чтобы дал передышку. Нет — ни за что. Еще скажет — струсил».

— Ну как, Миша, настрой? — спрашивает он в переговорный аппарат своего штурмана.

— Ночь в Крыму, все в дыму. Ни черта не видно, — мычит сквозь зубы Бочкин.

Холодная сырая облачность обволакивает машину. Едва различим винт в темном мареве.

— Могила, склеп, — бормочет Бочкин, — сейчас бы дома сидеть за чаркой!

Увидев внизу тусклые огоньки, он торжественно провозглашает:

— Передовая. Есть еще жизнь на земле!

Они летят совсем невысоко, а зарево передовой еле-еле виднеется. Глухо слышится канонада. Линия фронта остается позади.

Борис строго выдерживает курс. Тревожно и нудно тянется время. По расчетам, скоро должна появиться «железка» — объект их дозора. Так и есть, штурман докладывает:

— Командир, приехали. Цель под нами.

Пошли на снижение. Высота двести метров, а железнодорожное полотно едва-едва проглядывает.

Пятнадцать-двадцать минут идут они вдоль линии в направлении на Курск. Тихо и пустынно внизу. И вдруг впереди что-то сверкнуло.

— А, гады, попались. Поезд! — громко восклицает Бочкин. Цибулевский направляет самолет навстречу составу. Бочкин бросает светящуюся бомбу. Она повисает на парашютке, освещающая землю. Внизу почувствовали неладное. Поезд остановился. Маленькие фигурки солдат прыгают с подножек и бегут к лесу. Бочкин прицеливается и сбрасывает первую, вторую фугаски. Самолет на полной скорости летит вдоль состава и обрушивает на него остальную бомбовый груз. Вагоны загораются, валятся под откос.

— Ай да мы! Попали в самую точку, — гремит в наушниках штурман.

Большая удача. Вражеский эшелон разгромлен. Не зря экипаж бороздил темное небо. Теперь можно с легкой душой возвращаться обратно.

Самолет набирает высоту. Но что это? Внезапно компас завертелся как волчок. Куда лететь? Где свои? Где противник? Куда девалась «железка»?

Лоб у Бориса покрылся холодным потом. Он догадался, что в свои права вступила Курская магнитная аномалия.

— Беда, Миша, беда. Ищи звезды. Они выручат нас, — хмуро твердит Цибулевский.

Штурман как ни вертел головой, в небе не было видно ни просветов, ни «окон». Серые лохмотья туч садились на крылья. Безмолвие и тьма казались бесконечными. Уже более часа летчики кувыркались в страшном темном небе.

— Что видишь, Миша? — который раз спросил Борис.

— Ночь в Крыму, все в дыму, — угрюмо ответил штурман и, заметив, что Цибулевский помрачнел, похлопал его по плечу, а когда тот повернулся, сунул ему в рот шоколадное драже. И так проделал дважды, а в третий раз вместо драже положил Цибулевскому в рот бумажный шарик.

— Тьфу ты, сатана, смотри у меня! — невольно улыбнулся Борис и погрозил штурману кулаком.

Михаил верил в своего летчика. Не единожды они выбирались из сложных переплетов. И сейчас Михаил не допускал и мысли, что они могут погибнуть.

Была большая опасность свалиться в штопор. Поэтому Борис уперся взглядом в прибор «Пионер» и всячески старался удерживать его шарик в центре. Пришлось также заставить мотор экономней расходовать горючее. Кто знает, сколько им еще на-

ходиться в воздухе? Нелегко было Цибулевскому. Пот по его лицу катился градом. Начала одолевать усталость.

Время летело устрашающе быстро. Горючего все меньше и меньше. Но тут случилось чудо. Они пробили толщу облаков. Вверху над ними замерцали звезды.

— Командир, видишь красавицу Большую Медведицу? — радостно кричит Бочкин.

— Живем, Миша, елки-палки! — повеселел Цибулевский.

Теперь-то они знали куда лететь. Самолет благополучно прибыл домой. На аэродроме их уже не ждали. Давно вышло расчетное время. Лишь только они сели, винт остановился. В баках было пусто.

Два других экипажа, уходивших на задание, не вернулись домой, пропали без вести.

9

Утро было хмурое. Серый туман клубился в низинах. Но Цибулевский и Бочкин, умывшись до пояса в студеной речушке, стяхнув одолевший их сон, чувствовали себя бодро. Цибулевский, как всегда, переоделся в свой синий костюм, натянул хромовые сапоги и выглядел парадно. Бочкин был в обычном армейском костюме, но для бутафории (он любил ее) повязал на шею шелковый красный шарф. В таком виде они появились в столовой.

Все, кто были там, обратили на них особое внимание. Ребята понимали, что возвратились они, можно сказать, с того света.

— Наши именинники! Живы, здоровы! Привет, привет! — пожимая им руки, гремел горбоносый штурман Сенечка Воронов.

— Молодцы! Просто молодцы! Доказали, что нашим «пташкам» сам черт не брат! Что нам бури, туманы, дожди! Мы всепогодная авиация! — восторженно говорил пожилой, скуластый капитан Рулев — штурман полка.

К ним подошел комэск Петренко и, широко улыбаясь, сказал:

— С удачным возвращением. Знаю, несладко пришлось. Не спасовали. Задачу выполнили. Командир полка приказал представить вас к награде.

Петренко говорил одно, а сам думал другое: «Везет же Цибулевскому. Выбрался из такой заварухи. Да еще и наградить приказано. Что он, заколдован, заговорен? Ни пули, ни снаряды

его не берут. Непогодь не мешает. Долго ли он будет испытывать свою судьбу?»

Борис понимал комэска, чувствовал его двуличие. После известного разговора между ними пробежала черная кошка. Петренко на самые опасные задания посылал своего заместителя, полагая, что «фунт лиха» пойдет ему на пользу.

Однако Цибулевский каждый раз к досаде и неудовольствию Петренко удачно справлялся с порученными заданиями.

Борис с Михаилом уселись за стол. Бойкая официантка Симочка в белом передничке мигом принесла им на подносе в тарелках жареный картофель с мясом и по стакану водки, положенному за ночной полет. Борис грустно сказал:

— Завтрак хорош, а водку пить не буду. Не лезет в горло. Не вернулись наши боевые друзья.

— А я выпью. Я жив. И еще попомнят меня, старшину (ему присвоили недавно это звание) Бочкина, фашистские людоеды! — взмахнул своим здоровенным кулаком Михаил.

После завтрака Цибулевский и Бочкин пошли отсыпаться, а легкий состав эскадрильи по случаю ненастной погоды занялся изучением теории самолетовождения.

...Внешне во второй эскадрилье все шло нормально. Она успешно решала боевые задачи. Была на хорошем счету у командования полка. Петренко умел ладить с начальством, никогда не перечил ему. При случае расточал похвалы и бил челом.

В эскадрилье же он чувствовал себя полным хозяином. Делал все так, как хотел и не терпел никаких возражений. Зная его характер, никто с комэском не вступал в пререкания. Его приказания выполнялись беспрекословно. Но Петренко стал замечать, что люди побаиваются его, сторонятся. Между ним и подчиненными легла полоса отчуждения. Без вызова никто к нему не являлся. Никто не испытывал желания поговорить с ним по душам, посоветоваться по делу, по личным вопросам.

Многие смотрели на Петренко косо, недружелюбно. А этот остряк Бочкин просто раздражал его. При встречах он вытягивался в струнку, нарочито громко приветствовал его и щелкал каблуками.

Не нравилось ребятам барское поведение Петренко, его хваст-

ливые речи о своей боевой работе в полку СБ и пренебрежительное отношение к самолету У-2.

— Тоже мне, техника. Я водил СБ, а тут черепаха, перкаль, — презрительно говорил Петренко.

Он строил из себя героя. А какой он был герой на самом деле? В полку не знали, что Петренко совершил на СБ всего лишь два боевых вылета, причем на втором был сбит, выпрыгнул на парашюте и отделался легкими ушибами. Его личное дело где-то плавало, о его прошлой работе судили лишь по его словам.

Занайства у Ивана Васильевича было хоть отбавляй. В штабе дивизии он сдружился с заместителем командира дивизии Линаевым и утверждал, что тот его во всем поддержит.

Комэск стал почти штатным руководителем полетов. Дежуря на аэродроме, посасывая свою трубку с Мефистофелем, он обдумывал, куда ему податься днем.

— Прозябаю, адъютант, прозябаю. Организуй соответствующий отдых, — говорил он своему верному слуге Устенко.

— Будет, капитан, исполнено, — козырял ему услужливый адъютант.

После неприятного разговора с Цибулевским Петренко понял, что в эскадрилье сложилась неблагоприятная для него атмосфера, что авторитет его пошатнулся. Надо, пока еще не поздно, доказать, что и он не лыком шит, что и он классный летчик. Правда, летать на этих этажерках ему явно претило. Брони нет. Скоростенка малая. Легко могут подбить.

И все же придется рискнуть, испытать свою судьбу-цыганку. Тут как раз и подвернулся случай. Под вечер в деревню, где стоял полк, на камуфлированной «эмке» прикатил высокий грузный полковник и с ним беленькая девушка в простенькой крестьянской одежде.

Петренко вызвали в штаб.

— Важное задание из штаба фронта. Марусю, — обращаясь к Петренко, сказал командир полка Изосимов, — надо доставить в квадрат 2436, — указал он карандашом в лесок на карте. — Тут есть посадочная площадка. Лететь придется с фарами. Я думаю, пошлем Цибулевского.

— Летчика надо надежного. Маруся должна быть доставлена наверняка. Командование фронта придает этому особое значение, — сказал полковник.

Петренко понял, что ставка крупная. Представилась возможность отличиться, укрепить свой авторитет. Не худо и орден заработать.

— Что вы, товарищ подполковник. Разве у нас в эскадрилье нет других подходящих летчиков кроме Цибулевского. Разрешите я сам лично полечу, — волнуясь и горячась, говорил Петренко.

Его просьба застигла командира врасплох. Он ответил не сразу. Помедлил, подумал, постучал пальцем по портсигару и произнес:

— Ну, что ж, я согласен, капитан. Готовьтесь к полету.

С наступлением темноты самолет Петренко вырулил со стоянки. Маруся с плетеной корзинкой, словно она собралась по грибы, шагнула на крыло и забралась во вторую кабину.

— Шустрая. Прыгаешь, как козочка. Видать, не впервой? — спросил капитан.

Девушка тихо рассмеялась и ничего не ответила.

Капитан как-то особенно внимательно выслушал рапорт техника о том, что самолет готов к вылету, и, махнув ему рукой на прощанье, порулил на старт. Петренко был уверен в себе. Он не сомневался в своих летных качествах, считал себя отличным летчиком и думал: «Докажу этим мальчишкам как надо летать».

Ночь темная, ветреная, звезд не видать. Самолет легко взлетел в непроглядное черное небо и взял курс на запад.

...Долго на аэродроме ждали возвращения Петренко. Наступил рассвет, а он с задания не появлялся. Вечером из штаба фронта сообщили, что Маруся благополучно доставлена к месту назначения. Что же случилось с Петренко на обратном пути? Об этом никто ничего не знал. Война есть война. И на ней множество всяких случайностей. За каждым из нас ходила смерть.

Прошел месяц. Петренко исчез бесследно. Командиром эскадрильи был назначен Цибулевский. Вскоре ему было присвоено звание старшего лейтенанта.

Прошло несколько месяцев. Как-то, пролетая днем на бреющем над освобожденной территорией, Цибулевский заметил торчащий из земли хвост с номером «3». Это был самолет Петренко. Борис сел на поле. К нему подбежали ребятишки из ближайшего села. Они-то и рассказали, что самолет шел низко и врезался в лес. Летчика похоронили на деревенском кладбище.

Борис Цибулевский стал командиром эскадрильи накануне Курской битвы. Полк напряженно работал. Экипажи ходили на разведку, на бомбежку, доставляли партизанам боеприпасы, продовольствие.

Эскадрилья пополнилась молодыми летчиками и штурманами. Комзэк и штурман эскадрильи Иван Лозовой постоянно летали с новичками на боевые задания, учили их тактическим приемам, ориентировке и мастерству бомбометания. Лучшие летчики и штурманы взяли шефство над молодежью.

Первое время не все шло гладко. Летчик Алексей Романов, на вид бойкий и молодеватый парень, как только предстояло отправляться на задание, волновался, бледнел, пил валерьянку и глотал таблетки. Самолет свой загонял на высоту две-три тысячи метров, надеясь, что зенитки там его не достанут.

Борис сначала беседовал с ним по душам, с глазу на глаз, а когда это не помогло, сурово обсудил при всей эскадрилье. Романов пообещал преодолеть свой страх и летать нормально, постепенно освоился и стал настоящим воякой.

Пришлось повозиться Лозовому со штурманом Лево́й Циркиным. Это был щуплый маленький черноглазый паренек. Чтобы выглядеть более внушительно, он отрастил небольшие усики, обвешал себя оружием. Пистолет в большой кобуре оттягивал ремень. Финский нож с цветной рукояткой висел спереди, как кинжал у горцев. Ребята посмеивались, глядя на него, и вспоминали стихи Лермонтова: «Черкес оружием обвешан. Он им гордится, им утешен!»

Как-то на задании самолет попал в лучи прожекторов, по нему был открыт яростный огонь. Циркин растерялся и лишь после того, как на него закричал летчик, понял, что надо сбрасывать бомбы. А о том, что у него в кабине есть пулемет, он так и не вспомнил. Все же после нескольких вылетов Лева обрел уверенность, стал толковым штурманом.

Многokrатно летал Цибулевский с молодым штурманом Сашей Пьяных и учил его ориентировке. Саша быстро освоил ночные полеты. Правда, однажды в разведке, в глубоком тылу противника, они попали в жуткий огонь. Самолет был крепко потрепан, жизнь их висела на волоске.

— Заснял фотопленку. Цены ей нет. Неужто не доставим ее в полк? — беспокоился Саша.

— Ничего. Выкрутимся, — успокаивал Борис.

И Пьяных верил ему, не сомневался, что так оно и будет. Много сил пришлось затратить комэску, чтобы дать путевку во фронтовое небо Сурену Саркисову. После долгих тренировок Цибулевский выпустил его на боевое задание. Саркисов успешно выполнил его и начал летать постоянно.

...Идут боевые дни. Приходит горячая пора на Орловско-Курской дуге. Немцы сбрасывают хвастливые листовки, в которых горделиво заявляют: «Если вы возьмете Орел, то вам без боя отдадим Берлин».

Горит небо. В несколько этажей идут в бой наши самолеты. По шестьдесят-восемьдесят вылетов за ночь делает полк.

Невелика речушка Зуша, но по ней проходит боевой рубеж. Враги засели на высоком правом берегу. Наш же берег низкий, болотистый. Не раз наша пехота пыталась прорвать вражескую оборону, забраться на кручи, но фашисты крепко вцепились в землю, создали сильную систему огня.

В дни июльского наступления пехотинцы попросили нас основательно проутюжить укрепления врага, подавить его доты и дзоты. Начальник штаба полка капитан Вавилов и комэск Цибулевский побывали на командном пункте стрелкового полка и в первой линии траншей. В бинокль наблюдали за обороной немцев. На своих картах сделали все необходимые пометки.

Было решено массированно бомбить укрепленный плацдарм Вяжи с небольшой высоты фугасными сотками. Для точности бомбежки пехотинцы обязались указывать цели трассирующими пулями и ракетами.

...Пришла теплая звездная ночь. Небо загудело от моторов. Полк в полном составе летел на бомбежку Вяжей. Враги пробовали огрызаться. Стреляли из всех видов оружия — пулеметов, зениток, винтовок, автоматов. Как светлячки, вокруг самолетов носились трассирующие пули и снаряды.

Но летчики упрямо делали свое дело. Столбы земли и камня, целые бревна взлетали в воздух. Рвались боеприпасы, поднимая вверх огненный смерч. От собственных бомб взрывной волной самолеты швыряло как щепки, дырявило обшивку.

Михаил Бочкин еще с воздуха при планировании на посадку громко кричал:

— Бомбы, бомбы!

Могучий оружейник Николай Юров один ловко подвешивал стокилограммовые фугаски.

За ночь полк сделал свыше сотни боевых вылетов. Всю оборону немцев перепыхал. Наша доблестная пехота на утро овладела деревней Вязи.

...Цибулевский успешно командует эскадрильей. Он личным примером показывает ребятам, как следует выполнять воинский долг. Руководство полка считается с ним не только как с командиром, но и как с первоклассным летчиком. Случись какое важное задание, прежде всего в штабе вспоминают о Цибулевском.

Вот так и сегодня. Он безмятежно спит после горячей ночной работы, а уже за ним и его постоянным штурманом Михаилом Бочкиным прибыл посыльный из штаба.

— Эх, раз, эх, два, эх, три! — одеваясь и натягивая сапоги сам себе бормочет Бочкин.

— Прибыли по вашему приказанию, товарищ капитан, — козырнув, докладывает Цибулевский начальнику штаба.

— Хлопцы, вам придется поискать наши танки. Войдя в прорыв на Зуше, они потеряли связь со своим командованием.

Задание более чем необычное. Предстояло лететь днем в расположение противника.

— Приказ свыше, — как бы оправдываясь, развел руками Вавилов и добавил наставительно: — Пробирайтесь скрытно, пользуйтесь облачностью, не лезьте на рожон.

Утро было туманным. Погода нелетная. Облака плыли низко над землей. Это в какой-то степени утешало.

— Что ж, испытаем свою фортуна, проверим крепость нашего штурмовика, — иронически басил штурман, забираясь в кабину.

Они с удалью пролетели над самыми трубами маленькой деревушки, в которой располагался полк. Низко, на бредущем, шли к линии фронта, а у передовой забрались в темно-серые облака и удачно миновали ее.

Теперь предстояло выйти из облаков и лететь курсом вдоль линии фронта. «Что день грядущий мне готовит?» — вполголоса запел Бочкин.

— Мишка, не пой, а смотри. Идем в гости к фрицам, — сердито сказал Цибулевский.

— А я могу и петь и смотреть! — снисходительно похлопал

по плечу своего командира штурман. Цибулевский улыбнулся: он неисправим, этот забубенный парень.

Борис убрал обороты двигателя и вывел самолет из облаков. Высота была менее пятидесяти метров. На летчиков глядели огромные стволы артиллерийских орудий. Казалось, все они направлены на них и вот-вот откроют огонь. У Бориса появилась противная икота. «Хороши штучки», — подумал он.

— Тикаем в облака, — затормозил его штурман, — а то еще зацепимся за эти чертовщины.

Цибулевский включил мотор и тронул ручку. Они скрылись в густых тучах. Судьба их хранила, по ним не было сделано ни одного выстрела, хотя при такой высоте самолет можно было сбить из простой винтовки.

Более часу летали они над вражескими позициями, разыскивая свои танки. Самолет то вываливался из облаков, то снова скрывался. Бочкин зорко смотрел за землей и в то же время вполголоса напевал любимые арии из опер и оперетт.

Наконец в одном из оврагов за сожженной деревушкой они увидели четыре танка с красными звездами на броне, успели разглядеть лица танкистов, которые улыбались и дружески помахали им руками.

Миша отметил на карте точку, где находились танкисты. Самолет покачал крыльями и взмыл в облака.

Через час в штабе полка Цибулевский доложил о местонахождении танкистов.

— Красиво слетали, — рассказывал друзьям Михаил. — Теперь собираюсь основательно всхрапнуть. Ночью-то ведь снова работенка.

11

Борис-джан (любимый) — так первым стал величать своего командира заместитель комэска Сурен Саркисов.

Сурен был очень признателен Борису за то, что тот ввел его в боевой строй. Саркисов не был первостатейным летчиком, но обладал командирскими данными и как помощник дополнял комэска.

Когда же Сурен впервые сказал свое крылатое «Борис-джан»? Как-то у партизан вынужденно сел летчик эскадрильи Атипалихин. К нему на выручку полетел сам командир. В рай-

оне Идрицы самолет обстреляли. После того, как экипаж проскочил зону огня, Борис заподозрил, что пробили бензобак, и проверил по приборам наличие горючего. Опасения подтвердились. Бензина оставалось всего ничего. Пришлось садиться.

Цибулевский посадил самолет на белеющее снежное поле. Внимательно осмотрел бензосистему. Пробоина была чуть выше днища.

Со штурманом Иваном Лозовым определили, что сели на озеро. По мнению обоих, оно было в партизанском районе. Посидели в кустах, покурили, дожидаясь рассвета.

Чуть рассвело. По опушке леса, проваливаясь в глубокий снег, побрели к ближайшей деревушке. Осторожно подошли к первой хате. Тихо постучали в дверь. Вскоре вышла старушка в пальто, накинута на плечи.

— Чего, родименькие?

— Мать, есть ли в деревне партизаны?

— Что вы, сыночки, у нас кругом немцы, а партизаны вон там, — махнула она рукой в сторону леса, из которого они пришли.

Летчики переглянулись. Вот так влипли! Выходит, надо давать тягу.

— Ты, мать, молчи. О нас никому ни слова, — попросил Цибулевский.

— Понимаю, сынки, понимаю, — закивала головой старушка.

Они кинулись к лесу. Еле-еле добрались до кустарника. Свалились, жадно глотая воздух, вытряхивая снег из унтов.

— А что, если самолет обнаружили и там засада? — с тревогой спросил Лозовой.

— Я иду к машине, — твердо сказал Цибулевский, — вскочу в кабину, если все в порядке, подбежишь и ты. А пока прикрывай меня.

Опасения оказались напрасными. Никто их не поджидал. Они уселись в кабины, прогрели мотор и взлетели.

Уже пришло утро. Сквозь редкий лес виднелась дорога. Слышно было, как гудят автомашины. Черт возьми, это же движется вражеская колонна!

— Попугаем, — предложил Лозовой.

— Что за вопрос? — согласился Борис.

Увидев внезапно появившийся самолет, фашисты оторопели. Недоуменно смотрят на небо, шуряются от солнечных лучей, ви-

дино, раздумывая, не наваждение ли это... Днем над ними «русфанер»?

Лозовой дал длинную очередь из ШКАСа. Солдаты выскакивают из кузовов, кабин и разбегаются. А летчики, посеяв панику, летят к темному лесу, в котором, как сказала им старушка, находятся партизаны.

— Здорово паразитов шуганули. Наверняка есть убитые, — удовлетворенно говорит Лозовой.

Еще минута-другая лету, и на большой плешине показалась сгоревшая деревушка. Печально торчали печные трубы. У колодца доставал воду молодой парень, одетый в черную стеганку. Рядом с ним стояла пегая лошадка.

— Борис, это партизан! — крикнул штурман.

— Похоже, — согласился комэск и повел самолет на посадку. Цибулевский быстро выскочил из кабины и смело подошел к парню. Тот с недоверием смотрел на него и молчал.

— Слушай, браток, далеко ли до вашего лагеря? — спросил Цибулевский.

— Какого лагеря? Кто вы такие? — спросил парень. Его настороженность была вполне закономерной. Никогда еще днем к партизанам никто не прилетал.

— Чудак. Свои мы. Вынужденно сели, — серьезно ответил Цибулевский. — Свои, не сомневайся.

Он расстегнул комбинезон, и парень увидел гимнастерку с погонами и орденами.

— Ну, раз такое дело, покажу партизан, — подобрел парень. Он вел лошадь под уздцы, широко размахивал правой рукой и говорил, говорил. Признался, что, увидев людей, которые свалились с неба, крепко струхнул. Черт знает, что за люди. Допустил он оплошку. Повел поить коня, а автомат не взял. Обычно у колодца никогда не бывало чужих.

Вскоре летчики были у своих. Командир отряда, высокий сибиряк Селиванов, распорядился как следует угостить «летунов».

В землянку, где их разместили, молодая девушка принесла большую чашку с вареной кониной, картошкой, кринку молока. Ребят навестил летчик Иванов из эскадрильи связи, который сидел у партизан, ожидая техпомощи. Его самолет был сильно побит.

— Так и быть, по-дружески поделюсь с вами горячкой, — сказал он.

Отдохнув, Цибулевский с Лозовым пошли к самолету. Заделали дыру в бензобаке, подготовили машину к вылету. С наступлением темноты распрощались с гостеприимными хозяевами и вылетели домой.

На подходе к аэродрому они увидели: кто-то непрерывно подсвечивает небо ракетами.

— Ждут нас. Тревожится братва, — улыбнулся Цибулевский.

Это старался изо всех сил, пускал ракеты Сурен Саркисов. Он с прошлой ночи не уходил со старта.

— Сурен, не такой человек Цибулевский, чтобы сгинуть. Иди отдыхать.

— Я не уйду со старта, пока не увижу командира!

Когда самолет показался над аэродромом, вспыхнула новая серия ракет. Это все присутствующие дали салют в честь возвращения боевых друзей.

Самолет мягко приземлился. Все побежали к нему.

— Ура! Борис-джан вернулся! — громче всех кричал Сурен. — Качать его!

Множество рук подхватило Бориса и взметнуло высоко в воздух.

— Что вы делаете, черти полосатые! — с довольной улыбкой шумел Цибулевский.

12

После войны судьба разбросала фронтовиков по всей нашей необъятной стране. Мы растеряли друг друга. Не знал я, где и Борис Цибулевский.

Задумав написать книгу о военных днях, я пустился в поиск. Разослал десятки запросов по разным городам и в конце концов отыскал многих друзей-однополчан.

Первой ласточкой было письмо из Одесского горвоенкомата. Мне сообщили, что бывший штурман эскадрильи полка С. В. Кадесников служил в штабе военного округа, вышел в запас в звании подполковника. Живет в Одессе.

Я тотчас же написал ему письмо. Он откликнулся, у нас завязалась переписка. Степан Васильевич настойчиво приглашал меня в гости.

Однажды летом я нагрянул к Кадесникову. Он и его жена Антонина Андреевна встретили меня радушно. Отвели мне просторную комнату.

Пока хозяева были на работе, я ходил по городу, любовался его красивыми площадями и улицами, морским портом.

Море было теплое, ласковое, я с удовольствием проводил время на пляже. Как-то после купания присел на берегу. Мимо меня по асфальтовой дорожке двигались веселые, беспечные люди.

Вдруг я увидел знакомую фигуру. По дорожке неторопливо шагал коренастый мужчина в белой рубашке с засученными до локтей рукавами, в джинсах и сандалиях на босу ногу.

— Борис! — окликнул я его. Он оглянулся и узнал меня. Да, это был Цибулевский.

— Ах, пижон! — обнимая его, говорил я. — Видать, время не властно над тобой. Прекрасно выглядишь!

Оказалось, что Цибулевский на своей «Победе» едет в Николаев к брату. В Одессу заглянул на денек к дальним родственникам.

— Родичи родичами, а мы со Степаном тоже хотим тебя видеть. Сколько лет, сколько зим не встречались! Идем к Кадесниковым!

Борис охотно согласился. Появление Цибулевского было радостным сюрпризом. Срочно был накрыт праздничный стол.

— Досталось нам. Но ведь выдюжили! Живем-поживаем! Да здравствуем мы! Вечная слава погибшим! — провозгласил тост Цибулевский.

Да, большой ценой досталась нам эта мирная жизнь. Сколько славных ребят погибло только в нашем полку! Нахмурился, помрачнел Степан. На фронте полегли два его брата. А разве на нас, уцелевших, война не оставила своих отметок!

Сидим за дружеским столом. Вспоминаем минувшие дни.

То и дело раздаются возгласы:

— А помнишь, как было в лютый мороз под Москвой?

— Помнишь жару на Курской дуге, промозглые ночи в Прибалтике?

Я расчувствовался и достал из штурманской сумки заветную папку с вырезками из фронтовых газет, стал читать рассказ о том, как Цибулевский ушел на задание, забыв отправить жене письмо, написанное днем. Над целью пришлось туго. Еле вы-

брался из зенитного огня. Всю обратную дорогу ругал себя за забывчивость: вдруг бы сбили и письмо осталось в планшете!

— Был такой случай, — признается Борис, — отдай мне эту газетку.

— Для друга ничего не жалко, — говорю я.

Разговоры, разговоры. Нет им конца. Вспоминается героическое, трагическое и смешное.

— Помните, ребята, великана Юрова? — спрашивает Цибулевский. — Любил поест. Все просил три обеда. Зато один под самолет без всяких подвешивал «сотку».

— А начним наш, Федя Грязнов, единым духом, без отрыва выпивал четверть молока. Кулаки у него были — двухпудовые гири. Не попадайся под руку. Его отделение по-ударному готовило ампулы с фосфором, от которых горели фашистские танки.

— А цела ли, Борис, твоя фуражка с золотым «крабом», которую выпрашивали ребята, отправляясь на свидание к девушкам? — спрашиваю я.

— Давным-давно сносила, — покачивает головой Борис.

Несмотря на должность комэска, звание капитана Цибулевский был простым, отзывчивым, всегда был готов поделиться с товарищами всем, что имел. Не отказал он как-то и мне, когда я поехал в отпуск. Дал свою красивую фуражку, новенький ремень с портупеей.

Ни на войне, ни теперь он не рисует, не кичится, ведет себя скромно. А ведь, что говорить, мы-то знали, какой это храбрец и классный летчик. Совершил ни много ни мало — шестьсот боевых вылетов да столько же еще и по связи. Недаром на его пиджаке шесть орденов и множество медалей.

После войны он еще много лет командовал отдельными эскадрильями в Прибалтике, на Украине, в Забайкалье. В звании подполковника вышел в запас и бросил якорь в Днепроретровске, где в одной из школ преподает военное дело, как общественник выступает с лекциями.

Мы засиделись у Кадесникова. Уже светало, когда улеглись спать. Днем мы проводили Бориса в Николаев.

Я надеялся повстречаться с ним. Но как-то до сих пор не пришлось. А короткая встреча у моря запомнилась надолго.

У меня сохранилась фотография, которую на прощанье сделал сын Степана школьник Володя. Мы все в белых рубашках с

растянутыми воротами, улыбающиеся, крепко стоящие на этой милой земле, отвоеванной у фашиста.

Спустя несколько дней я записал рассказы Цибулевского и оформил их в это повествование.

...Да, я совсем забыл сказать о Любове Владимировне — супруге Цибулевского. Женился он на ней после окончания Качинской школы летчиков. С Украины они переехали в Свердловск.

Когда началась война, Люба осталась на Урале. Но она постоянно писала в письмах Борису, что хочет попасть на фронт, хочет быть с ним.

В 1943 году в штабе полка не стало машинистки. По просьбе комэска Цибулевского из тыла была вызвана его жена. Она безропотно переносила все военные тревоги и тяготы, обычную фронтовую жизнь.

Их приютом были то шатер из веток, то землянка, то разбитая хата в пустой деревушке. Люба старалась как можно уютней обставить свое жилье. На столе всегда стоял букет полевых цветов.

В штабе Люба появилась в зеленом сарафане и белой кофточке. От нее пахло ароматными духами. Приятно было видеть красивую женщину в такой обстановке. Работой она была завалена. Ее белые холеные пальцы быстро бегали по клавишам «Ремингтона».

В столовую Люба приходила вместе с офицерами штаба. Сначала официантки ее кормили по технической норме, но, узнав и убедившись, что она законная, настоящая жена Цибулевского, стали угощать ее летным пайком.

В свободное время она как боевая подруга офицера заглядывала в общежитие второй эскадрильи, не давала ребятам предаваться меланхолии и грусти, устраивала танцы под баян, песни, заставляла вслух читать Пушкина, Маяковского, Жарова. Подолгу беседовала с девушками-оружейницами и чем могла помогала им в их суровой армейской жизни.

Не гнушалась она хозяйственных дел. Про нее нельзя было сказать, что она белоручка. Люба стирала белье мужу и его друзьям. Костюмы Бориса всегда находились в полном порядке, были почищены и поглажены. В общем, хлопот, как говорится, был полон рот.

Тяжелым камнем давили Любу темные фронтовые ночи.

Обычно при отправке в полет Борис всегда был спокойный и собранный. Он, целуя ее в лоб, говорил: «Утречком, Любаша, свидимся». С большим волнением ожидала она наступления утра. Спала плохо, ворочалась с боку на бок. Молила, скорей бы приходил рассвет и возвращался милый.

Знала она, что Борис улетел на опасные дела. Не раз и не два Люба печатала сообщения о погибших в боях летчиках. Слава богу, до сих пор чаша сия миновала ее муженька. Но кто знает, что может случиться сегодня, завтра?

Люба слышала дыхание войны. Где-то совсем близко грохотала артиллерийская канонада. Видела она разрушенные города и села, бедную землю, перепаханную траншеями и окопами, опутанную колючей проволокой, видела смердящие трупы людей.

Однажды во время бомбежки аэродрома сильная взрывная волна сбила ее с ног и оглушила.

Как-то при перебазировании эшелон, которым она ехала, подвергся артобстрелу. Снаряды рвались, поднимая столбы земли и пыли. Осколки со свистом проносились поблизости. Страшно хотелось плакать, но Люба закусила до крови губы и сдержалась.

В другой раз она увидела, как на минах подорвалась обогнавшая их автомашина и куски человеческих тел разметало по деревьям. Видать, судьба и на сей раз помиловала ее. Несмотря на это, Люба долго и безутешно плакала.

После войны у Цибулевских родился сын Михаил. Он окончил медицинский институт, работает врачом в воинской части...

Временами Борис дает о себе знать — то письмом, то открыткой. Годы, годы идут. В 1986 году Цибулевский отметил свое семидесятилетие. В гости к нему приезжали друзья-однополчане Михаил Кадушкин, Михаил Лебедев, Сурен Меликов, Владимир Меликян и другие.

Все желали ему здоровья, счастья, жизненных успехов.

За праздничным столом Миша Лебедев прочел стихи Александра Твардовского, посвященные космонавту:

Когда аэродромы отступленья
Под Ельней, Вязьмой и Москвой
Впервые новичкам из пополненья
Давали старт на вылет боевой, —
Прости меня, разведчик мирозданья,
Чьим подвигом в веках отмечен век,

Там тоже, отправляясь на задание,
В свой космос хлопцы делали разбег.
И пусть они взлетали не в ракете
И не сравнить с твоею высотой,
Но и в своем фанерном драндулете
За ту же вырвались черту.

Поистине прав поэт, утверждая, что летчики У-2 вели смертные бои не ради славы, ради жизни, во имя мира, во имя наших светлых дней. И если бы не солдаты войны, укротившие фашистского зверя, не было бы нашей прекрасной советской земли.

О Г Л А В Л Е Н И Е

О друзьях-товарищах, об огнях-пожарищах	5
Песня о Соколе	26
В зимнее утро	32
«Дареное не дарят»	36
Полет с генералом	41
Мечта	46
Юра-большой и Юра-маленький	51
Кусок парашютной лямки	57
У костра	60
Тайна Николая Топорова	64
Невезучий	66
Мост	74
В рубашке родился	79
Летать, всегда летать	87
Песня, «мессер» и яблоки	93
Белая ракета	96
Талисман	99
Чудак	104
На базу не вернулся	112
Имя в граните	118
Последний полет	131
«Самому смелому»	137
Возвращение Ивана Дудрова	144
В ночь под Новый год	149

Калоша	153
«Ауфвидерзеен»	155
«Диверсанты»	156
Цыплята	158
Рыжий штурман	160
Путь комэска	165

Иван Иванович Юхнов

ДРУЗЬЯ МОИХ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Фронтовые записки

Зав. редакцией *М. Лебедева*

Художник *В. Оборин*

Художественный редактор *С. Можалева*

Технический редактор *В. Чувашов*

Корректор *Г. Черникова*

ИБ № 1831. Массово-
политическое издание

Сдано в набор 04.02.88. Подписано в печать 26.04.88.
ЛБ06053. Формат 70×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,10. Усл.
кр.-отт. 9,94. Уч.-изд. л. 11,182. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 110. Цена 65 к.

Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь,
ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления
издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001,
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 67.

Юхнов И. И.

Ю94 Друзья моих военных лет: Фронтовые записки. —
2-е изд., перераб. и доп. — Пермь: Кн. изд-во,
1988. — 201 с.

ISBN 5—7625—0128—0

Воспоминания бывшего заместителя начальника штаба полка ночных бомбардировщиков легли в основу этой книги.

Ю 0505030202—35
М152(03)—88 Без объявл.

ББК 63.3(2)722.78

Уважаемые читатели!

В нашем издательстве готовятся к выпуску следующие книги военно-патриотической тематики:

Золотые Звезды Прикамья,

4-е, исправленное и дополненное издание биографического справочника о наших земляках — Героях Советского Союза.

Пермские чекисты.

Книга документально-художественных очерков.

Паначев В. Д. Снайперы Прикамья.

Книга о наиболее известных снайперах Западного Урала, об истории развития стрелкового спорта в нашей области.